

ГОРОД

12+

ЕКАТЕРИНА
БЕРЕСЛАВЦЕВА
повесть

Екатерина Береславцева

Город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42625366

SelfPub; 2023

Аннотация

Успешную столичную художницу Изольду судьба забросила в незнакомый городок Арбузов. Жильё она находит через попутчицу, предложившую квартиру своего брата Васи, и в первый же день знакомства с городом Изольда сталкивается с местным жителем Матвеем, который признаётся ей в любви с первого взгляда. Прогулки с Матвеем по городу, полному чудес, дружеское общение с Васей, очарования и неожиданные встречи – путешествие в Арбузов оказалось невероятным, захватывающим ум и воображение, но с каким сердцем придётся расставаться нашей героине с человеком, которого она полюбила, и городом, который захватил её в свои сети? И состоится ли это расставание?

Содержание

Часть 1	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	45
Глава 5	63
Глава 6	71
Глава 7	86
Глава 8	94
Глава 9	105
Глава 10	109
Глава 11	123
Глава 12	129
Глава 13	135
Глава 14	142
Глава 15	149
Глава 16	154
Глава 17	157
Часть 2	164
Глава 1	164
Глава 2	170
Глава 3	175

Глава 4	181
Глава 5	190
Глава 6	195
Глава 7	198
Глава 8	205
Глава 9	213
Глава 10	217
Глава 11	222
Глава 12	233
Глава 13	237
Глава 14	244
Глава 15	248

Екатерина Береславцева

Город

Часть 1

Пролог

– Здравствуйте, а я вас узнала! – уставшее лицо моментально преобразилось. – Куда на этот раз? Или как обычно?

– Как обычно.

...Вам как обычно, двойной эспрессо? И этот маленький бисквит?...

– Прекрасно! – Быстрые пальчики замелькали над клавиатурой. – Значит, так! Двадцать три минуты до отправления Казани, двадцать – до Магнитогорска и пятнадцать до Самары!

– Ах, Самара, городок! – протянула раздумчиво и...

– А ещё Арбузов!

– Что??

– Ну, Арбузов, городишко такой. В южном направлении.

– В южном? – Это завершило дело. – Пойдёт. Зимой птицы тянутся на юг...

– Тогда оформляем? Осталось тринадцать минут!

– Да!

Число тринадцать она любила...

Глава 1

Самым первым местом, куда меня занесло с этюдником, оказалась Коломна. Нет, вообще-то на пленэр ехать я не собиралась. Так уж получилось, что Лёня, бывший однокурсник, обзванивая желающих выехать на природу, набрал и мой номер. Чудеса да и только, я-то никогда в его подругах не ходила, но, видно, остальные отказались, сославшись на дела. А у меня в то время было затишье – институт я окончила, а на работу устроиться никак не могла, всё выбирала. Так что Лёне повезло, а уж мне-то как повезло, и говорить не нужно. На живую натуру я выбиралась не часто и очень себя за это обстоятельство журила. А тут такой случай, счастливый просто! У Лёнчика в Коломне бабка обитает, вот у неё-то три недели мы и прожили. На этюды бегали каждый день, иной раз и по два раза – утром графика, после обеда живопись или наоборот. Нам не помешал даже сильнейший ливень, случившийся в один из дней; есть в Коломне дворик чудесный, оформленный специально для туристов, со скамейкой в ретро-стиле, на фоне которой – улица девятнадцатого века в виде фотоотиска на стене, и в этом дворике есть кафе, где плач природы мы и переждали. С Лёней мы в тот период очень сдружились, одно общее дело сближает людей, к тому же нашлись и другие, не менее увлекательные, интересы...

После рождения дочки какое-то время Лёня жил у меня. Замуж не звал – я, впрочем, и не особо настаивала, как будто чувствовала, что всё скоро закончится, – но тёплые чувства ко мне и малышке испытывал. Чего не сказать об отношении его к моим дорогим родственникам. Да, в квартире, кроме молодой семьи, проживали также мать, тётка и бабка юной мамыши. Женское королевство с кодексом собственных законов и правил. Чем-то наши традиции Лёню не устроили; возможно, на него давило отсутствие личного пространства – хоть нам и выделили отдельную комнатку, но, во-первых, помещение оказалось проходным, что не могло понравиться крепкому молодому парню, а во-вторых, и днём, и ночью паслись на этом маленьком пятачке все мои родственницы попеременно, ребёнок-то требовал присмотра! Мне почему-то они не доверяли, хотя я старалась изо всех сил. Хватило Лёнчика на полгода. В тот день, когда Элли (Эльвира по паспорту и по горячему желанию моей бабки) в первый раз самостоятельно села, без поддержки взрослых рук, он и заявил:

– Прости меня, Изя (Изольда по паспорту и по не менее горячему желанию моей матери), но жить я так больше не могу!

– Снимем квартирку? – поняла по-своему я его восклицание. Жить отдельно от родичей было моим тайным желанием.

– Я от вас уйду!

– Ах, вот как?!

Конечно, если бы он произнёс «от тебя», моя реакция была бы иной. Но это категоричное «от вас», куда, как мне показалось, он поместил и нашу дочь, ни в чём не повинного младенца, больно ударило по моим чувствам. И, поскольку пожениться мы так и не успели, о том, чтобы давать видеться папаше с дочерью, даже речи не возникло. Потом-то я, конечно, образумилась, но к тому времени Лёнька от нас отвык, завёл другую девушку, а вскоре и женился на ней. Сейчас у Элли подрастает братик, с которым моя десятилетняя дочь никаких отношений не поддерживает, с активного одобрения всех окружающих её женщин. Зачем, собственно?

Помимо дочери, возникшей в результате лёгких и недолгих отношений, у меня появилось ещё одно приобретение: желание, постепенно переросшее в привычку и даже страсть, несколько раз в год выезжать на этюды. Сначала – по ближайшему Подмосковию (Коломна больше в этот список не входила, увы), а потом мою творческую натуру потянуло и дальше, благо родственницы во главе с бабулей против ничего не имели. А вот «за» – ещё как! И самым главным определяющим их согласия была непомерная любовь одиноких женщин к своей племяннице-внучке-правнучке. Наверное, если бы я осела в одном из прекрасных мест, куда забрасывала меня судьба, они бы возражать не стали. С условием, конечно, что ребёнка оставят им. Но это уж нате вам, на такое я

никогда не пойду!

А судьба забрасывала меня лихо. Стоя в очереди в билетную кассу, я сама не знала, куда отправлюсь на этот раз. Выбор предстояло делать спонтанно, по наитию, и не каждый раз он был удачен. Хотя большей частью мне везло. Вот и кассирши меня стали узнавать...

Про нынешний город Арбузов я слыхом никогда не слышала, хотя что-то смутное в памяти брезжило. Возможно, к названию города воспоминания отношения не имели...

Действовать буду как всегда: для начала поспрашиваю у попутчиков, вдруг кто-то подскажет, где можно остановиться тихой художнице без вредных привычек. Если не повезёт, искать придётся по приезду, что тоже не особо сложно для человека, имеющего голову на плечах и правильно подвешенный язык. С людьми ладить мне всегда удавалось.

– Знаете, Изольда, – обрадовала меня первая же попутчица, к которой я обратилась с вопросом, – у моего брата в Арбузове огромная квартира, в которой хватит места хоть всему товариществу передвижников с Крамским во главе!

– Всему не надо! – Женщина оказалась к тому же знатоком изобразительного искусства, что обрадовало меня вдвойне. А если ещё и брат близок к живописи... – А вы уверены, что ваш брат не будет возражать?

– Он-то? – она усмехнулась горделиво. – Васенька сделает так, как я скажу. Старшую сестру братишка слушается во всём!

Васенька, значит. Простенько, без мещанских изысков. У самой пассажирки тоже оказалось незамысловатое имя – Света. Куда им до Изольд, Эльвир, Агнесс, Бронислав и Вольдемаров! А покойную мою тётушку, третью мамину сестру, и вовсе бабуля нарекла бесподобным именем Даздраперма, но это, думаю, в угоду её батюшке, моему прадеду. Говорят, суровый был коммунист. Но я отвлеклась.

– Что ж, лучшей новости придумать невозможно! Мне так повезло с вами!

– Я думаю, и брату повезло! – улыбнулась женщина. – Умная, интеллигентная девушка, да к тому же без вредных привычек...

Она это так сказала, будто не в жилички меня определяла, а в жёны. Интересно, а не так ли это было на самом деле? Если Васенька, исходя из её слов, тюфяк и подкаблучник, то не ищет ли любящая старшая сестра для братишки подходящую супругу? Хм, это оказалось бы излишним осложнением.

– А можете рассказать о вашем городе, Светлана? А то я еду, а у вас, может быть, и нет ничего... – я осеклась, слишком поздно поняв, что своими словами могу и обидеть человека.

– Всё у нас есть, как в Греции! А если чего нет, так оно нам и не надобно!

Она оглянулась на другую пассажирку, толстую одышливую тётушку в изрядно поношенном спортивном костюме

унылого сизого цвета. Эта одежда шла этой женщине так же, как и мне роба сталевара. То есть никак!

На взгляд соседки толстуха улыбнулась, но промолчала. Отдуваться пришлось Светлане.

– Ну правда-правда! Вас ведь интересуют старинные дома, живописные улочки и дворики? Так этого добра у нас пруд пруди! Кстати, пруд тоже имеется, чудесный, с утками и лебедями. В усадьбе Назаровых. Сейчас там музей, а раньше эти самые Назаровы и жили, до революции ещё. Красивейшее место, вам обязательно понравится! Там постоянно кто-нибудь из вашего брата-художника толчётся. У нас художников-то мно-о-го! Есть и школа искусств, и училище, и художественный институт даже! Уезжать из Арбузова редко кто стремится, родной край милее всяких там столиц да заграниц!

Усадьба – это прекрасно, люблю я такие места! Воображение тут же нарисовало белокаменный дом с колоннами, окружённый сказочной красоты парком, высокую мраморную лестницу с изящными перилами и окна – стройные, арочные. А перед входом обязательно цветник. Без цветника никак!

– А наш оперный театр даже в Америку на гастроли ездит! – вставила реплику толстуха.

– Сама Анна Требко у нас пела, между прочим! И очень нашу труппу хвалила! – подхватила Светлана.

– Наша Арбузовка – самая чистая река в России! Форели

там – завались, а это первейший показатель, знаете ли!

– Говорят, поимка форели на удочку приносит удачу и достаток. Так что точно вам говорю, самые удачливые люди живут именно в нашем Арбузове!

– И не только удачливые. Вот вы, например, знаете своих соседей не то что по подъезду, а вот даже по лестничной площадке? – в меня вбуравился дотошный взгляд толстухи. – Знаете??

– Вообще-то да. – Неловко было огорчать человека, но кривить душой я не люблю. – Мы же в этом доме лет пятьдесят живём, он ещё прадеда моего застал...

– Значит, вам повезло. Но согласитесь, что редко кто из столичных жителей своих соседей знает. Каждый в своём закуточке прячется. А вот у нас в Арбузове не то что соседа, собаку его в лицо узнают. Всю её родословную вам расскажут, до пятого колена. И его хозяина тоже. А о чём это говорит?

– О чём? – я улыбнулась.

– О том, что люди у нас равнодушные, вот о чём!

– Любовь Андреевна права! – жарко поддакнула Светлана. – В Москве вашей таких нет!

Я бы могла ещё как поспорить на эту тему, но почему-то не стала.

– Да что там ваш Арбузов, вот Ярославль – это да!

К разговору неожиданно присоединился наш четвёртый попутчик, крепкий мужичок крестьянской наружности. На

верхнюю полку он забрался сразу же, едва только поезд от Москвы отъехал. И даже похрапывать стал. А сейчас вдруг проснулся. Обида, видно, за родной город разбудила.

– Мы, между прочим, в Золотое кольцо входим, понятно вам? У нас храмов да церквей всяких, что травинок на участке, не сосчитать! В одиннадцатом веке Ярославль основан, а вот ваш Арбузов в каком, а? Небось, лет сто городишку, не более!

– Какие сто, какие сто! – в один голос заверещали тётушки. – Да Арбузов старше твоего Ярославля на двести лет! Что, съел?

– Подумаешь, двести! И какая-нибудь задрипанная деревня Осиповка может быть старше, а разве Ярославлю она в подмётки сгодится? Да у нас одна только Волга – конца и краю не видать, так широка, а ваша Арбузовка, небось, лужа лужей, вот с руку мою!

И он потряс своей крепкой и очень волосатой ручищей перед нами. Тётки ахнули от возмущения, а я быстренько ретировалась из купе и плотно за собой дверь задвинула. Пусть разбираются сами! А я лучше на пейзажи законные полюбуюсь.

Любоваться, правда, не особенно получилось. Метель за окном поднялась, всё пространство запорошила, заволокла. Как будто вуаль белую на вагон набросили, ничего не видеть. Ох, и затяжная в этом году зима выдалась! Уже март давно в калитки постучался, а февраль никак права переда-

вать не желает. Только и остаётся надеяться, что город со сладким названием Арбузов согреет неуёмную путешественницу, теплом и гостеприимством порадует и в заснеженную Москву отправит совсем в другом настроении...

– Такъой красавиц – и сафсэм одна, э?!

Я слегка вздрогнула от неожиданности и оглянулась. Передо мной, сияя так, как будто встретил свою родную сестру, пропавшую в младенчестве, стоял белозубый смуглолицый тип весьма характерной наружности. Ему только кинжал за пояс заткнуть да папаху на густые чёрные волосы надеть – вылитый герой Зельдина из моей любимой советской кинокомедии. Хотя вряд ли этот товарищ овец пасёт...

Я незаметно вздохнула. Что последует дальше, могла бы рассказать дословно. Тысячу и один раз проходила. Привыкла даже.

Увидав моё лицо, он обрадовался ещё больше, и, отчаянно жестикулируя, выкрикнул несколько фраз на мало известном мне языке. Я только руками развела.

– Извините, не понимаю!

– Как так – не понимаю? – изумился он. – Ты что, язык предков забыль?

– Боюсь, что у нас с вами разные предки, – добавив сожаления в голос, вздохнула я.

– Э-э-э??

Кажется, мои слова его расстроили, боюсь даже – возмутили. Чёрные брови превратились в одну сплошную линию.

Отличный бы натурщик из него вышел, по привычке оценила я. Невероятно выразительное лицо.

– Я не азербайджанка, не армянка и даже не чеченка. Так вышло, понимаете?

– Я г-грузин! – гордо вскричал он, выпятив грудь вперед и став будто даже на несколько сантиметров выше.

– И не грузинка, – быстро добавила я. – Русская я. Вот честное слово!

– Нэ вэрю!

– Да я сама себе не верю, когда в зеркало смотрюсь. Но что поделать? Такой вот каприз природы.

И улыбнулась, стараясь, впрочем, не особо усердствовать в этом. А то знаю я таких людей, даже малюсенькая, самая вежливая улыбка может расцениваться как сигнал к действию.

– Слушай, а хочешь, я тебе...

Он осёкся на полуслове, с неудовольствием оглянувшись на отъехавшую дверь купе. Моего. На пороге показалась Светлана, раскрасневшаяся, в боевом настроении. Видно, спор между попутчиками разгорелся не на шутку.

Оценила обстановку она с первого взгляда.

– Изольда, девочка моя, тебя там твой муж ищет, весь телефон оборвал. Где ты застряла?

– Уже иду, дорогая Светлана! Муж – это святое!

Бросив незнакомцу ещё одну улыбку на прощание, я всё-таки не удержалась и быстро добавила:

– Мшвидобит, дзмао¹!

Дверь задвинулась прямо перед орлиным носом, но заметить, как вытянулось смуглое лицо, мне всё-таки удалось. К счастью, желания продолжать разговор у горячего парня больше не возникло, спустя несколько мгновений его голос гудел уже гораздо дальше от нашей двери. Видимо, нашёл ещё одну потенциальную жертву...

– Вы уж меня извините за вмешательство! – Светлана улыбнулась. Раскаяния, впрочем, в её голосе я не расслышала. – Я просто знаю, чем такие знакомства закончиться могут. Дочка одной моей приятельницы вот так же лучезарно поулыбалась, похихикала, а потом её цап-царап – в машину да в горы! Теперь в селе глухом живёт, из дома носа не кажет. Дикие нравы!

– Так её в рабство взяли? – ахнула Любовь Андреевна.

– Нет, зачем? Замуж. Хотя свадьбы как таковой и не было, по их обычаям при краже невесты свадьба не положена. Так и живёт, бедолага, в платке ходит замотанная, ужас! Никакой свободы.

– Бедная девочка! Жить с нелюбимым человеком...

– Она-то родителям внушает, что любит мужа, но вы же сами понимаете, чего только не наговоришь родным, чтобы их не волновать! Нет-нет, дикие нравы, дикие!

Светлана обвела всех горящим взглядом. Я улыбнулась про себя. Есть люди, которых трудно переубедить...

¹ Прощай, брат (груз.)

– Да, Изольда, а что такого вы ему на прощание сказану-ли? Ругательство какое-нибудь?

– Ну что вы, Светлана! Я просто пожелала ему... доброго пути! У меня подруга грузинка, так что кое с какими выражениями я знакома. Иногда представляется случай их применить. Кстати, зря вы так на кавказцев ругаетесь. Вот грузины, например, очень даже интеллигентная нация...

– Да я разве ругаюсь! – она руками всплеснула. – Мне просто девочку нашу жалко, она ведь школу с отличием закончила, надежды подавала, а теперь всё это – коту под хвост. До учёбы ли теперь с двумя детишками на руках?!

– А может быть, она именно там себя и нашла? – взгляд у Любви Андреевны стал задумчив.

– Не смешите меня! Что в горной глуши может найти молодая красивая девушка?

– Ну, не знаю... А только есть и у меня один пример, за которым далеко ходить не надо. Мой сын однажды мне заявил: ухожу в монастырь.

– Как – в монастырь? На полном серьёзе? – округлила глаза Света.

– На полном, – кивнула толстуха. – Я-то сама неверующая, как-то некогда мне было на эту сторону жизни смотреть, но даже меня сомнения взяли. Хотя в первый момент, как новость услышала, чуть дуба не дала. Хорошо, наш папа рядом оказался. Мой муж весьма благотворно на меня влияет, знаете ли...

Она улыбнулась такой хорошей улыбкой, что у всех, кажется, стало теплее на душе.

– Так и что же ваш сын? Всё равно остался при своём мнении?

– Вот от него еду. Послушник он сейчас, в одном из монастырей Ярославской области.

– Ярославской? – встрепенулся мужичок. – Да-а-а...

– Да-а-а... – подхватили и мы со Светланой.

И замолчали. Каждый о чём-то своём задумался, а я прадеда вспомнила. Того самого, коммуниста, который ни во что, кроме своей партии, никогда не верил. Да только перед самой его смертью, как бабуля рассказывала, что-то вдруг изменилось в нём. Не знаю, то ли страх, что не будет потом ничего, его встряхнул, то ли на самом деле пробудилось иное знание, какое может прийти только в самые страшные минуты человеческой жизни, но священника для исповеди Вольдемар Тихонович позвал. И о чём-то долго и очень тихо с ним говорил. И всю неделю после этого, вплоть до самого последнего своего часа, пролежал с чудесной улыбкой на губах. Так рассказывала бабуля, и мне нет причин ей не верить. А самой последней фразой, которую услышали от ярого коммуниста все родственники, собравшиеся у постели умирающего, было вот это: – Наконец-то я увижу правду...

Мои воспоминания прервал негромкий звонок, раздавшийся из моей сумочки.

– Мам, Тоня беспокоится, ты йогурт съела? Он долго мо-

жет не пролежать, если у вас в вагоне жарко!

– Поела, поела! Бабуля в своём репертуаре... Элли, солнышко, а ты не забыла Ирине Геннадиевне позвонить? Завтра у тебя урок!

– Мам!

Укоризненный голос дочери содержал в себе сразу несколько ответов: и то, что она никогда ни о чём не забывает, и – как же вы меня, мамушки-тётушки, достали со своей опекой! – и ещё много всяческих интонаций, оперировать которыми моя дочь умела в совершенстве. Эта способность у неё в прабабушку Тоню, умеющую одним лишь движением брови выразить всю палитру чувств, посетивших её в этот момент. Её мать, спутница непримиримого Вольдемара Тихоновича, имела дворянские корни, о которых, конечно же, семейство Бахметьевых особо не распространялось. Я, кстати, до сих пор удивляюсь, как это прадед Вольдемар оплошал, взяв в жёны дочь врагов народа. Бабушка Тоня утверждает, что виной всему какая-то невероятная, страшная по силе любовь, но мне это объяснение кажется весьма сомнительным. Может быть оттого, что сама я на такие глубокие переживания не способна? Лёня не в счёт – я никогда и не скрывала, что не влюблена в отца своей дочери как кошка. Гормонально-романтическое – так я для себя определяю то состояние, которое посетило меня десять лет назад в Колонне...

– Мам, мы тут с тётушками поспорили... Агнешка уверя-

ет, что на этот раз Архангельск выпал, Броня к Минску склоняется, а я уверена, что тебя на юг потянуло. В Краснодар, например...

– А бабушка Тоня?

– Тоня в наших спорах никогда не участвует, ты же знаешь!

– На что спорили?

– Да так, ерунда! – Элли ухнула радостно. – На мытьё посуды. Ну скажи, скажи, я ведь права, да?

– Как всегда! Хоть и не Краснодар, но к теплу мне захотелось. В Арбузов, дочь.

– Мам, какие арбузы в марте?

– Да нет, это город так называется, Арбузов! Меня уверяют, что это самое лучшее место на свете. Вот, собираюсь этот факт проверить, – я с улыбкой посмотрела на своих попутчиков.

– Арбу-у-узов? – протянула Элли. – Не слыхала. Это что, в Грузии?

– Почему в Грузии? – удивилась я.

– Ну помнишь, мы фильм с тобой смотрели грузинский. Как мальчишка в реку арбузы бросал, а девочка Марина их вылавливала. Помнишь?

– Помню, конечно. Семь историй о первой любви... Но нет, Элли, город Арбузов к тем арбузам отношения не имеет!

– А жаль! Что-то мне арбузика захотелось...

– Придётся до лета потерпеть!

– Придётся, – вздохнул мой ребёнок. – Мам, а ты в этот раз надолго?

– Думаю, дней на десять, солнышко. Но это будет зависеть... сама знаешь, от чего!

– А ты там не одна, да? Говорить не можешь?

– Да.

– Ты, пожалуйста, будь осторожна, хорошо? Мне сегодня сон такой странный снился...

– Ты мне не рассказывала!

– Не хотела перед дорогой волновать.

– Что, какой-то кошмар, Элли?

– Не кошмар, но... Ой, мам, меня Агнешка зовёт, я тебе потом расскажу, если не забуду. Но ты не переживай, ничего страшного! Может быть, даже наоборот! Ну всё, я побежала, а то наши тётушки меня съедят!

– Они могут! Элли, будь послушной девочкой, ладно?

– Мам!

Закончила разговор я с беспокойным сердцем, хотя вроде бы причин на это не было. Ну сон, подумаешь, это же не по-настоящему! Даже если учесть, что некоторые сновидения моей дочурки воплощаются в жизнь каким-то совершенно немислимым образом, не буквально, но фиксируя узловые точки, накручивая вокруг них фантазмагоричные события, волноваться всё равно не стоило. Да и со сном ли связаны мои ощущения? Может быть, совсем другое подтолкнуло моё подсознание к эмоциональной дрожи?

– Дочка звонила? – Любовь Андреевна, кажется, была удивлена.

– Да. Беспокоится...

– А сколько ей? – это уже Светлана спросила.

– Десять. Но иногда мне кажется, что она гораздо старше меня.

– Знакомое ощущение! – толстуха кивнула. – Дети вообще мудрые существа... до определённого возраста. Вы извините, Изольда, а сколько же вам самой лет? Я бы и не подумала, что у вас такая взрослая дочь!

– Мне тридцать три.

– Вот как... Знаете, а для меня возраст Христа поворотным оказался – замуж я в тридцать три вышла и Славика, сына, родила.

– Я слышала такую теорию, что у человека каждые одиннадцать лет происходят обновления и перемены в жизни. Так что ничего удивительного, Любовь Андреевна! Хотя вот мои тридцать три прошли серо и буднично... – Светлана пожала плечами. – Но моя жизнь вообще редко в какие-то правила вписывается!

– А я в тридцать три в Ярославль переехал, – откликнулся сосед сверху.

– Как?! – в один голос воскликнули обе тётушки. – А мы думали, что вы коренной ярославец!

– Для того, чтобы полюбить город, совсем не обязательно в нём родиться! Любовь – штука спонтанная, дамоч-

ки. И непредсказуемая. Иной раз так по башке шандарахнет, что все мозги набекрень посшибает. Потом думаешь – куда смотрел, идиот? А поделать уже ничего не можешь. Любовь, так её за ногу!

– Вот-вот, у меня как раз так и было! – глаза у Светланы загорелись. – Как молнией меня пронзило, только увидела этого негодяя, только что искры из глаз не сыпались. А так всё было – и дрожь в коленях, и бабочки в животе. Рубашки его под подушку клала, чтобы даже ночью запах любимый вдыхать, представляете? Вот дура была!

– И чем всё это закончилось? – с любопытством спросила толстуха.

– Да ничем хорошим! – Светлана махнула рукой. – Хотя вру. Дочке уже двадцать два, скоро внуков мне родит. Наверное, для этого и случилась со мной та история. Знаете, я бы даже согласилась ещё раз через развод пройти, лишь бы Санька моя на свет появилась. Она у меня умница, каких свет не видывал. Сейчас на последнем курсе экономического учится, в бухгалтерии просто Бог! Параллельно несколько фирм ведёт, представляете? В её-то годы!

– А мои бездельники и лоботрясы! Всё бы им только с дружками резвиться да школу прогуливать. Супружница моя, как на работу вышла, совсем из рук детей выпустила. Я ей талдычу: лучше дома сиди, ребятишек воспитывай, а я деньгу и сам притащу. А она: я, видите ли, не только как женщина, но и как личность состояться желаю! Как личность,

как вам это нравится?!

– Ну и правильно! Вам, мужикам, что главное? Бабу дома усадить, да делами побольше нагрузить, а о том, что у нас тоже свои желания имеются...

Будь я в другом состоянии, я бы тоже поучаствовала в беседе – всегда любила эту лёгкую, ни к чему не обязывающую и ни к чему не ведущую дорожную болтовню. Но разговор с дочерью повёл мои мысли совсем в другую сторону, вовсе не пересекающуюся с моими милыми попутчиками. И главное, никак не удавалось ухватить за хвост причину нынешнего беспокойства. Какое Эллино слово или, может быть, эмоциональный тон так вдруг переменили моё настроение? Мутно, непонятно, расплывчато. И, кажется впервые за последние годы, грядущее знакомство с новым городом не казалось таким уж радостным и желанным. Может быть оттого, что предстояло проходить его в одиночестве?

Глава 2

Впрочем, следующим утром от тягостного настроения не осталось и следа. Город Арбузов встретил своих гостей, как и положено радушному хозяину, солнцем, раскрытыми объятьями и улыбкой. Причём в буквальном смысле. При въезде на вокзал я с радостным изумлением увидела высокую девичью фигурку, застывшую будто в полёте, – взлетающая ткань платья, раскинутые в стороны тонкие руки, нежный овал белого лица и сияющая, немного робкая, улыбка на мраморных губах. Статуя расположилась прямо у главного входа в здание вокзала на высоком постаменте, невольно обратив мои мысли к другой героине, неуловимо похожей на эту. Бегущая по волнам – вот что навеял мне сей образ и от чего вдруг звонко и радостно застучало моё сердце. Хороший знак! – моментально решила я и, в прекрасном состоянии духа, совершила свой первый шаг на платформу.

– А вот и мой Вася! Вася, Васенька, мы тут!

Светлана неистово замахала рукой кому-то, другой рукой крепко прихватив меня за плечо. Чтобы не сбежала, полагаю. Хотя куда мне бежать, в чужом городе, не имея ни одного знакомого лица на сто вёрст вокруг!

Брату своему о временной постоялице любящая сестрица доложила ещё в дороге.

– Я же говорила, мои желания Вася выполняет без вопро-

сов!

Впрочем, об этом я догадалась бы и без её слов, лишь бросив первый взгляд на стремительно приближающегося к нам человека. На вид Васе было лет тридцать, хотя Света уверила, что ему сорок один. Возможно, виной всему некоторая небрежность в одежде, свойственная скорее молодому человеку, нежели мужчине в солидном возрасте. Яркий клетчатый шарф на шее, сбившийся на плечо от быстрой ходьбы, длинное пальто непонятого оттенка, который трудно определить даже мне, профессиональному художнику. То ли это серый с примесью олова, то ли грязно-зелёный, вымазанный в болотной жиже... Густые и весьма кучерявые кудри украшала кепка, тоже клетчатая, но совершенно другой расцветки, нежели шарф, и никак с ним не гармонирующая. На мир Вася взирал через круглые в чёрной оправе очки. А довершала всю картинку радостная, чуточку стеснительная, улыбка очень доброго и немного не от мира сего человека. Человек рассеянный с улицы Бассейной...

– А мне казалось, что ты про пятый вагон говорила. Так я в каждое его купе по несколько раз заглянул, прежде чем догадался, что опять что-то напутал!

– И я этому почему-то ничуть не удивляюсь! – Светлана громко рассмеялась. – Знакомься, Васенька, это Изольда, та самая девушка, о которой я тебе рассказывала!

– Здравствуйте, Изольда!

Глаза за толстыми линзами очков казались какими-то

неуловимыми, изменчивыми. И опять я потерялась, определяя их цвет. Серые? Или голубые с оттенками аквамарина?

– Огромное вам спасибо, Василий, что согласились меня приютить! Надеюсь, я не очень вас стесню?

– Ну что вы, какая ерунда! У меня такая огромная квартира, что можно неделю в ней прожить и никого не заметить! Хотя вас не заметить будет трудно...

Он покраснел. Как мило!

– И всё же я постараюсь не сильно мелькать перед вашими глазами. К тому же на пленэр я обычно ухожу очень рано...

– Ну, успеете ещё обо всём договориться! Вася, держи мою сумку, и ещё вот эту коробку, она не тяжёлая, но тащить её весьма неудобно. Кстати, она как раз для тебя, тётя Паша сказала, там документы какие-то. И у Изольды чемодан за-бери...

– Нет-нет, я сама!

– Никаких сама! Что это вы вздумали? Да и посмотрите, какой мужчина у нас крепкий, не только чемоданы, но и нас на руках донести сможет! Правда, Васенька?

– Ну что ты, Светик!

Смутившись окончательно, Василий схватил каждой рукой по сумке, подмышкой зажал коробку, которая так и норовила вырваться на свободу, и понёсся вперёд, не оглядываясь. Шея у парня покраснела – от напряжения, видимо. Мы со Светланой засеменяли сзади.

– Сейчас такси поймает, быстро домчитесь, с ветерком!

– А если на общественном транспорте ехать, то очень далеко?

– У нас тут всё не далеко, – Светлана улыбнулась. – А вы на автобусе хотите?

– Можно на трамвае, всё равно. Или это неудобно?

– Ну почему же! Вася, Васенька, стой!

– А?

Он резко затормозил и развернулся, с удивлением посмотрев на нас. Мне показалось, что удивление его было вызвано не внезапной остановкой, а нашим со Светой присутствием. Как будто человек напрочь забыл, где и с кем сейчас находится!

– Вася, наша гостья пожелала автобусом домой добираться. Как ты думаешь, мы можем это устроить?

– Автобусом? Конечно, разумеется, как скажете!

Кажется, Василий даже обрадовался предложению. Может быть, ему тоже по душе неспешные поездки общественным транспортом? Я, например, в Москве стараюсь по возможности метро не пользоваться – пусть дольше и затруднительней, но проехаться на троллейбусе или в трамвае для меня гораздо радостнее, чем спускаться в подземелье. К тому же нынешняя моя работа прекрасно позволяет это делать...

– Тогда я вас покину, мои дорогие, устала с дороги так, что ноги не держат. Но в гости на днях ждите! Вот с делами управлюсь и сразу к вам!

Светлана расцеловала брата, коснулась губами и моей ще-

ки и, в секунду остановив какую-то машину, умчалась прочь, только мы её и видели. Энергичная женщина. Такую сестру попробуй послушаться! А как лихо она нас с Васей в одно целое объединила! Да, с такой особой, пожалуй, ухо остро держать нужно, оглянуться не успеешь, как тут же окажешься перед алтарём!

– А вот и наш автобус!

В Васином голосе слышалось облегчение и даже, кажется, радость. А впрочем, я могла и ошибаться, трудно судить о человеке, совсем его не зная. Подошедший автобус оказался практически пустым, всего несколько человек сидело в разных концах салона, и большая часть из них – старушки. Видимо, этот вид транспортного средства в Арбузове не пользуется популярностью...

– Наши люди в основном на маршрутках ездят, – пояснил Вася, направляясь вслед за мной к сдвоенному сидению. – Это гораздо быстрее, а по цене разница в пару рублей. Вы садитесь, а я пойду деньги отдам...

– Подождите, я сейчас, – я полезла в свой карман за мелочью. – А сколько проезд стоит?

– Да вы что, я сам! – ахнул он и, моментально покраснев, кинулся в конец салона, к скучающей кондукторше.

Я смотрела ему вслед. Добрый ты, Вася, человек, хоть и нелепый немного. А сестру твою понять можно – видимо, никто из нынешних хватких девиц на мягкое сердце уже не клюёт, всем подавай брутального мачо, да чтобы шикарное

авто под попой и пачки «зелёных» в кармане. А что они потом с богатой пустышкой делать будут, никто и не задумывается. Зачем?

– А вы раньше в Арбузове не бывали?

Он устроился рядом, положив коробку на колени, а мой чемодан пристроив у своих ног. Кепку он зачем-то снял, а через секунду натянул обратно, но так неловко, что зацепил рукавом оправу и ещё капельку невезения – точно бы остался без очков.

– Нет, я в первый раз здесь, – улыбнулась я. – Признаться честно, два дня назад я даже понятия не имела о существовании такого города.

– Правда? Но тогда я не понимаю...

– Какого лешего меня сюда принесло? – подсказала я.

– Ну нет! Я не это хотел сказать! – он опять смутился.

– А объясняется всё очень просто. Есть у меня традиция: несколько раз в год я собираю свой чемоданчик, беру этюдник и еду на вокзал, заранее не продумывая, куда направит меня судьба в этот раз. В кассе узнаю информацию о ближайших поездах, наобум выбираю направление – и опля, путешествие начинается! По дороге выведываю у попутчиков, где и у кого можно остановиться, или, если с попутчиками не везёт, нахожу такую информацию уже в самом городе. В этот раз мне повезло, попутчицей оказалась ваша сестра! А про Арбузов я узнала только на вокзале, название вашего городка чем-то меня зацепило. И сейчас вижу, что приехала

не зря.

Я махнула рукой в сторону окна. Мы как раз проезжали мимо какого-то дома удивительной красоты – двухэтажное, с цветными витражами в арочных окнах и чудесным ажурным декором на стенах. На крыше его гордо вышагивал лев – не настоящий, конечно, – с пышной каменной гривой и загадочной улыбкой. Ещё одна скульптура, трогающая душу.

– Это посольство, – пояснил Василий. – Красивое здание. Построено местным архитектором Львом Лебедевым в конце девятнадцатого века. Год, к сожалению, я не помню. У нас в городе много его проектов. А изображение льва является своеобразной визитной карточкой архитектора, во всех его постройках присутствует то в виде полноценной фигуры, то в качестве какой-нибудь мелкой детали, барельефа или просто вензеля. Недалеко отсюда, кстати, находится дом, который Лебедев спроектировал лично для себя и в котором теперь обитают его потомки. Там этих львов несколько, так что если захотите, я вам потом подробно объясню, как туда пойти...

– Конечно! Вообще знаете, я сейчас поймала себя на мысли, что будто бы видела уже это ваше посольство. Такое может быть?

– Наверное, вам показалось, – он покачал головой с сомнением. – Творения свои Лебедев не повторял, другого такого дома нет больше нигде.

– Возможно, я ошиблась...

Но всё же я была почти уверена, что уже видела это здание раньше. Но когда и где, вспомнить не удавалось. А Василий тем временем продолжал импровизированную экскурсию.

– Наш Арбузов основан в восемьсот семьдесят первом году и считается одним из древнейших поселений славянской Руси. В те давние времена, конечно, городом бы его никто не назвал, длиной он был всего-то с пару километров, не больше. Но за годы разросся, жителями пополнился, имя поменял несколько раз. Самое первое из известных его названий, которое, к счастью, так и не прижилось, – Ростиславск, по имени князя Ростислава Мстиславовича, однажды оста-навливающегося в этом поселении. Поговаривали даже, что отец Ростислава, Мстислав Великий, хотел городок сей сыну подарить, но что-то у них не срослось...

– А почему к счастью? Вам не нравится название Ростиславск?

– Мне нравится название Арбузов, – улыбнулся мой спутник. – Ну правда же, оно отдаёт привкусом детства?

– Может быть оттого, что вы здесь выросли? Хотя согласна, мне тоже по душе Арбузов...

– Один раз! Я это сделала всего один раз!

Мы с Василием вздрогнули одновременно и оглянулись. На заднем сидении, у окошка, сидела миловидная барышня с телефонной трубкой в руках и явными слезами на глазах. В её нервном возгласе было столько надрывного горя, что мне стало не по себе. Интересно, о чём это она говорит? И с кем?

– Один единственный раз я сказала «нет», и ты тут же сделал, как ты говоришь, логичные выводы! Ну конечно, это система – отказывать твоей семье в помощи! Всё то, что было до этого, оказывается, было исключением из правил, а вчера я наконец-то проявила своё истинное лицо. Да, я совершила преступление, пойдя вчера на работу вместо того, чтобы помочь твоей матери разобраться в чулане! Что ты говоришь? Это показатель моего отношения к твоим родственникам? Теперь ты ни в чём не будешь мне доверять? Прекрасно, просто прекрасно! А что же ты своей сестре этого не скажешь, которая тоже на работу пошла? Ах, она не смогла отпроситься? А почему ты решил, что я это могла сделать? Всегда делала? А вчера не смогла! Что? Что ты решил? Расстаться??

Мы с Васей переглянулись, и я даже привстала слегка. Девушка побледнела так, как будто слова собеседника выкачали из неё всю кровь. Господи, что за монстр там, на том конце провода?

– Да. Я всё поняла. Конечно. Не переживай, я завтра же уйду... – другим, совершенно безжизненным голосом произнесла она и медленно опустила руку на колени. Слёз в её глазах больше не было.

– Может быть, подойти? – тихо прошептала я.

– Не знаю, – откликнулся Василий. – Мне бы, например, не очень понравилось, если бы ко мне в душу лезли посторонние люди...

– А вдруг она решится на что-нибудь плохое? Человек в таком состоянии способен совершить непоправимую ошибку!

– Ну...

Но ничего сделать мы так и не успели. Автобус притормозил, и девушка так стремительно выскочила в открывшуюся дверь, как будто именно в этом видела своё спасение. Автобус тронулся с места, а она побежала куда-то, и вскоре мы с Васей потеряли её из виду.

– Бедная девочка! Но только с таким чудовищем жить... Может, это и к лучшему, что она от него уйдёт.

– Мы же не знаем всей ситуации, Изольда. Возможно, истина не там, где нам её показали...

– Не спорю, может быть и так. И всё равно мне её очень жаль!

– Мне тоже. Кстати, на следующей остановке мы выйдем...

Квартира, куда меня привезли, на самом деле оказалась не маленькой. Четыре просторных комнаты, огромная прихожая, очень уютная кухня, в которой, как мне показалось, хозяин проводит больше всего времени, – тут было место даже для рабочего пространства с невысоким столиком, вольготно расположившимся на нём ноутбуке и удобным на вид креслом. Всегда мечтала иметь такой уголок в доме и никогда у меня его не было...

– Я уже приготовил для вас комнату, Изольда. Очень на-

деюсь, что она придётся вам по душе! Она самая светлая из всех, ведь вам, художникам, это очень важно, правда?

– Да будь она даже мрачным чуланом, я и то была бы рада.

У меня, Василий, никогда не было своей комнаты...

– Как это?

– У нас маленькая квартирка, а кроме меня в ней обитает ещё куча тёток разных возрастов.

– Вы что, в общежитии живёте? – изумился он.

– Можно и так сказать, – я усмехнулась. – Вы не обидитесь, если я немного отдохну с дороги?

– Ну конечно! Считайте, что вы у себя дома, и ни на что не спрашивайте разрешения – хозяйке можно всё!

– Давайте только ещё один вопрос обговорим, Василий. Сколько я буду вам должна за проживание? Могу сразу же оплатить или потом...

– За проживание? Да вы что, Изольда, как вы могли подумать, что я с вас деньги возьму?!

Кажется, он даже рассердился. А что я такого сказала? Обычное дело – платить за съём жилья, я всегда так делаю и никогда ещё за годы моих путешествий это не вызывало у людей такой реакции.

– Василий, ну подумайте сами, я же вам не родственница и даже не знакомая, а это совершенно нормальная практика...

– Может быть, где-то и нормальная, но не у меня в доме! Я прошу вас, если вы не хотите меня оскорбить, больше никогда не возвращайтесь к этому вопросу! Договорились?

– Вы уверены, что не пожалеете?

– Абсолютно!

– Ну что ж, хоть мне это и кажется странным...

И тут мне такая гадкая мысль пришла в голову, что я чуть сама себе не надавала по щекам. Хорошо, что вовремя язык прикусила, а мысль эту запрятала в самый дальний уголок своего сознания. Уж если я упоминанием о деньгах человека обидела, то что бы было, выскажи я вслух опасение о другого рода оплате. Не думает ли он... Но нет, уйди, подлая мысль, уйди!

– Вот и отлично! – он сразу повеселел. – Тогда отдыхайте, а как придёте в себя – милости прошу на кухню. Я в основном обитаю там, а холодильник забит едой... И пожалуйста, ничего не говорите о тратах – я вполне в состоянии прокормить роту солдат, а не то что одну девушку...

Тут он опять покраснел – в который уж раз за день! – и, чуть не опрокинув изящную этажерку, неосмотрительно оказавшуюся рядом, быстро ретировался на кухню. А я направилась к себе в комнату – хотелось побыстрее скинуть с себя несвежую одежду и смыть дорожную грязь. О еде я сейчас думала в последнюю очередь...

Глава 3

Вечерний город встретил меня мокрым снегом и довольно сильным ветром, хотя утром вроде бы ничего не предвещало такого резкого изменения погоды.

Ну вот, на юг приехала, называется! Погреться! Стоило ли так далеко от Москвы забираться, чтобы опять в зиму угодить? Впрочем, похолодание в данный момент мне не сильно мешало, рисовать я сегодня уже не собиралась, хотелось только совершить небольшую обзорную экскурсию по городу, чтобы уже завтра утром знать примерное направление движения. Это было обычной моей практикой: в первый день приезда я лишь бродила по незнакомым местам любопытной туристкой, отмечая для себя по пути интересные улочки и необычные дворики. У меня даже блокнот с собой был для таких случаев – чтобы не только в памяти отметить, но и адрес записать...

– Ух ты!

Не знаю, каким образом дорога вывела меня к этому чудесному месту. Я просто шла, шла, глазела по сторонам, завернула за очередной угол и бац – передо мной оказалась совершенно дивная лестница, уходящая куда-то ввысь изогнутыми, стёртыми от времени, каменными ступеньками. Какой она была высоты, понять было невозможно, самый верх её скрывался в припорошенном снегом вечернем воздухе. И

мерцало что-то такое в самой этой лесенке и в узорных металлических перилах сказочное и зовущее, что захотелось тут же вбежать наверх и посмотреть, а что же скрывается там, в туманной дали? И ещё одна странная мысль вдруг появилась во мне – как в утреннем моём ощущении, что я когда-то уже видала дом со львом на крыше, так и сейчас мне почудилось, что любовалась я уже раньше и лесенкой этой, и перильцами, и даже вот теми кряжистыми клёнами, что вросли в землю на небольшом пригорке справа. Что это, дежавю? Или самовнушение? Вроде бы раньше я за собой таких нелепостей не замечала...

– Вам помочь?

Моё растерянное недоумение нарушил мужской голос – низкий, с небольшой хрипотцой – неожиданно раздавшийся за моей спиной. Вздрогнув, я обернулась.

– Это вы мне, простите?

– А больше тут никого нет, – незнакомец, довольно рослый старик с умными карими глазами и лёгкой небритостью на лице, усмехнулся. – Прошу прощения за прямоту, но вы производите впечатление человека, которому только что сообщили, что на Землю высадились инопланетяне.

– Странная ассоциация, – я невольно улыбнулась.

– Вы просто не видите себя со стороны. Так что же вас так удивило, если не инопланетная высадка? Или наша лестница молчания наконец-то заговорила?

– Лестница молчания? – удивилась я. – Заговорила? Это

что, такая аллегория?

– Ах, так вы не местная!

В глазах незнакомца зажёгся явный интерес, а меня вдруг пронзило изумление – каким-то непостижимым образом правый глаз старика из карего превратился в ярко синий. И как такое может быть?

– Да, я только сегодня приехала...

– Чудесно! – заинтересованность перешла в радость, которую не увидеть было невозможно. – По делам к нам или так, просто поглазеть?

– Ни то, ни другое.

– Правда? А что же тогда?

Он оглядел меня, ничуть не стесняясь, с ног до головы, да так внимательно, будто рентгеном просветил. Я даже покалывание ощутила в тех местах, куда касался его пронзительный взгляд.

– Художница, значит...

– Как вы догадались? – ахнула я.

– Так я прав? – он рассмеялся. – Признаться, брякнул наобум первое, что пришло в голову. Нет, серьёзно, вы на самом деле художница?

– На самом! И в Арбузов приехала, чтобы порисовать...

– Тогда я вам скажу, что таких живописных мест, как в нашем городе, вы больше нигде не найдёте!

– Если они хоть чуточку похожи вот на это... – я кивнула в сторону лестницы.

– Есть ещё прекраснее, поверьте! И знаете что...

Он замолчал, а я почему-то решила, что сейчас незнакомец начнёт предлагать себя в качестве гида, спутника и верного оруженосца, но закончил фразу он совсем иначе:

– Не бойтесь очарования...

– Что? – я почувствовала себя сбитой с толку.

– Поверьте, не всегда оно ведёт к страданиям.

– Я не совсем вас понимаю...

– А вы знаете, почему наша лестница называется лестницей молчания? – вдруг переменял он тему. – Всё дело в том, что, когда поднимаешься по ней наверх, в голове затихают самые непослушные мысли и пропадает желание о чём-либо говорить. Даже если ты идёшь со своим лучшим другом.

– А если спускаться, мысли возвращаются? – улыбнулась я.

– А вы проверьте! – он тоже улыбнулся и отступил назад. – Проверьте. На свои вопросы лучше отвечать сразу. Хотя и не всегда это бывает безопасно. А впрочем, это не ваш случай...

И, больше не произнося ни слова, будто уже коснувшись ногой первой ступеньки лестницы молчания, он кивнул и зашепшил дальше, и вскоре белая пелена полностью поглотила высокую фигуру. Растворила в себе. Забрала. А меня внезапно охватил озноб. Наверное, виной этому послужил ветер, вдруг ни с того ни с сего набросившийся на чужеземку и даже чуть не вырвавший из рук блокнот. Впрочем, утих он так же быстро, как и появился. А вот подниматься по лестни-

це мне почему-то расхотелось. А проверю-ка я слова незнакомца как-нибудь потом! В дневное время например, когда здесь будет хоть кто-нибудь из горожан. Или Васю с собой захвачу, всё не так страшно!

Постояв ещё чуток в нерешительности, я развернулась, дошла до того переулка, который вывел меня в это чудесное место и, уже почти занеся ногу для продолжения пути, резко бросилась назад, запрыгнула сразу на третью ступеньку лестницы – чтобы уже точно не передумать! – и крепко ухватилась за кованые перильца.

– Мысли, значит, затихают? – вслух пробормотала я, делая шаг вверх. – И говорить не хочется? Вот это мы сейчас и проверим! Аты-баты, шли солдаты! Аты-баты, на базар! Аты-баты, что купили? Аты-баты, самовар!

На каждый чётко произнесённый слог я наступала на следующую ступеньку, в такт отбивая блокнотом по перилам. Шагалось мне весело, фразы с губ соскакивали бодро и легко. Не мешал движению даже тот факт, что слов в детской считалочке было мало, а ступенек – не счесть. Я просто заканчивала последний куплет и начинала опять с первого, пока не добралась вдруг до небольшой площадки, которой окончился один из пролётов лестницы. Площадка эта оказалась затейливой, в виде небольшого, выступающего вбок, балкончика, а дальше уже лесенка уходила вверх с поворотом направо и терялась где-то вдали, ещё более окутанная белым туманом.

– Рота, на месте стой, ать, два!

А вот подойти к самому краю балкона мне удалось не сразу. Не знаю, как назвать то чувство, которое вдруг проснулось во мне. Страх перед высотой? Но никогда я высоты не боялась. Почему же тогда ноги мои будто в кисель превратились и отчаянно закружилась голова? Впрочем, непривычную панику перебороть я смогла довольно быстро. И, не отпуская рук от холодных перил, приблизилась к краю свисающего над пустотой балкона.

Моя смелость окупилась сполна! Не помню, удавалось ли мне когда-нибудь испытывать такой неистовый восторг, который охватил меня сейчас, в эту самую минуту, и перед которым отступили все мои недавние страхи и сомнения! Картина, открывшаяся взору, была поистине великолепна. И ведь я ещё поднялась не на самый верх! В свете заходящего солнца город Арбузов казался какой-то невероятной сказочной страной, несуществующей, но отчаянно желанной, – весёлые крыши, окрашенные озорной рукой доброго великана в радужные цвета, манящие огоньки окон, вспыхивающие то тут, то там, как будто посылающие сигналы космосу или мне, замороженной гостье, сверкающая гладь реки, в которой полыхало закатное оранжево-розовое небо, и весь этот мир искрился тысячами кружащихся в радостном полёте белых бабочек – снежинок. Мне почудилось, будто подо мной, отблёскивая и переливаясь, крутился шар – стеклянный снежный шар с глянцевыми домиками и пушистыми ёл-

ками внутри, встряхнутый рукой всё того же чудака-великана...

– Ах! – с пронзённым сердцем воскликнула я и молча, стараясь не выплеснуть из себя ни капельки чуда, отпустила горячие прутья решётки, пересекла балконную площадку и ступила на первую ступеньку. Вниз. Идти наверх больше не имело смысла.

А незнакомец оказался прав...

Глава 4

Сообразила, что заблудилась, я только тогда, когда, свернув за очередной угол, обнаружила перед собой огромный, заваленный каким-то хламом, пустырь. Кажется, меня принесло на самую окраину города, и удивительно ещё, что добралась я сюда без приключений, – в моём нынешнем отрешённом состоянии судьба могла покуражиться надо мной, как угодно. Ничего, пронесло. Но что теперь делать, у кого спросить дорогу? Место уж больно глухое, ни одного человека вокруг. А навалившийся на город вечер явно не располагал к долгим поискам – темно, холодно и страшновато, признаться. К тому же остро подкатывал голод, ведь последняя трапеза состоялась ещё днём, в Васином доме, а сейчас уже почти десять вечера!

Взглянув на экран телефона, я обнаружила также и несколько пропущенных звонков. Странно, что я их не слышала, ведь аппарат всю дорогу пролежал у меня в кармане, а уж вибрацию-то я должна была почувствовать! Так, кому же я понадобилась? Ага, три звонка от Василия, два от Кетеван и один – от Антона. Кого выбрать первым для ответа, я даже не сомневалась.

– Кето, родная, прости меня, я почему-то не слышала твой звонок!

– Я так и поняла, даико²! Небось, с дикими глазами носишься по городу, место выбираешь? А мне твоя Таня звонила, говорит, ещё одну главу закончила, скоро тебе пришлёт. Волнуется, что по срокам не успеете...

– Она всегда волнуется, Кето, ты же знаешь! А получается каждый раз с запасом. Помнишь, как с её предыдущим романом, – закончили за месяц до срока, который ей в издательстве назначили, так мы ещё успели рассказик доработать. Иллюстрации, кстати, получились – закачаешься!

– Ну да, если сам себя не похвалишь... – подружка рассмеялась. – Шучу, Идка, я же знаю, что круче иллюстратора, чем ты, в Москве не сыщешь! А может, и не только в Москве! Татьяне твоей несказанно повезло, что ты согласилась с ней работать.

– Это мне повезло, Кето! У Танюши чудесные книги, такие же, как и она сама!

– Да, она хорошая девочка. Ида, раз у тебя всё в порядке, я могу теперь лечь спать. Бабуля совсем раскапризничалась, пришлось весь день возле неё провести. А теперь спит...

– Кето, улучшений совсем нет?

– Нет, даико... – голос Кетеван погрустнел. – Ты там береги себя, ладно?

– Обещаю! И ты, подружка! Обнимаю тебя...

После разговора с Кетеван на душе стало светло, как будто зажёгся внутри маленький, но очень стойкий и горячий ого-

² Сестрёнка (груз.)

нёк. Даже при нынешних бедах, навалившихся на мою подругу, общение с ней греет душу и веселит сердце. Жаль, видеться нам удаётся уже не так часто, как раньше, – и у меня забот полон рот, и у Кето – бабушка, прикованная к постели, от которой нельзя отойти больше чем на час. Иногда я думаю: почему таким чистым людям, как моя Кетеван, приходится проходить через столько испытаний? Справедливо ли это? Она рано потеряла родителей, воспитывалась бабулей, замуж выскочила весьма неудачно и в браке пробыла ровно год. К тому времени молодая мама трёхмесячного крепыша Ираклия чётко для себя уяснила, что жить с домашним тираном в одной квартире – всё равно, что входить в клетку со спящим львом, в какой момент проснётся дикое животное – неизвестно. На сына отец права не предъявлял, и это, кажется, было единственной хорошей новостью для Кето после развода. Из совместной квартиры подруга уходила с одним чемоданом в руке, парой сотенных бумажек в кошельке, но гордая и свободная. Бабуля приняла внучку обратно со слезами счастья, правнука полюбила ещё горячее, чем его маму, но семь лет назад возраст старушки взял своё. После празднования восьмидесятого дня рождения с Нино случился инсульт, бедняжку парализовало, и врачи предрекали скорое окончание жизненного пути. Нино рассудила иначе, и вот уже восьмой год она улыбается одной стороной лица и, кажется, даже начала узнавать внучку в лицо. Радость Кетеван черпает в сыне – Ираклий из крепкого бутуза вырос в дол-

говязого подростка двенадцати лет, вспыльчивого, но с добрейшим сердцем, души не чающего в матери и прабабке. Все домашние заботы, которые в обычной семье обычно исполняет мужчина, мальчишка взял на себя. Он даже мою Элли умудряется опекать, чему я, признаться, весьма рада.

Работает Кетеван дома, пришлось срочно осваивать новую профессию, в чём она преуспела значительно – теперь шьют у ловкой соседки одежду не только сердобольные жители собственного подъезда... А Таню, талантливую молодую писательницу, нашла тоже она, моя Кетено, и быстро со сватала её мне. Так что все остались довольны: Таня – моими иллюстрациями, я – захватывающим чтивом, а Кето – нашими счастливыми лицами.

Антону я перезвонила, уже выйдя на освещённый переулок с чудным названием «Последний». Исходя из этой логики, рядом наверняка притаился Предпоследний, а где-то, возможно, и Первый радуется глаз...

– Антон...

– Ну наконец-то! – в его голосе слышалось недовольство. – Сколько можно тебе звонить?

– А разве ты много раз набирал? – удивилась я. – Ну прости, я не слышала.

– Она не слышала, а я тут волнуйся! Тысячу раз говорил: носи телефон ближе к телу или сделай звонок громче! А лучше и то, и другое сразу!

– У меня и так на полную громкость стоит, а держала я

его, кстати, в кармане, куда уж ближе? А ты зачем звонил, Антон?

– Как – зачем? – возмутился он. – Чтобы поинтересоваться у своей любимой женщины, как она провела первый день в незнакомом городе! Ты думаешь, это недостаточный повод для звонка??

– Я думаю, что тебе просто что-то от меня понадобилось, вот ты и вспомнил обо мне...

– Ну зачем ты так, Изольда? Всего один единственный раз я совершил ошибку, и ты теперь всю жизнь мне об этом напоминать будешь?

Всего один раз... Невольно перед глазами появилась та девушка, из автобуса, и её беспомощные глаза, и подумалось – а ведь Вася, пожалуй, был прав. Если кто-нибудь сейчас на той стороне провода слышит слова моего собеседника, то что он может подумать обо мне?

– Значит, сейчас ты просто беспокоился обо мне, да, Антоша?

– Конечно! Ты ведь не последний для меня человек, как никак!

– Не последний человек в Последнем переулке...

– Не расслышал, что ты сказала, Изольда?

– Да так, ерунда... Ладно, Антош, мне ещё дорогу искать, завтра созвонимся, ладно?

– Какую дорогу?

– Домой. Ну, то есть в тот дом, где я остановилась. Я тут

забрела в какое-то место, никак не пойму, как выбраться. Пойду искать людей!

– Будь осторожна, любимая! Помни, что ты мне очень нужна! А, кстати, Изочка, я тебе свой старый планшет не отдавал случайно? Что-то найти не могу, весь дом уже пере-рыл...

– Планшет? – я усмехнулась. – А в тумбочке около дивана смотрел? Кажется, я там его последний раз видела.

– Точно! Вот я шляпа! Зайка моя, что бы я без тебя делал, а?

– Даже не представляю... О, на горизонте появился какой-то дядечка! Всё, Антоша, созвонимся завтра! Или в другой какой-нибудь день, когда ты ещё что-нибудь потеря-ешь...

Последнее предложение я произнесла уже, отключив телефон. Зачем обижать мужчину, искренне уверенного в своей бескорыстной ко мне любви? Хотя и я до недавнего времени в этом не сомневалась, но лгать самому себе человеку удаётся гораздо убедительнее, чем обманывать другого...

В своём отношении к Антону я прошла множество стадий – от страсти до раздражённого презрения, и сейчас во мне жило ощущение, что та стадия, в которой я пребывала сейчас – абсолютное непоколебимое равнодушие, – окажется последней. Мне оставалось только дожидаться небольшо-го толчка, маленького камушка под колёсами, чтобы решитель-но и жёстко поставить окончательную точку в этой бес-

смысленной связи. Моё семейство об Антоне не знало, хотя бабушка Тоня, кажется, о чём-то догадывалась. Но, впрочем, тактично молчала, удивляя меня несвойственной ей сдержанностью и невозмутимостью. Правда, узнай она о том, что Антон в некотором роде женат, её реакция могла оказаться совсем иной. А у Антона действительно имелась законная супруга, с которой он то сходился, то вновь разбежался, но подавать на развод почему-то не спешил. В начале наших отношений я свято верила, что эстафета статуса официальной жены перейдёт ко мне, но вот уже прошло три года, а воз и ныне там. И если ещё какое-то время назад меня это обстоятельство вгоняло в тоску, то сейчас мне было совершенно на это наплевать. И даже трёх лет, потраченных на бесперспективного мужчину, нисколько не было жаль – зато я приобрела опыт, а опыт, как известно, отец мудрости.

Так что с полученными знаниями я вполне могла пускаться в очередное путешествие на поиски идеального спутника жизни. Да-да, идеального, другие меня теперь не интересовали. К тридцати трём годам я поняла, что полюбить способна только совершенного мужчину, кто бы что на это ни говорил...

Перезвонить Василию я не успела, боясь упустить возникшего неизвестно откуда на дорожке человека. Личный контакт с местным жителем, способным вывести меня из этого глухого района, гораздо лучше объяснений по телефону, пусть и со знакомым человеком.

Тёмная фигура прохожего удалялась от меня со всё возрастающей скоростью. Я убыстрила шаг, потом побежала, неловко скользя по занесённой снегом тропинке, и в тот момент, когда до цели оставалось всего пару метров, человек вдруг резко оборвал своё движение, развернулся, а меня – должно быть, от неожиданности – закружило, как заносит автомобиль на льду, и со всего размаху кинуло прямо в его объятия.

– Чёрт!

– Вот так подарочек с неба свалился! – рассмеялся путник совсем не зло и весело посмотрел мне в лицо тёмными, словно отлитыми из шоколада, глазами.

Обретя равновесие, я быстренько отстранилась, борясь с охватившим меня смущением. Надо же было так опростоволоситься!

– Простите меня, ради бога! Честное слово, я не специально!

– Я вам верю и нисколько не сержусь! Признаться, даже рад – никогда не встречал такой красивой женщины!

– Вы просто не знакомы с моей Кетено, – ещё больше теряясь от смущения, невпопад выпалила я. – Вот уж кто просто красавица!

– Кетено? Это ведь грузинское имя?

– Совершенно верно.

– Держу пари, что у вас не менее необычное имя! Я прав?

– Ну... – я пожала плечами. – Мне оно не нравится, но

сейчас это не имеет никакого значения. Ещё раз простите меня за неловкость, я просто боялась вас упустить!

– Меня? Упустить? Какая приятная новость! Весьма польщён!

Он уже совершенно не сдерживал своего веселья, и эта его чудесная улыбка и какое-то невероятное обаяние, словно сияющим ореолом окутывающее весь его облик, действовало на меня самым благотворным образом. Мне показалось даже, что я уже сотню лет знакома с этим человеком, не один пуд соли съела вместе и не один зимний вечер провела наедине...

– Понимаете, я заблудилась...

– Очень хорошо вас понимаю! Я сам чувствовал себя потерянным, вплоть до того момента, как встретил вас...

– Но я серьёзно!

– Так и я не шучу! Посмотрите на меня внимательно – разве я похож на человека, который в такую минуту способен на какие-то глупые, неуместные шутки?

– Ну... есть немного, – я улыбнулась.

– Нет, не может быть! Вы, верно, поверхностно отнеслись к моей просьбе. Давайте попробуем ещё раз!

И он состроил такую невероятно комичную мину, что удержаться от смеха стало просто невозможно. Что я и сделала – от души и с удовольствием расхохоталась.

– Ну всё, теперь я понял окончательно – я встретил женщину своей мечты! И где?! В Последнем переулке!! Вам не

кажется, что это судьба?

– Конечно, судьба – вы выведете меня отсюда, и я с благодарностью буду вспоминать о своём спасителе всю оставшуюся жизнь!

– Мне кажется, вы не до конца прочувствовали ситуацию. Ну ничего, у меня будет время изменить вашу картинку мира! Итак, сударыня, какое ваше первое желание?

– Добраться до дома и наконец поужинать.

– Легко! Мой дом и изысканная трапеза для прекрасной дамы как раз находятся недалеко отсюда...

– Нет-нет, я имела в виду свой дом!

– Не переживайте, вскоре он станет и вашим. Но я смотрю, вы напуганы моим напором? Кажется, я сам напуган и даже немного растерян. Признаться, впервые испытываю такое смятение! Верите ли, всегда считал себя уравновешенным хладнокровным человеком, где-то даже циником. Но ваше внезапное появление спутало все мои карты...

– По-моему, шутка затянулась...

– Шутка?

Его лицо вдруг приняло такое странное выражение, что я даже испугалась немного. Уж не с сумасшедшим ли столкнула меня судьба? И в названии этого переулочка – совершенно прозрачный пророческий смысл?

– Вы знаете, я только что вспомнила, что меня ждут...

Спасибо за всё и до свидания, молодой человек!

– Я всё-таки напугал вас! – он решительно перегородил

мне дорогу. – Умоляю вас, послушайте меня ещё одну только минуту, а потом сами решите, бежать от меня или нет. Согласны?

В глазах его было столько мольбы и отчаяния, что я чётко осознала, что не смогу больше сделать ни одного шага, пока не выслушаю его до конца.

– Хорошо. Говорите, но только побыстрее, я замёрзла.

– Ох, я дурак! – воскликнул он. – Слушайте же, милая девушка! Наверное, то, что я сейчас скажу, покажется вам странным, нелепым, невозможным, но кривить душой считаю ещё большей невозможностью. В первое же мгновение, как я услышал за своей спиной чьи-то быстрые шаги, я понял – это догоняет меня сама судьба. Не спрашивайте, *как* я это узнал – в такие моменты жизнь предоставляет священный шанс заглянуть по ту сторону Неведомого. Мои глаза, мои руки спустя всего миг только подтвердили обрётённое знание, и это знание наполнило меня трепетом и восторгом, несвойственным мне в обычном состоянии. Оттого и хмельное поведение, и дурацкие шуточки – виной тому потрясение, которое вызвали вы, прекрасная незнакомка! Я влюбился в вас – всем сердцем, всей душой – в одну секунду, в миг, и невозможно теперь этот процесс повернуть вспять. А теперь решайте – верить мне или нет, я всё сказал!

– Знаете что... Для начала помогите мне выбраться к ближайшей автобусной остановке, а там уж будет видно, что с вами делать. Вы меня ошаршили своей речью, а действовать

под влиянием эмоций я считаю неправильным.

– Один в один вы повторяете слова, которые обычно произношу я! – воскликнул незнакомец. – Точнее, произносил, теперь я чувствую в себе необратимые изменения... Ну вот, совсем я вас заморозил! Идёмте же скорей, пока сказочная принцесса не превратилась в Снегурочку!

– Превращение состоялось уже давно, правда на мою неприязнь к холоду это никак не повлияло, – усмехнулась я. – Скажите, а автобусы-то ещё ходят?

– Не уверен, но до остановки тут не очень далеко, там и узнаем. В крайнем случае вопрос решается легко – такси в нашем городе ещё никто не отменял.

Он взял меня за руку так привычно, как будто делал это всегда, а мне почему-то совсем не хотелось отстраняться. Я и не стала, горячую ладонь ощущать было весьма приятно – наверное оттого, что весь сегодняшний день я проходила без перчаток и сейчас пальцев совсем не чувствовала. Когда же окончится эта зима?..

Ночной город казался вымершим, ни одного человека по дороге мы так и не встретили, хотя Последний переулок давно остался позади – мы добрались, как объяснил мой спутник, к самому сердцу города. Признаться, безлюдность меня несколько озадачила, как будто город сознательно удалил со своих улиц всех, кто мог помешать нашему уединению. Но вслух я, конечно, своё сомнение не высказывала, а просто любовалась – старинными особняками, прелестными

балкончиками, окнами, в которых размыто двигались тени – то ли людей, то ли призрачных духов. Я чувствовала себя наблюдателем, зрителем в мистическом кинозале, и ночная темень ещё больше усиливала это ощущение. А присутствие мужчины рядом совершенно не отвлекало от созерцания – он то ли был, то ли не был, временами сливаясь с воздухом мостовых или вновь обретая плотные очертания. Но жар его руки – или сердца? – я чувствовала каждую секунду. Сказка, начавшаяся там, на лестнице, ведущей в млечную высь, продолжалась, и сейчас я сполна следовала наставлениям госпо-дина с разноцветными глазами. Я очаровывалась и ничуть этого не боялась. Ведь наступит утро, я вновь взгляну на мир привычными, трезвыми глазами, а пока – дыхание моё в унисон с этим городом, и благодать разлита в каждом нашем вдохе!

– Не бойтесь, завтра ничего не закончится...

– Вы думаете? – я скосила глаза на своего спутника, удивляясь точному попаданию в свои мысли.

– Я знаю. Это как в оперном театре – уж если ты с первого взгляда полюбил этот вид искусства, то принял его в своё сердце навек.

– А правду, кстати, говорят, будто ваш оперный театр – прямо какой-то фантастически успешный? И всемирные знаменитости тут выступают, и из-за морей-океанов приглашения шлются?

– Вас не обманули! А чтобы воочию продемонстрировать

сей факт, приглашаю вас завтра же на спектакль – на сегодняшний, пожалуй, мы уже опоздали...

– Чудесно! – обрадовалась я. – Я обожаю классическую музыку! Только... ох.. есть одно затруднение...

– Вам не в чем пойти? – улыбнулся он.

– Будь я в Москве, найти подходящий наряд не составило бы труда. Но сюда я приехала, чтобы рисовать, и вовсе не рассчитывала выходить в свет. Что же делать?

– Если хотите знать моё мнение, то на вас, с вашей внешностью, даже сварочная роба будет смотреться изысканно!

– Сварочная роба? – рассмеялась я. – Вы будете удивлены, но вчера я как раз вспоминала этот... вид одежды. Правда, совсем по другому поводу.

– Я не удивлён, – он покачал головой, становясь совершенно серьёзным. – Это ещё одно подтверждение моим словам – наша встреча с вами неслучайна!

– И всё же, что мне делать с одеждой? – мне не хотелось продолжать опасную тему. – Не идти же в театр в джинсах?

– А почему нет? Сейчас уже не придерживаются строгих правил при походе в культурное заведение. Спортивный костюм, конечно, я надевать бы не советовал, но джинсы с белой рубашкой, например, – вполне. Есть у вас с собой белая рубашка?

– Вот ещё одна странность... – я помолчала. – Моя дочка в самую последнюю минуту перед отъездом запихнула мне в чемодан рубаху, которую мы покупали когда-то вместе с

ней и которую я так ни разу и не надела. На мой резонный вопрос, к чему мне в поездке неношенная вещь, Элли невозмутимо ответила: новый город – новые желания. Ну я и не стала возражать, тем более что шёлковая рубашка почти ничего не весит...

– Ваша дочь – провидица! Значит, Элли? Как девочка из Канзаса?

– Не совсем. Вообще-то мою дочь зовут Эльвира, но, скажу вам по секрету, мне жутко не нравится это имя!

– Зачем же тогда вы её так назвали?

– Не я, наша бабуля! А против её мнения не попрёшь. Пробовали. Безуспешно. Только мой ребёнок и может справиться, но при выдаче имени ей право голоса никто не давал! Но имя Элли очень удачно преобразовалось из Эльвиры, что устроило и меня, и саму дочку, тем более что девочка из Канзаса – её любимая героиня!

– А вам тоже бабуля имя придумывала?

– Мне повезло больше, в момент моего рождения бабули рядом не оказалось. Хотя... иногда я думаю, что лучше бы она в этот священный миг была дома. Потому что у моей мамочки – неистребимая тяга к средневековью и всему, что с этим связано. Вы знаете, какое имя получил бедный пёсик, которого она однажды подобрала на улице? Сэр Готфрид Бульонский и никак иначе!

– Исходя из этой логики, могу предположить, что ваше имя Иоланта или Изольда. В крайнем случае Адельгейда, но

это уж совсем невероятно. Хоть и очень красиво! – быстро добавил он.

– Ладно, раз вы перестали удивляться, то и я не стану, – вздохнула я.

– Значит, я опять угадал? Вы – Адельгейда?

– О нет! – вскричала я. – На такое даже моя мать не способна! Меня зовут Изольда, и после ваших слов мне даже как-то не очень противно это слово произносить.

– У вас дивное имя, Изольда!

– Мои бывшие одноклассники с вами бы не согласились. Впрочем, девочка Изя выросла и поумнела... Ну а теперь ваша очередь хвастаться!

– Хвастаться тут нечем, увы. Мои родители нарекли меня самым обычным, ничем не примечательным именем Матвей... Эврика! Я сейчас впервые увидел в этом священный смысл! Вы знаете, как переводится моё имя с древнееврейского?

– Нет...

– Дарованный Богом! В нашем с вами случае это является самым прямым указанием на замысел Бога – не зря я повстречался на вашем пути!

– То же самое вы можете сказать любой другой девушке, – пожалала я плечами. – Будь то Мария, Варвара, Надежда или даже Ефросинья!

– Изольда, а вы на сколько дней приехали?

– На неделю или две, ещё не решила...

– Чудесно. Этого времени мне хватит с лихвой, чтобы убедить вас, что никакая Ефросинья или даже Варвара никогда не дожждётся от меня тех слов и тех эмоций, которые адресованы вам! Ну что ж, мы дошли...

– Куда?

– Вам так понравилось моё общество, что вы забыли о цели нашего путешествия? – он усмехнулся.

– Вы меня заговорили, Матвей! – я вспыхнула. – Ага, теперь я вижу. Это автобусная остановка? Что-то мне подсказывает, что ждать нам тут нечего...

– Вы ошибаетесь, душа моя. Из расписания видно, что автобус подъедет ровно через семь минут, и с одной стороны, это обстоятельство меня радует, а с другой – страшно удручает! Ведь мне придётся целую ночь провести вдали от вас...

– Но завтра мы идём на спектакль?

– Да, и это лучшая новость за последние пять секунд! Кстати, а с какого арбузовского дворика вы собираетесь завтра начинать творить? Впрочем, не отвечайте, я вас и так найду. Связь между нами теперь необычайно прочная. Не разорвать! Вам пока это неведомо, а мне видно поразительно чётко. Вот здесь...

Он провёл линию в воздухе между мной и собой на уровне наших сердец, без тактильных касаний, но меня будто током пронзило, а в глазах потемнело – на мгновение, на долю секунды, – будто внезапно выключился свет и тут же вспыхнул заново, засияв с ещё большей силой и страстью. Мне по-

везло, это странное выпадение из реальности совпало с появлением автобуса в конце улицы и, надеюсь, осталось незамеченным моим собеседником. Хотя... ни в чём я сейчас не была уверена, вот в чём дело!

– Всё уже решено без нас. Помните об этом, весна души моей! – на прощание произнёс Матвей.

А я, только усаживаясь на автобусное сиденье, спохватилась, что мы с ним даже не обменялись телефонными номерами! Не знаю, каким усилием воли я заставила себя усидеть на месте, не вскочить, не кинуться в захлопывающиеся двери автобуса! Ты говоришь, нерушимая связь? Вот и проверим...

Глава 5

Когда я потихоньку пробралась в своё нынешнее пристанище, стараясь ничем не гроыхать и ни на что в темноте не налететь – свет в коридоре включать я побоялась, – в доме было тихо и безмятежно. Василий, видимо, уснул, так и не дождавшись загулявшей гостыи. Я приткнула пальто куда-то на вешалку, с трудом отыскала в густой темени тапочки, чуть не сшибла плечом лёгкую этажерку – ту самую, которая утром попалась и Василию на пути – и только тогда заметила тусклую полоску света под кухонной дверью. Значит, хозяин ещё не спит? Неожиданно... Хотя что я знаю о его привычках? Может быть, ночное время – самый разгар его трудовой деятельности. Василий, как информировала меня Светлана, программист, львиную часть времени работает из дома. Это обстоятельство, кстати, нас с ним роднит – я тоже предпочитаю трудиться в домашней обстановке, тем более что направление моего творчества как раз требует уединения и отрешённости.

Дверь на кухню открыться неслышно не смогла...

Василий уснул прямо за рабочим столом, положив голову на руки, а руки – на закрытый ноутбук. Никогда не понимала, как люди умудряются спать в таком неудобном положении! При резком взвизгивании дверных петель он встрепенулся, вскинул взлохмаченную голову и близоруко прищу-

рился.

– Простите, Василий, – прошептала я, – я не хотела вас будить...

– Изольда! А я вам звонил, звонил... И, кажется, заснул... Или нет?..

Бедняга вскочил, затем опять сел, потом зачем-то начал приподнимать крышку ноутбука, до конца не открыл, ещё раз подскочил и сделал шаг ко мне. Лицо у него было смятенным. Я бы тоже взволновалась, если бы меня разбудили среди ночи!

– А я ваши звонки не слышала. А когда увидела, что вы звонили, уже не смогла...

– Я понимаю, понимаю... – он заметался по кухне, хватая всё на своём ходу. – Изольда, сейчас я всё подогрею. Вы, наверное, жутко проголодались!

– Василий, вы что! Идите спать, я сама...

– Я не могу этого позволить... Чтобы вы... Простите!

Он пребольно заехал мне по руке, тут же отскочил в сторону, схватил со стола очки и, надев их, уже более адекватным взглядом посмотрел на меня. Мне стало смешно – такой потешный у него был сейчас вид!

– Вася, я правда в состоянии сама согреть себе чай! Ложитесь спать, пожалуйста, иначе я буду чувствовать себя виноватой!

– Вы знаете, а я тоже проголодался, – выговорил он и покраснел. – Сначала вас ждал, думал, вместе поужинаем, а

потом сам не заметил, как уснул. И сон ещё такой чудной...

Оборвав себя на полуфразе, он резко дёрнулся к холодильнику и нырнул в него почти всем телом. Я потихоньку вздохнула. Не люблю создавать беспокойство для окружающих людей, к тому же таких... впечатлительных, как хозяин этой квартиры. Сразу чувствуешь себя неловко и хочется поскорее остановить эту суетную карусель вокруг своей особы. Но что делать, придётся потерпеть. Не переезжать же из-за этого в другой дом!

...Мой дом вскоре станет и вашим...

– Изольда, как вы относитесь к весеннему салату? Помидоры, свежие огурцы, сухарики и немного кинзы?

– А кинзы можно побольше? Я кинзoman, Василий!

– Я тоже! – радостно воскликнул он. – А вам чем заправить – растительным маслом или сметаной? Или могу просто сбрызнуть лимонным соком...

– Лучше лимонным. Василий, сейчас я руки помою и вам помогу...

– Нет-нет, я сам! Кстати, звонила Света, предупредила о завтрашнем визите. Часов в семь вечера... Вы же будете дома? В это время всё равно уже темно, не порисуешь...

– Да, конечно! – опрометчиво согласилась я, а потом спохватилась. – Ох, а я же не смогу! У меня же завтра...

– Что?

– Кое-какие планы, – расплывчато пояснила я. – Но я пока точно сказать не могу, состоятся они или нет. Давайте завтра

ближе к вечеру этот момент и обсудим, хорошо?

– Да, конечно, – он слегка стушевался, даже сник. – Извините...

– За что же вы извиняетесь, Василий?

– Ну... – он пожал плечами и улыбнулся. – А давайте ужинать, Изольда! У меня почти всё готово, осталось только куриные рулетики подогреть...

– Тогда я быстро в ванную, переоденусь и к столу!

...Изысканная трапеза для прекрасной дамы, пусть и не в том доме, о котором я невольно грезила, прошла на ура. У Василия явно наблюдался кулинарный талант, о чём я не преминула заметить вслух и была вознаграждена ещё одним румянцем смущения и довольной улыбкой.

– Вы просто не знаете, как готовит Светлана! Вот у кого талант, а у меня так, кое-какие способности и много свободного времени.

– Значит, это у вас семейное? – улыбнулась я. – А вот в нашей семье к поварским работам очереди не наблюдается. Я, например, кроме классического блюда холостяков готовить ничего не умею и очень этого стыжусь. Кстати, вы первый, кому я так легко об этом рассказываю! Даже странно, обычно я скромно молчу и только киваю: мол, да-да, печь пироги для нас проще пареной репы!

– Просто вы смотрите на меня, как на попутчика в поезде – говорить можно обо всём без каких-либо последствий. Да?

– Наверное. Или просто вы, Вася, внушаете такое доверие, перед которым даже я не могу устоять!

Кажется, всё-таки красное вино оказалось крепче, чем мне почудилось при первом глотке. Наверное, именно пара выпитых рюмок и послужили причиной моего нынешнего сиропоного состояния. Я чувствовала сейчас внутри себя какую-то умильную щемящую нежность – и вот к этому добряку с изумительной улыбкой, сидящему напротив, и к ночному небу за окном, в котором вспыхивали и гасли крохотные далёкие звёздочки, и даже к чужой фотографии, устроившейся на стене в стеклянной рамочке, – юные брат с сестрой трогательно взирают на мир сквозь объектив времени. А может быть, не в вине дело, а в странности и сладкой незавершённости сегодняшней встречи, мысли о которой плавают в хмельной моей голове?

– Вася, а у тебя есть девушка?

Моё неожиданное «ты» прозвучало так естественно, так привычно и так легко!

– Е-есть, – не сразу и немного неуверенно ответил он, впрочем тут же объяснив эту свою неуверенность. – Только ты Светлане не говори об этом...

– Ах, вот в чём дело! Она пока о ней не знает! Думаешь, будет возражать?

– Вообще-то моя Лика чудесная, но...

– Но твоей сестре трудно угодить, я права? Можешь не отвечать, это я и сама уже поняла. Вася, а хочешь, я дам тебе

Один совет?

– Совет? Как мне их познакомиться?

– Нет, в этом ты и сам разберёшься. А вот о том, что ты так зависишь от мнения своей сестры, можно было бы и поговорить. Хотя нет, забудь! Кто я такая, чтобы лезть в жизнь совершенно неизвестных мне людей? Со своей судьбой разобратся не могу, а туда же...

– А у тебя?

– Что – у меня? – не поняла я.

– У тебя парень есть?

– Е-есть, – с его же интонацией ответила я и рассмеялась. – И представь себе, мои родственники тоже ничего о нём не знают! Но мне кажется, что мой роман катится к закату. Скоро перевалит за горизонт, рассеется в далёкой дали, а там, глядишь, и новое утро родится!

– Вы... разлюбили друг друга?

Он задал вопрос таким неуловимо нервным тоном и так по-особенному заглянул в душу – не ко мне, а к себе, – что я даже помедлила с ответом. Кажется, он сейчас вовсе не о моих отношениях спрашивал, а вспомнил о чём-то своём...

– Разлюбили, говоришь? Не знаю даже, уместно ли здесь это слово. Хотя ему кажется, что жить без меня он не в состоянии, но у меня уже давно открылись глаза – и на его чувства ко мне, и на него самого. Это не разочарование, нет-нет, ведь как можно разочароваться в человеке, никогда им не очаровываясь? Хотя пыл горел и литавры били, но только

было это так давно!

– А можно я тебя с Ликой познакомлю? – неожиданно выпалил он и тут же, кажется, испугался своих слов. Но – слово не воробей...

– Меня? – я была поражена. – Но... зачем?

– Я сейчас объясню! Понимаешь, Лика... она непонятна для меня. Нет, я её, конечно, люблю и всё такое, – он сделал витиеватое движение рукой в воздухе, – но что-то меня... как бы это сказать... тревожит... Скорее всего, конечно, мне мерещится опасность там, где её нет, но...

– Ты хочешь, чтобы я посмотрела на твою девушку незамутнённым взглядом? Бесстрастно и без предубеждений?

– Да! Именно так! – обрадовался он. – И если мои страхи окажутся лишь отпрысками моего воображения, я сразу же сделаю ей предложение!

– А если я ошибусь? Ты представляешь, какую ответственность на меня возлагаешь?

– Ты не можешь ошибиться! – уверенно возвестил он. – Я это знаю. Только не спрашивай меня, откуда, – просто знаю, и всё!

– Ну и ну! – только и осталось выдохнуть мне. – У меня такое ощущение, что все вокруг знают меня лучше, чем я сама!

– Так ты согласна? Звать Лику в гости?

– Ладно, так уж и быть, знакомь! Кстати, Лика – это Анжелика?

– Нет, – он улыбнулся. – Её зовут Лидия, но она ужасно не любит своё имя!

– Как мне это знакомо!

– И ты тоже? – изумился он.

– Было дело. Правда теперь... – сердце моё радостно забилось лишь при одном воспоминании о незнакомце. – Теперь я его люблю... Имя, в смысле.

– Я так и понял.

– Вася, тебе не кажется, что мы засиделись? Ого, уже второй час ночи! Я даже в Москве не позволяю себя так поздно ложиться! Давай-ка я посуду помою, а ты в холодильник всё убери. И не спорь со мной! Я обожаю мыть посуду!

– А я и не собирался, – усмехнулся он. – У нас с тарелками взаимная нелюбовь. Всё никак не соберусь купить посудомоечную машину...

– Вот женишься на своей Лидии, никакая машина больше не понадобится!

– Это да! – без особой радости в голосе сказал он. – Не понадобится...

Глава 6

Только когда в моих руках оказался карандаш, думы о Матвее отступили на второй план, превратились в фон – тоскливый лилово-сизый. Полдня я ждала нежного касания по плечу или радостного оклика – увы, все мои перебежки из одного двора в другой, с одного переулка в следующий закончились ничем. И в конце концов я махнула на свои метания рукой, остановилась в первом попавшемся дворике, раскрыла альбом и, выбрав наиболее интересный ракурс, провела по чистому листу первый штрих. Следом за ним и второй не заставил себя долго ждать, а вскоре я полностью погрузилась в процесс, позабыв обо всём на свете. Моей способности отключаться в моменты творчества от действительности завидовали все мои однокурсники. Ничто не могло меня отвлечь – ни жадные взгляды зрителей, ни оценивающие реплики, язвительные или хвалебные. Это моё умение и дома спасало меня – ну как можно работать в окружении постоянно снующих туда-сюда родственников? А я могла и очень этим свойством дорожила.

Вот и сейчас, стоило мне только оценить всю живописную прелесть оконных рам, расчерченных на тысячу маленьких окошек, и черепичных навесов, и выцветшей деревянной лестницы, заканчивающейся непроницаемой чёрной дырой куда-то в бездну, и вереницы разноцветного белья, раз-

вевающегося, словно паруса, на ветру, – и вот уже какая-то сила прочно связала меня с этим пространством и не могло найтись никакой другой силы, которая сумела бы вырвать художницу из плена линий и цветов...

– Она стояла, в цветы одета, и лёгкой ниткой плела судьбу...

– Матвей!

Я очнулась в тот же миг, как услышала за своей спиной знакомый голос. Долгожданный голос. Вот и нашлась сила...

– Изольда! Я здесь и снова вижу вас!

– Как вы меня нашли?

При свете дня облик его как будто сам наполнился солнцем и оттого казался чуточку призрачным, но таким родным! Да, родным, осознание этого пронзило меня сразу же и потрясло, признаться, до глубины души.

– Я же говорил вам: связь теперь не разорвать! А вы, Изольда, – вы ждали меня?

Он коснулся моих пальцев своими. Совсем легонько коснулся, но то же ответное движение тока, что вчера заставило меня на миг отключиться, и сейчас встряхнуло всю, да так яростно, что чуть не сбило с ног.

– Можете не отвечать...

Он убрал руку, и я опять смогла дышать, и думать, и говорить.

– Мне нравится ваш рисунок.

– Он пока не закончен...

– А меня как раз устраивает такая... незавершённость. В ней есть устремление к совершенству. Само же совершенство меня пугает, признаться.

– Пугает?

– Пугает. Как всё окончательное и мёртвое.

– Интересный взгляд на вещи...

– Кстати, о вещах! Как поживает ваша белая рубашка?

– Прекрасно поживает! – улыбнулась я. – И сама по себе, и надетая на меня...

– Значит, о моём приглашении вы не забыли?

– Н-нет. Я, правда, не уверена была, что...

– Что я об этом не забыл? – с полуслова понял он. – Как я мог позабыть о женщине, которая в одно мгновение овладела моим сердцем? Но вы, верно, беспокоились, что я так долго не давал о себе знать? На то были причины, о которых я пока умолчу... Изольда, вы позволите мне посидеть рядом с вами? Я не буду вас отвлекать!

– Конечно! А отвлечь вы меня всё равно не сможете – когда я рисую, то всё вокруг перестаёт существовать...

– Вот и славно!

Он опустился на скамейку рядом, в полуметре от меня – нас разделял только пакет с моими вещами, – и притих. Я вновь взялась за карандаш. Нужно было разобраться с тенями, дорисовать крышу и оживить рисунок каким-нибудь существом – спящим котом или псом, к примеру. Полчасика назад я как раз заметила одного такого, шустрого котя-

ру непонятной расцветки, спрыгивающего с подоконника на козырёк навеса, а оттуда – прямо на асфальт. Но куда он делся потом, не углядела. Ничего, изображу по памяти, тем более что кошек в своей жизни я перерисовала множество!

Но, как я ни старалась, как ни заставляла себя сосредоточиться, вовлечься в процесс рисования мне не удавалось. Вот не шло, и всё тут! Никак я не могла забыть о присутствии человека рядом, хотя человек этот, как и обещал, сидел смиренно и даже, кажется, старался не дышать!

– Матвей, видимо, я погорячилась... Не замечать вас – выше моих сил!

Выпалила и сама ужаснулась той двойственности смысла, что прозвучала в моих словах.

– Ваш пыл мне нравится, но... но вы, кажется, совсем не то имели в виду? – он смотрел на меня внимательным взглядом. – Может быть, мне лучше пока уйти? Погулять в сторонке...

– Нет! – вскричала я, порывисто схватив его за руку. – Я сюда завтра вернусь, а сейчас... А пойдёмте кофе попьём, Матвей? Есть тут поблизости какое-нибудь хорошее кафе?

– Есть! – он прикрыл другой рукой мои пальцы, отчего я почувствовала тягучую сладость где-то в животе. – В театре оперы – прелестный кафетерий, в котором колдует один из учеников папаши Гройса. Самого Гройса мы посетим в другой раз – должен же я и кулинарную дорожку протоптать к вашему сердцу! – а в театр мы всё равно собирались. Как

вам моё предложение, Изольда? Перед спектаклем выпьем по чашечке кофе, а продолжим в антракте...

– Чудесное предложение! – Я боялась дышать, чтобы не спугнуть то неуловимое, что вдруг ощутила между нами. Возможно, это была та самая нить, о которой он говорил вчера?

– Тогда в путь?

Он всё-таки отнял руку, но связь не прервалась, я чувствовала и знала это, словно видела её воочию – сияющий луч, устремлённый от одного сердца к другому...

– Расскажите мне о себе, Матвей! Чем вы занимаетесь в жизни, где работаете?

– Скажи мне, кем ты работаешь, и я скажу, кто ты...

Он рассмеялся, а я вновь залюбовалась им, его обликом, его невероятным свойством сливаться с окружающей обстановкой в одно целое. Это не было качество хамелеона, напротив, он будто подчинял себе действительность, приноравливал к себе, заставляя биться в унисон со своим пульсом, существовать в том ритме, в котором жил он. Впрочем, никакого насилия в этом не было – мир реагировал на Матвея с таким доверием, будто тот имел полное право быть главным в этом союзе. А может быть, и имел?

– А профессия моя, Изольда, тривиальна, как и имя. Я строитель.

– Строитель?

Я была поражена. Мне казалось, что такой человек никак не может заниматься обычным, прозаическим делом.

– Вы удивлены и разочарованы? – его глаза смеялись.

– Удивлена. Но разочарована ли... Нет, нет!

Произнося эти слова, я уже точно знала, что в понятии «строитель» для меня открылся новый смысл, не виданный прежде. Притягательной и настоящей показалась мне эта работа, такой же настоящей, как и сам Матвей.

– А что вы строите, если не секрет?

– Я специалист по мостам.

– Как романтично!

– Не буду вас разубеждать, – он улыбнулся. – Ну как вам показалось пирожное?

– Чудесное!

Впрочем, сейчас мне всё вокруг казалось чудесным – и уютное помещение кафе, и чуть приглушённый свет, и посетители, неспешно наслаждающиеся беседой, и человек, сидящий напротив и такими глазами глядящий на меня, что не хотелось уже ни спектакля, ни музыки, а только смотреть и смотреть в это чудное лицо без усталости! Не бойтесь очарования, не всегда оно несёт страдание... Не это ли очарование имел в виду господин с разноцветными глазами? Ах, нет, он говорил о городе...

Мелодично и негромко где-то вдали прозвенел звоночек.

– Первый звонок!

– А я думала, это чей-то телефон, – с сожалением вздохну-

ла я, опечалившись неожиданной помехой. Но всё когда-нибудь заканчивается!

– У нас с вами ещё много увлекательного впереди, душа моя!

Моё огорчение, кажется, не осталось незамеченным. А и пусть! Хоть иногда я могу позволить себе не скрывать своих чувств?

– Правда?

– Решимость и готовность начать путешествие сломят все преграды – реальные или выдуманные. Когда вы почувствуете это всем своим сердцем, то и вопросов больше не возникнет. А сейчас – я приглашаю вас сделать первый маленький шаг, и да растворятся все ваши печали и сомнения в прекрасной музыке! Вашу руку, сударыня!

С трепетом и предчувствием чего-то необыкновенного я вложила свои пальцы в крепкую мужскую ладонь, а неясное своё будущее доверила воле судьбы...

Мои опасения, что после Большого театра сцена Арбузовского оперного театра не произведёт на меня впечатление, не оправдались. Конечно, ни роскоши, свойственной самому главному театру страны, ни масштабности здесь не могло быть, но меня поразила и обрадовала та внутренняя теплота, которая сквозила во всём, – и в стройных колоннах, украшавших холл, и в чудесном тяжёлом занавесе, и в нарядных красных креслах с золотыми подлокотниками. Не менее уди-

вил меня и тот факт, что огромный зрительный зал был наполнен до отказа, даже приставные сидения оказались востребованными. К счастью, я, одетая в джинсы, не сильно выделялась среди зрителей, встречались даже люди, экипированные совсем уж по-простому, взять хотя бы одну и встреченных нами в холле тётушек – в выдавшей виды юбке до колен и в потёртом стареньком свитере. Но немало оказалось и таких, которые ясно знали, куда и зачем они пришли. Длинные блестящие платья, открытые лебяжьи шеи, брызги бриллиантов в ушах – всё, как и должно быть в таком месте...

– Это невероятно! Вы уверены?

– Да-да, это стало известно прямо перед самым спектаклем! Я сама в шоке!

– Представляете, а моя свекровь идти отказалась! Теперь локти кусать будет, когда узнает!

– Не ваши локти, надеюсь?

Мне неудобно было смотреть на разговаривающих за моей спиной, но всё же немного я голову повернула. На соседнем ряду расположились две женщины примерно одинакового возраста и, судя по всему, не знакомые друг с другом. Просто случайно оказавшиеся по соседству, у которых внезапно обнаружилась общая тема для разговора. Интересно, что же такое случилось перед спектаклем, что так их взволновало?

– Изольда, прошу...

Я оглянулась – Матвей протягивал мне программку. От-

куда только она оказалась в его руках? Вроде бы он даже с места не вставал...

– Благодарю!

Я с интересом развернула сложенный буклет. Может быть, тут обнаружится та самая шокирующая новость, о которой судачили соседки? Ага, так и есть! Сразу же в глаза бросились два слова, написанные от руки чем-то синим поверх отпечатанного в типографии текста – Анна Требко. В роли Татьяны Лариной. Что, что такое? Глазам своим не верю!

– Матвей! – я подняла взгляд на своего спутника. – Это что, чья-то шутка?

– Вы о чём, душа моя?

– Да вот, посмотрите! Вместо некоей Ирины Самойловой роль Татьяны будет исполнять сама Анна Требко!

– Да вы что! Вот так совпадение! Именно в наш с вами приход в это прекрасное заведение?! Ну не чудо ли, а?

Он посмотрел на меня таким странным взглядом, что меня тут же взяли сомнения. А уж не его ли это рук дело? Но, впрочем, о чём это я? Как специалист по мостам мог за день организовать приезд в провинциальный театр всемирной знаменитости??

– Матвей...

– Да, Изольда?

– Нет, ничего... Хотя... Признайтесь мне, только честно... – я помолчала, мучимая подозрениями. – Это вы?

– Что – я? – лицо его приняло такое удивлённое выраже-

ние, что я тут же поняла, что попала в цель.

– Это ваших рук дело, точно! Но как вам это удалось?? Или вы лично знаете Анну?

– Изольда, у вас прекрасное чувство юмора! – он рассмеялся, чем ещё больше утвердил меня в моих предположениях.

– Матвей!! Но ведь это невозможно! Сорвать экстренно со своего места оперную диву вот так, по одному взмаху руки, по силам только волшебнику! Признайтесь, вы волшебник?

– Я не волшебник, я только учусь!

Он взял мою руку, и такое тепло обрушилось вдруг на меня, такое сияющее счастье, что больше ни слова вымолвить я не смогла, просто сидела, как замороженная, не отрывая глаз от этого человека, и даже медленно опускающаяся в зал темнота не мешала моему очарованному состоянию...

– Солнце моё, спектакль начинается... – он нежно погладил мои пальцы.

– Да-да...

Я очнулась и почувствовала страшное сожаление, когда он высвободил мои руки, вовсе не желающие быть освобождёнными. Иза, деточка! – словно услышала я голос своей бабушки. – Держи себя в руках!

– Да-да... – повторила я вслух, на миг прикрыла глаза, чтобы переключиться, остыть, унять сошедшее с ума сердце, и, глубоко вздохнув, заставила себя обратить взор на сцену...

– Такой Татьяны я никогда ещё не видела... Знаете, Матвей, я так боялась, что разочаруюсь, ведь «Евгения Онегина» я слушала не раз, и однажды даже в Большом, после чего окончательно влюбилась в Чайковского, в эту оперу чудесную. Но сегодня я будто заново влюбилась, заново – и в то же время совершенно по-иному... Ах, какая же она прекрасная, ваша Анна Требко!

– Почему моя? – он усмехнулся весьма красноречиво.

– Ну сейчас-то вы можете, наконец, признаться, что это вы устроили? Я же слышала разговоры зрителей, певицу никто не ждал, даже руководство театра обалдело, когда вдруг она явилась их взору с пожеланием спеть в сегодняшней постановке!

– Каприз примадонны...

– Ну да, каприз, – я покачала головой. – Её или ваш?

– Изольда, неужели вы всерьёз полагаете, что моя скромная персона способна как-то повлиять на планы такого человека, как Анна Требко? Человека, связанного по рукам и ногам всяческими контрактами и договорами? Да один только шаг в сторону сразу же грозит госпоже Требко неустойкой или ещё чем похуже!

– Что бы вы мне сейчас ни говорили, это никак не повлияет на мою убеждённость, что во всём виноваты вы!

– Ну вот, я же ещё и виноват! – рассмеялся он весело.

– Я не так выразилась, Матвей! – смутилась я. – Наоборот,

я страшно вам благодарна, вы даже не представляете, как! Вы сделали из меня поклонницу феерического таланта на всю оставшуюся жизнь! Это ведь дивное счастье – слушать её голос в живую, наяву, не искажённый помехами аудиозаписей. Она чудо! Впрочем, как и вы, Матвей...

– А вот эти слова сделали безмерно счастливым и меня, – проговорил он тихо, приближаясь ко мне близко-близко, и в то же время оставаясь невероятно далеко, – уж как это у него получалось, непонятно. Я и не понимала, но всей душой потянулась к этому человеку, и... мой порыв был остановлен громкой переливчатой трелью. Звонок! На этот раз телефонный!

– Простите, Изольда!

Он немного отступил назад и достал из кармана телефон.

– Слушаю. Да! – голос его поднялся на тон, а лицо расплылось в довольной улыбке. – Нет-нет, мне-то за что? Это вам нижайший поклон от всех почитателей феерического таланта по имени Анна!

При этой фразе я ахнула. Это ему она звонит, Анна Требка? Вот прямо сейчас?? Матерь Божья!

– Да, она сейчас рядом со мной. Конечно, с превеликим удовольствием... – он повернулся ко мне. – Изольда, вы хотите продолжения чуда?

– В к-каком смысле? – охрипшим вдруг голосом произнесла я.

– Аня хочет поговорить с вами.

– Со мной? Ой, мамочки... – я дрожащими пальцами приняла протянутую трубку. – Алло...

– Изольда? Здравствуйте! – голос, раздавшийся на том конце провода, звучал ярко и сочно. – Я была счастлива петь сегодня для вас и всех поклонников прекрасной музыки, жителей моего любимого Арбузова! Вы знаете, что самое большое удовольствие человек получает от того, что делает что-то неожиданное, спонтанное? Так вот – сегодня я получила ни с чем не сравнимое удовольствие и надеюсь, что смогла своей радостью поделиться и со всеми, кто пришёл в этот зал. Особенно – с вами, Изольда, и с тем человеком, который стоит сейчас около вас.

– О, Анна!

– Для вас просто Аня. Изольда, а приезжайте как-нибудь ко мне в гости, а? Вдвоём или даже одна! Мне кажется, мы с вами подружимся. Не знаю, откуда у меня такое чувство, но оно вдруг пришло ко мне, и я уверена, что это правда! Приедете?

– Конечно! Да мы... да я... Аня, спасибо вам огромное за ваши слова и ваш поступок! Со мной никогда такого не бывало. Это такой день... Вы даже не представляете... – запинаясь и путаясь, говорила я и чувствовала, что лицо моё начинает гореть, как от огня, а перед глазами поплыли яркие разноцветные круги.

– Так я жду! Смотрите, вы пообещали мне! До встречи, Изольда...

Она отключилась, а я ещё долго слушала гудки, раздающиеся из трубки. День, день, день... Словно колокольчики звенели в ухе.

– Изольда, очнитесь!

– А?

– Что с вами? – Матвей встревоженно заглядывал в моё лицо.

– А что такое?

Я выпрямилась и поразились – никакого телефона в моей руке не было. И такое чувство внутри плавало, будто разговор с оперной дивой мне приснился, почудился, померещился... Но ведь... я явно слышала этот грудной голос, яркий и сочный, как южный плод!

– Матвей, скажите мне, я сейчас с кем-то разговаривала?

– Со мной. А что, вы уже успели позабыть все глупости, о которых я вам сейчас болтал? – он весело округлил глаза. – Да и бог с ними, голубка моя, глупости – на то и глупости, чтобы о них забывать!

– Матвей, вы можете когда-нибудь говорить серьёзно?

– Иногда, – он тяжело вздохнул, а через секунду громко расхохотался. – Но мне так грустно это делать, что я стараюсь не усердствовать!

– Ох, Матвей! – я тоже улыбнулась. – Ну какой же вы...

– Милый? – подсказал он.

– Легкомысленный... Или наоборот... Ах, совсем вы меня запутали!

– А может быть, напротив, распутал? – он посерьёзней. –

Изольда, идёмте домой...

– Да-да, конечно. Домой. А где мой дом, Матвей?

– А вот об этом вы мне расскажете потом! – он взял меня за руку. – Когда узнаете это сами!..

Глава 7

Свет в прихожей оказался предусмотрительно зажжённым. То ли его забыли выключить, то ли беспокоились о припозднившихся гостях. Впрочем, и то, и другое могло быть правдой – зная о Васиной рассеянности и добром сердце...

– Изольда, это ты? – дверь на кухню открылась совсем неслышно. Надо же, а ещё вчера она визжала, как рассерженная торговка на рынке!

– Я, Вася. А что, ты ещё кого-то ждал?

– Я? – он зачем-то схватился за дверную коробку, как будто собирался вот прямо сейчас упасть. – Нет, никого не ждал. Только тебя. Ну, в смысле...

Отцепившись от деревяшки, он опять юркнул на кухню и уже оттуда прокричал:

– Ты голодная? Я рыбу на пару сделал, будешь?

– А я только утром о рыбке мечтала... Вася, ты ясновидящий!

– А ещё яснослышающий! В твоём голосе мне ясно услышалась радость. Я прав? Тебе понравился наш театр?

– Не то слово! – Разувшись, я заглянула на кухню и, не проходя далеко, просто остановилась на пороге. – А ты опять весь день работал?

– Почему? Ещё готовкой занимался...

– А это, конечно, отдых! – усмехнулась я. – Вася, ты хоть

иногда на улицу выходишь?

– Конечно! Просто у меня сейчас заказ один, очень срочный, вот и приходится убиваться. А вообще-то я гулять люблю. Пешком. А ещё в автобусе, знаешь. Едешь себе неспешно, по сторонам смотришь, городом любишься...

– Я тоже люблю! – улыбнулась я. – Только я в трамвае обычно езжу. Он медленно катится, а ещё звенит так задорно, так весело! Редакция, с которой я сотрудничаю, находится в нескольких остановках от моего дома, так я туда на трамвайчике летаю, а обратно – пешком, через парк. Знаешь, даже когда только думаю о том, что вот завтра предстоит на работу поехать, так мне светло на душе становится и так радостно... Смешно, правда?

– Не смешно. А только так и должно быть, как мне кажется. А Лика на такси любит ездить. Говорит, что лучше заплатить, чем время потерять... – он смутился. – Вообще-то время для неё и правда очень важно. Она ведь бизнесом занимается, у них каждая минута на счету... Кстати, если я на завтра её позову, у тебя никаких дел не планируется? Вечером, часов в семь?

– В семь? Да, подойдёт, у меня вроде бы ничего не намечалось. А ты не забыл, что ещё твоя сестра в гости к нам собиралась? Вот будет потеха, если она тоже завтра нарисуетя!

– Светка только через несколько дней сможет, приболела она. Температурит и насморк такой, что говорить не может, чихает через слово. Так что неожиданностей со знакомством

пока не предвидится!

– Вот и прекрасно! А то, что Светлана заболела, не очень...

– Знаешь, такая история с ней происходит каждый раз после поездок. Я полагаю, это у неё реакция на перемену климата. Но обычно проходит за два-три дня, так что не переживай, будет скоро наша Светка опять всех поучать, как правильно жить, – он рассмеялся. – Ну что, давай за стол? А то вон кто-то уже еле на ногах держится от усталости!

– Ерунда! Но есть и правда жутко хочется. Мы в театральном кафе только кофе с пирожным угощались...

– Ты мне так и не сказала, с кем ты на спектакль ходила...

– Вася... – я помолчала. – Ты не спрашивай меня ни о чём, ладно? Я... не могу пока об этом говорить. Не обижайся только, пожалуйста!

– Как я могу, что ты! – воскликнул он. – Сам виноват, полез не в своё дело. Изольда, вообще-то я не такой нахал, каким тебе показался, честное слово! Просто в последние дни – видимо, из-за заказа этого дурацкого – сам не свой хожу, вот и делаю глупости всякие...

– Да, ты ещё тот нахал, согласна! – я улыбнулась. – Ну ладно, бегу руки мыть и переодеваться. Чур, рыбу без меня не лопать!

– Клянусь! – Он с самым серьёзным выражением лица трижды поплевал через левое плечо и звонко ударил себя в грудь. – Гад буду!

– Вот теперь я спокойна! – рассмеялась я и побежала в свою комнату.

...Когда Элли исполнился год и мы, собравшись всем семейством за праздничным столом, чокались бокалами с сидро и громко восхваляли именинницу, смешную щекастую девочку с коротким тонким хвостиком на голове, я, крича и радуясь громче всех, думала в тот момент о том, что какая же я всё-таки одинокая. Да-да, именно тогда, окружённая самыми близкими мне людьми, я ощущала себя страшно несчастной и ничего не могла с этим своим чувством поделать. Оно терзало мне сердце, разъедало гортань, и слёзы, которые я выдавала за слёзы счастья, на самом деле были самыми обычными горючими бабскими слезами. Никакого поклонника в моей жизни тогда не было (Лёнька сбежал от нас полгода назад), но как же страстно я желала, чтобы хоть кто-нибудь наконец появился! Кто-нибудь, который просто возьмёт меня за руку, погладит по щеке, прижмёт мою голову к своему плечу и скажет: я искал тебя столько жизней подряд!

Почему вдруг сейчас эти воспоминания напомнили о себе? Я знала, что было тому причиной. Встреча, случившаяся вчера – господи, это было всего лишь вчера! – с удивительным, непостижимым, загадочным и таким притягательным человеком...

– О чём ты задумалась, Изольда?

– Да так, Вася, о жизни...

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня, не отрываясь, с непонятным мне выражением на лице. Будто сказать хотел что-то важное или спросить, но опять испугался показаться навязчивым.

– Как тебе рыба? – он произнёс, кажется, совсем не то, что собирался. – По-моему, я её пересолил.

– Разве? Вроде бы нет...

Я посмотрела в свою тарелку. Надо же, оказывается, я уже всю рыбу съела, но хоть убейте меня – не помню, какого вкуса она была!

– Скажи, Вася, а в вашем театре Анна Требко часто поёт? – выпалила я быстро, но тут же пожалела о своих словах. Ведь чувствовала, что нельзя ковыряться в этой теме! Но если уж что-то начинает пинать меня изнутри, то попробуй тут сопротивляться!

– Анна Требко? – он удивился столь неожиданному повороту темы. – Мне кажется, нет. Честно говоря, я вообще не помню, чтобы она когда-нибудь к нам приезжала...

– Как не приезжала? – растерялась я. – Но сегодня же она была?!

– Сегодня? Подожди, она что, в спектакле участвовала? В «Онегине»??

– Ну да!

– Странно. Она же сейчас вроде в Германии должна быть.

– Почему в Германии?

– На гастролях. Представляешь, какое совпадение – включаю днём новости и сразу же натыкаюсь на интервью с ней. Она сейчас в какой-то новой постановке участвует, в Берлине что ли. Рассказывала, как трудно даётся ей немецкий язык...

– А ты ничего не путаешь, Вася? Это вообще прямой эфир был или запись?

– Не знаю. Но, видимо, запись, если ты её вечером у нас видела.

– Видела. Хотя теперь я ни в чём не уверена...

– А программка у тебя осталась?

– Программка? – вскричала я. – Ну конечно, да! Я её в сумочку заложила, когда... когда... Сейчас принесу!

Я вскочила и опрометью понеслась в комнату.

Вернувшись, я застала Васю моющим грязную посуду. При этом он ещё напевал себе под нос что-то бравое – видимо, уговаривал сам себя, что мытьё посуды – дело не только нужное, но и весьма радостное. Бедняга.

– Вася, брысь, я сама помою! Ведь договорились же!

– Ты ко мне сейчас как к коту обратилась, – ухмыльнулся он довольно и сделал шаг в сторону.

Я не сориентировалась и в ту же сторону шагнула, куда и он. Как это обычно бывает, следующий шаг, но теперь влево, мы опять сделали одновременно. Как получилось, что программка, которую я в это время держала в руке, очутилась в наполненной водой кастрюле, стоявшей в раковине, я не по-

няла. То ли Вася взмахнувшей от неловкости рукой задел, то ли я сама оказалась неуклюжей, но факт остаётся фактом – яркий буклет влетел, как реактивный самолёт, в мутную воду и погрузился на дно прямо на наших глазах! И опять мы одновременно поспешили на спасение утопающего, потеряв драгоценные секунды на излишне суетливые движения.

Когда программка была извлечена на свет, никаких пометок на ней уже не оказалось. Растворились в мыльной воде, как будто ничего и не было. А может быть, и в самом деле не было?

– Ну что? – Василий переводил растерянный взгляд с размокшего листка на меня. Лицо у него было виноватым.

– Кажется, что-то ещё можно прочесть. Или нет... Посмотри, Вась!

– Ну... – он повертел буклет в разные стороны. – Если быть честным, то ни одного слова про Анну Требко я не увидел.

– Вот досада!

– Но ты ведь легко можешь это уточнить у... того человека, который слушал оперу вместе с тобой!

– Это исключено.

– Тогда... Хочешь, я Светке позвоню, и она что-нибудь придумает? Есть у неё одна подруга, любительница театра, уж та наверняка в курсе, пела сегодня твоя Требко в Арбузове или нет!

– Нет, Вася, не надо! – Я аккуратно встряхнула программ-

ку над раковиной и посмотрела ему в глаза. – Что-то мне подсказывает, что больше копать нельзя. Я и так уже дальше дозволенного пролезла, и кто знает, к чему моя упрямая настырность может привести? А если я вред нанесу себе или... кому-нибудь ещё, то никогда этого себе не прощу! Всё, на этом мы ставим точку. Отбой, Вася!

– Тебе видней, Изольда, – беспрекословно согласился он, ничуть даже, кажется, не удивившись моему решению.

Скорее всего такое спокойствие связано с отстранённостью от малоизвестного тебе человека. Ну да, ведь так и есть, мы знакомы-то всего два дня, а через пару недель и вовсе расстанемся навсегда. Так что всё правильно и вполне разумно.

– Вась, рыба была чудесная, спасибо тебе! И я иду спать!

– Доброй ночи, Ида!

– Как ты меня назвал? – ахнула я.

– Ида, – растерялся он. – Я что-то не то сказал?

– Ну... – я помолчала задумчиво. – А впрочем... Можешь называть. Разрешаю.

– Спасибо...

– До завтра, Вася! Не забудь пригласить свою Лику!

– Вот я балбес, совсем из головы выскочило! Сейчас ей позвоню...

Глава 8

Только тогда я поняла, что он не придёт, когда тени изменили своё направление, а пальцы, тосковавшие по нежным касаниям, окончательно превратились в ледышки. Весь день я проторчала в этом дворе! Закончив первый рисунок, я, покрутившись немного, начала и второй, а там и третий оказался на подходе. Но Матвея всё не было, и меня всё сильнее окутывала тоска, горькая и отчаянная. Привкус этой горечи сдавливал горло, мешал дышать, и даже привычные действия художника не спасали, не могли отвлечь.

Больше тянуть было невозможно. Я не могла подвести Васю, которому обещала быть дома не позже семи.

Огрызок альбомного листа, на котором ледяными пальцами был выведен номер моего телефона, я оставила на скамейке, для верности придавив камушком...

– Что случилось, Ида? У тебя такие глаза...

– Замерзла, просто замерзла... Ну, показывай свою Лику!

Моё пальто было бережно повешено на вешалку, заботливо подставлены тапки прямо к моим ногам, и улыбкой чуть растоплено остывшее сердце. Совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы сделать глубокий вздох. Кажется, первый за сегодня...

Лидия оказалась совершенством. Длинные прямые волосы идеального пшеничного оттенка, – именно такие, о кото-

рых я мечтала всю жизнь! – гибкая стройная фигурка, сочная там, где надо быть сочной; правильное, будто кукольное, лицо с поражающими размером светлыми глазами и маленьким точёным ртом. Были ли какие-нибудь недостатки у этой девушки? Я не заметила, хотя разглядывала, признаюсь, изо всех сил. Мне поставили задачу, и я твёрдо шла к её исполнению. Ладно, посмотрим, какая ты внутри, Лика-Лидия...

– Добрый вечер, Изольда! – мягко растягивая гласные, произнесла она. – Вы пунктуальны!

Как будто мы на деловую встречу собрались! Впрочем, если исходить из мотивов её возникновения...

– Здравствуйте, Лидия! Я старалась.

Если произнесённое имя и доставило его обладательнице неудовольствие, то она это очень умело скрыла. Похвальное самообладание. В семейной жизни пригодится.

– А мы с Ликой фотографии рассматривали! – Вася явно чувствовал себя неловко, излишне суетился. – Семейные. У нас со Светкой несколько альбомов...

– Обожаю старые фотографии! – обрадовалась я. – Мне кажется, люди на них такие естественные, живые!

– Я тоже об этом говорил! Правда, солнышко?

Он повернулся к своей возлюбленной и даже слегка коснулся её руки.

– Да, дорогой! – она по-хозяйски подхватила Васю под руку. – У вас просто чудесные фотки, чудесные! И ты такой милый малыш, на Колю Баскова похож.

– На кого? – озадачился Василий.

– На Баскова! Ну, помнишь, я тебе песню ставила?

И она пропела несколько строчек – вполне, признаться, милым голоском – из какой-то песенки, которую я слышала впервые. От современной эстрады я не испытываю особого удовольствия. Но слух у девушки есть, и это не может не радовать. Хотя к чему в семейной жизни хороший музыкальный слух?

– Ах, да-да! – пробормотал Вася, но что-то мне подсказывало, что ни о Баскове, ни о песенке он не вспомнил. – Конечно, помню! Девочки, вы пока поболтайте, а я с едой разберусь, ладно?

И он метнулся на кухню, только пятки засверкали. Мы с Ликой переглянулись.

– Стеснительный он у меня, – сказала она, мягко улыбнувшись.

– Я заметила, – улыбнулась я в ответ. – Ну что, последуем его совету, Лидия?

– Изольда, я прошу вас, не называйте меня этим именем! – наконец, не сдержалась она. – Терпеть его ненавижу!

Впрочем, это было сказано таким обворожительным тоном, что никакого протеста у меня не вызвало. Я очень хорошо её понимала, сама всю жизнь страдала из-за излишней напыщенности своего имени.

– Правда? Извините, Лика, хотя знаете, а мне оно по душе! Мне кажется, есть в вашем имени некая надёжность и

сила, и, в то же время, утончённость. К тому же не так уж часто в наше время девочек называют Лидиями...

– И слава богу! Ничего хорошего в этом крестьянском имени я не вижу! – жёстко отрезала она, но тут же сбавила тон. – Ну вот, стоит только упомянуть эту тему, захожусь с пол-оборота! Простите меня, Изольда! Давайте присядем?

Она расположилась на диване, мне же решительно указала на кресло, стоящее напротив. Страшно не люблю давления, но сейчас постаралась сдержаться и опустилась в кресло с таким видом, как будто сбылась моя давняя мечта – сидеть именно на этом месте...

– Итак, вы художница!..

Она потянулась вперёд, желая достать бокал с какой-то жидкостью, стоящий тут же, на круглом столике. Вообще мебель, обитавшая в доме Василия, мне сразу же пришлась по душе, а некоторые предметы особенно радовали глаз, вот как этот стол, например, – высокий, на резной ножке, оканчивающейся четырьмя изогнутыми лапами, с инкрустированной столешницей и тонким затейливым орнаментом по краю. Просто чудо, а не стол!

Невольно взгляд мой скользнул в приоткрывшийся вырез платья девушки. Помимо громоздкого золотого креста я успела отметить и белоснежную гладкую кожу, такую же идеальную, как и всё остальное, принадлежащее этой девице. Да, Васю понять можно, тут есть на что посмотреть, но остаётся вопрос – а на что уверенной в себе красотке рассе-

анный программист? Или это любовь?

– Художница, – легко согласилась я. – А вы, Лика? Вася говорил, что у вас свой бизнес?

– Да какой там бизнес, так, смех один! – рассмеялась она и изящно отпила из бокала напитков. Идеальный маникюр на идеальных ногтях блеснул перламутрово. – У меня небольшая юридическая контора. Дохода почти не приносит, но жизни без неё я уже не представляю. Верите – готова во все задаром трудиться, настолько люблю свою работу! А вы, Изольда, вы любите то, чем занимаетесь?

– Очень. Хотя иногда...

– Что иногда?

– Иногда устаю, – закончила я вовсе не так, как собиралась. – Но это нормально, правда?

– Ой, а я порой так выматываюсь, что еле домой приползаю! – всплеснула она руками. – Но тогда уж позволяю себе чуточку отдохнуть. В ресторан сходить, например, или съездить куда-нибудь... Изольда, а вы бывали в Милане? Чудеснейший город, там столько всего интересного! Золотой квадрат моды, например, знаете, наверное? В сезон скидок там можно купить вещи от известных дизайнеров, и совсем недорого! Шопинг – это моя страсть! Ну, после любимой работы, конечно!

Глаза её засияли ещё ярче, а на фарфоровых щеках даже румянец появился.

– Нет, в Милане я не была. Я пока ещё в России не все

места посетила...

– В России? – она фыркнула. – Любоваться нищей провинцией? Увольте!

– Но ведь Арбузов тоже не столица...

– А я и не говорила, что Арбузов – предел моих мечтаний! Открою вам маленький секрет, Изольда, – она оглянулась на кухонную дверь и понизила голос. – Мы с Васей хотим в Москву перебраться. Для начала, конечно. А там уж поглядим...

– В Москву? – не сдержала я удивление. – И Василий хочет?

– Ну... он пока не очень настроен, но разве женщине так уж трудно уговорить любимого мужчину?

По решительности, появившейся на её личике, я поняла, что для такой женщины, как Лика, это совсем уж пустяк. Бедный Вася...

– В Москве не так уж и просто жить, Лика...

– Ну вот вы ведь живёте и не собираетесь сдавать позиции?!

– Я? Но это мой родной город...

– Вот и для меня он тоже скоро станет родным! Вы не смотрите, что я такая хрупкая, характер у меня стальной! Всё сделаю для того, чтобы цели своей достигнуть, горы сверну, реки вспять пушу!

– Васе повезло...

– Конечно, повезло! – не уловив сарказма в моём голосе,

воскликнула она. – Да если бы не я, хрена с два видел бы он заказы, которые, между прочим, я ему нахожу! Вот недавно я ему подкинула просто невозможно крутой проект – вино-водочный завод, которому срочно понадобилась какая-то программа. А программы эти только Вася и способен в нашем захолустье написать! Он-то, конечно, не знает, что они в нём тоже заинтересованы, да ещё как заинтересованы! Сам Самвел Абасович с ним связывался, а это о чём-то говорит! Но Вася поначалу нос кривил – мол, тема не моя, то, сё... Ничего, уговорила...

– Тема? – не поняла я.

– Ну да. Ему, видите ли, противно рекламировать алкогольную продукцию! А я считаю – если тебе предлагают такие деньги, то засунь свои принципы куда подальше и помалкивай в тряпочку! Вы думаете, мне приятны все дела, которыми занимается моя фирма? Как бы не так! Но кто-то же всё равно должен этот мусор разгрести?

– О чём это вы, девочки? О каком мусоре?

На пороге возник Вася с белыми от муки руками и пятном на носу. Лица тоненько рассмеялась.

– Васенька, кулинар ты мой ненаглядный, иди я тебе нос вытру!

Пока прекрасная гостья обхаживала смущённого хозяина, а тот неловко переминался с ноги на ногу, я размышляла над своими впечатлениями. Не скажу, что позиция этой девушки очень уж меня покорила. И не таких акул встречать до-

велось, Лика по сравнению с ними – просто мелкая рыбёшка. Но Васю мне было безумно жаль. Хотя, если здраво рассуждать, может быть именно такая женщина ему и нужна? Сильная, волевая, готовая насмерть биться за свои интересы, и если в эти интересы Василий попадёт, то обидеть его точно никому не будет позволено. А красавица какая! Ну да, не совсем разборчивая в средствах, но по нынешним временам это качество вряд ли можно назвать недостатком...

– У меня всё готово, идёте ужинать!

Васе, наконец, удалось вырваться из заботливых ручек будущей невесты. Вид у него был довольно сконфуженный. Мне бы тоже не понравилось, если бы меня тискали на глазах у посторонних, но... люди по-разному выражают свои эмоции, а по-другому Лика, видимо, не может...

– Вася, а мы что, на кухне будем есть? – Лика недовольно сморщила носик.

– Но там удобнее...

– Это в обычный день удобнее, а когда у нас гости – нет!

У нас... Что ж, красotka времени зря не теряет! Ещё неизвестно, кто кому предложение руки и сердца будет делать...

– Ну раз ты так думаешь...

– Вася, я помогу перенести всё в гостиную! – я первая направилась на кухню.

– А я тогда пока носик попудрю! – возвестила Лика и не спеша поплыла в противоположную от кухни сторону.

В отсутствии девушки Василий оживился и даже будто

расслабился.

– Ну что, Ида? Как тебе Лика?

– Спортсменка, комсомолка и просто красавица...

– А если серьёзно?

– Вась, сейчас неловко это обсуждать! Давай потом, когда твоя девушка домой уйдёт!

– Да она, наверное, тут останется... – он покраснел. – Ты не переживай, только на одну ночь...

– Вася, ну я-то тут при чём, что ты передо мной отчитываешься? Останется и останется, это ваши с ней дела. А с тобой мы поговорим, когда появится такая возможность. Завтра, послезавтра... Подожди, или тебе неудобно, что я сейчас тут живу? Так я могу в гостинице номер снять, без проблем!

– Ты с ума сошла?! – глаза у него стали несчастные. – Я же совсем не это имел в виду, Ида!

– Ладно, расслабься! – улыбнулась я. – Ну, что тут у нас? Ого! Василий, ты что, роту солдат решил накормить? Куда столько?

– Лика любит вкусно поесть...

– А готовить, кстати, она умеет, твоя Лика? – я подхватила здоровенную миску с салатом в одну руку и тарелку с голубцами – в другую.

– А зачем? – улыбнулся он. – Я же умею...

Ужин прошёл на удивление весело и душевно. После выпитого вина Лика расслабилась, стала естественнее и проще, и это её поведение мне понравилось гораздо больше, чем ма-

неры расчётливой бизнес-леди. В ней появился своеобразный шарм, обаяние – столь притягательное, что сразу же стало понятно, почему Вася обратил на неё внимание. Мне даже показалось, что и сама Лика без притворства влюблена в сидящего рядом мужчину, и это обстоятельство перевесило чашу весов в её сторону. А то, что хваткая, – так для замужества самое то, что нужно!

Но оставаться на ночь Лике так и не пришлось. Кто-то позвонил ей, когда старинные напольные часы, радующие прихожую своим присутствием, пробили ровно полночь. Из соседней комнаты, куда Лика убежала поговорить, она вышла собранная и как будто даже протрезвевшая. Деловая маска вновь была натянута на её лицо, только в глазах мелькало что-то такое, чему я не могла дать объяснения. Плакала она там, что ли?

– Васенька, мне нужно срочно бежать! Возникли проблемы у моего сотрудника, и спасти его могу только я!

– Что-то серьёзное? Может быть, нужна моя помощь, Лика? – всполошился Вася.

– Нет-нет, я же говорю – я справлюсь сама! Не обижайся, ладно?

Такси прибыло стремительно, не прошло и пяти минут. Это недолгое время Лика провела в ванной комнате и вышла оттуда подкрашенная, ещё более сосредоточенная и с холодным блеском в прекрасных глазах. Васю она поцеловала в щёку, особо растекаться не стала, мне улыбнулась с обеща-

нием ещё как-нибудь встретиться и решительно захлопнула за собой дверь.

Мы с Васей в некоторой растерянности остались стоять в прихожей.

– Что там такого случиться могло, а?

– Не знаю, Вась. Поздно ночью, в выходной день...

– У них ненормированный график!

– Ну если ненормированный... Идём спать, Василий. И не переживай ты так, твоя девушка умеет разруливать неприятности!

– Думаешь? А я теперь мучиться буду, что не настоял, одну отпустил...

– Хочешь мучиться – мучайся, кто ж тебе запретит? А я иду спать! Спокойной ночи, Василий!

– Спокойной, Изольда...

Он остался стоять у двери, но к тому времени, как я вышла из ванной, свет в коридоре оказался потушен. Вот и славно!

Глава 9

Звонок раздался, когда меня уже начало покачивать в мягких объятиях сна. Со страшной мыслью, что стряслось что-то дома, я, даже не взглянув на номер, выхватила из-под подушки телефонную трубку.

– Алло!

– Изольда...

Голос звонившего раздавался словно откуда-то издалека, настолько далёкого, что умом не охватить, не измерить. Он был как облако, туманное и недостижимое, но в первый же миг я его узнала.

– Матвей!

– Я вас разбудил...

– Нет-нет, я не спала!

– Лукавите, но впрочем, это хорошо... – его улыбка, пройдя сквозь всю Вселенную, предстала предо мной. – Вы очень меня браните, душа моя?

– За что, Матвей?

– За сегодняшний день. Я сам себя ругаю...

– Вы заболели?

– Да будь у меня хоть пневмония с температурой сорок, и то приполз бы, чтобы увидеть вас! Нет-нет, причина в другом... Мне пришлось уехать спозаранку, а телефона вашего я не знал!

– Но теперь же вы звоните...

– Благодаря чьей-то находчивости! В моих руках сейчас послание от вас...

– Ах, да! – Меня бросило в жар. Я совсем забыла о том листке! – Значит, вы уже в Арбузове?

– Конечно, иначе как бы я нашёл записку?

– Но уже так поздно... Вы решили прогуляться перед сном и случайно зашли в наш дворик? Только не говорите о предвидении, я вам всё равно не поверю!

– Изольда, а вы когда-нибудь бродили по ночному городу?

– По ночному городу? – я помолчала. – После выпускного. Мы с одноклассниками до рассвета гуляли.

– Прекрасное воспоминание, но совсем не то. Вы понимаете меня?

– Кажется, да...

– Тогда я жду вас. В нашем дворике. Оденьтесь потеплее...

Телефон затих, а я не могла сдвинуться с места ещё несколько минут. Он ждёт меня. Он не забыл. Не бросил. Сказка продолжается... Мать Божья!

Из квартиры я выбегала, не помня себя от счастья. Дверь, впрочем, постаралась закрыть как можно тише и ключом не лязгать.

О дороге ничего сказать не могу. Как добралась до назначенного места – не помню, лишь вспоминается удивление тому факту, что путь, который днём обычно занимает пол-

часа, вдруг сократился вдвое. Наверное, это как-то связано с безлюдностью и сумраком ночным, впрочем, сейчас о такой ерунде мне размышлять не хотелось.

Ещё с улицы я заметила тёмный высокий силуэт с лёгким светящимся нимбом вокруг головы. Конечно, это был не настоящий нимб – позади фигуры проступали очертания фонаря, мерцающий свет от которого и давал такой причудливый эффект. И стоило только человеку сделать шаг вперёд, как тут же картинка из фантастической превратилась в реальную.

– Изольда!

– Матвей...

Он прижал меня к себе – ненадолго, всего на несколько мгновений, – но и этого времени хватило, чтобы ощутить поток жара, от которого полыхнуло всё внутри.

– Я тосковал вдали от вас... И так боялся, что вы меня забудете!

– Я не забыла вас. Как я могла?

– Порой эмоции и страхи не поддаются укрощению... Ну что, идёмте?

– Куда, Матвей?

– Знакомиться с городом. Считайте, что это ваше первое свидание – вчерашнее не считается...

Сколько раз потом ни пыталась я восстановить в памяти ту прогулку, какими бы извилистыми тропами не скользили нити моих воспоминаний, ни одной зацепки, ясной подроб-

ности из нашего путешествия перед внутренним вором так и не проявилось. Но ощущение счастья – порой легчайшего, порой сдавливающего голову, как тиски, мне не забыть никогда. Это счастье окутывало меня с ног до головы, путало мысли и проясняло чувства, и не было ему ни края, ни конца. Предела не было.

Город Арбузов вошёл в меня и поселился, раздвинув границы моего существа до невиданных широт и полюсов. Летящая мраморная девушка, лестница, уносящая хаос и дарящая покой, усадьбы с белыми душами вечности, полукружья мостов и арок, ветер, вспугивающий пыль мостовых, – мы стали одним, превратились друг в друга, кожей и кровью переплелись.

Не бойтесь очарования... А я и не понимала, то ли город захватил меня в плен, то ли этот человек, что рядом вышагивал и жаркой ладонью мою ладонь сжимал. Сверкающая ночь объединила всё.

– Изольда, вы понимаете теперь, что мы навечно связаны?

– Я ничего не знаю, Матвей. Ничего...

– Страх пройдёт, и на его место явь опустится. Я знаю. Я подожду...

Глава 10

– Изольда, ты спишь?

Деликатный стук в дверь нарушил мой сон, как будто ко-
локолом набатным прогремел.

– А? Что?

– Уже одиннадцать часов...

Дверь тихонько скрипнула, и в проёме появилась лохма-
тая голова Василия.

– Как – одиннадцать? Утра?

– Ну да! Ты спи, спи... Я просто испугался, что...

– Что?

– Ничего. Спи, Ида.

– Вась!

– А? – он опять приоткрыл дверь.

– Ты не знаешь, я ночью ходила куда-нибудь?

– В смысле? Ты что, лунатик?

– Теперь уже не знаю. Понять не могу – то ли сон мне
приснился, то ли на самом деле всё произошло...

– Всё – это что, Ида?

– Всё – это всё. Ладно, проехали. Я сейчас встану. Вась,
а ты кофе мне сваришь?

– Уже сварил!

– Спаситель мой!

Дверь захлопнулась с нервным всхлипом. Я потянулась к

телефону. Одиннадцать утра! Даже в Москве я так поздно не просыпалась! И всё-таки, сон это был или не сон?

Работа у Васи кипела вовсю. На столе мерно гудел компьютер, обложенный со всех сторон исчерканными листками, в дебрях которых можно было разглядеть чашку, тарелку с недоеденным бутербродом и высокий стакан с разноцветными карандашами. Я уже знала о Васиной привычке сначала набрасывать проект на бумаге, а потом переносить всё в память ноутбука.

Сам Василий стоял у плиты, о чём-то так глубоко задумавшись, что даже не обернулся на моё появление. Солнце золотило его курчавые волосы, ласкало лучами плечи и прямую спину, и я вдруг поймала себя на мысли, что девушке Лике повезло – мужчина-то совсем не урод ей достался! А если уж брать во внимание и другие его, прекрасные, качества, так и вовсе...

– Ида! – он, наконец, оглянулся. – Что с тобой?

– В каком смысле?

– Мне показалось, что за ночь ты изменилась... Но, впрочем... Кофе готов, садись! Блинчики тоже сейчас подогреться. Я с творогом сделал, ничего?

– Прекрасно! А ты со мной позавтракаешь?

– Я вообще-то... – он бросил взгляд в сторону своего стола. – Да, присоединюсь! Я давно проснулся...

– Я так и поняла.

Блины оказались просто волшебные. Тонкие, мягкие, чу-

точку хрустящие на краях – именно такие, как я люблю! И с начинкой Вася постарался. Мне кажется, в Москве я никогда такой творог не пробовала. Или просто я не умею его готовить?

– Чему ты улыбаешься, Ида?

– Просто так, Вася! Просто так...

– Всё-таки с тобой что-то произошло, – он внимательно наблюдал за мной, и это его внимание меня веселило. – Неуловимое, но явное и решительное.

– Вот даже как? – я отпила из чашки горячий напиток. Божественно! – Вася, расскажи мне про лестницу молчания!

– А где ты о ней слышала? – он вздрогнул. – А, от Светки, наверное? Любит она всякие сказки и легенды...

– Так это легенда? – я не смогла скрыть своего разочарования.

– Ну... – он помолчал. – Кто-то из горожан в неё верит, а кто-то крутит пальцем у виска, но тоже, наверное, верит, не признаваясь в этой слабости другим.

– Расскажи мне об этом поскорее, Вася!

– На самом деле рассказывать-то нечего! Среди арбузовцев живёт поверье, что если подняться по этой лестнице с человеком, который тебе очень нравится, не нарушив молчания ни одним словом, то там, на самом верху, произойдёт что-то необыкновенное.

– Что?

– Не знаю. Говорят, что с каждым случается своя сказка...

– А ты поднимался когда-нибудь?

– Давно. Тебе кофе ещё сварить?

– Подожди, Вася! – я ухватилась за его рукав. – Это ведь так интересно! Расскажи! Какая сказка с тобой случилась??

– Ида, мне работать нужно.

Он мягко, но решительно отстранился и встал. Я с удивлением смотрела ему вслед. Что такого произошло с ним на лестнице, что он не желает теперь вспоминать об этом? Может быть, это как-то связано с Ликой?

– Спасибо за еду, всё было очень вкусно!

– На здоровье, – буркнул он, не оборачиваясь. – С посудой сам разберусь, оставь в раковине.

Надо же, даже посуду готов помыть, лишь бы поскорее спровадить меня из кухни! Вот так история...

– Как скажешь, Вася. Тогда я пойду?

– Не обижайся, Ида...

– Угу. Хорошего тебе дня, Вася.

– И тебе, – вздохнул он.

Я узнала его сразу, с первого взгляда. Только увидела за ажурной решёткой высокие арочные окна и нарядное крыльцо, как тут же поняла – это именно тот дом, о котором рассказывал Вася во время нашей поездки на автобусе. Как же звали того архитектора, любителя львов? Лебедев, кажется?

Лев в уютном дворике присутствовал. И не один! Двое охраняли парадный вход, ещё один небольшой круглый ба-

рельеф я заметила под самой крышей, в металлические перила двух балкончиков тоже были вплетены стилизованные львиные головы, а около крыльца, будто только что покинутый юным сорванцом, покачивался весёлый жёлтый львёнок, игрушка-качалка, которая уж точно никак не могла принадлежать архитектору этого дома.

– Польша, Польша!

Из окна второго этажа по пояс высунулся смуглый мальчуган лет семи-восьми. Кому это он кричит так сердито? Чёрные волосы на его голове разметались, глазёнки блестят.

– Несносная девчонка!

Окно со стуком захлопнулось, мальчишка пропал из виду, а через минуту появился во дворе в накиннутой на плечи синей курточке и валенках.

– Ну конечно, я так и знал!

Он отодвинул с дороги жёлтого льва и решительно топтал к одной из двух мраморных фигур, охраняющих покой дома. Львы, восседающие на пьедесталах по разные стороны от лестницы, были разные. Один сидел с прямой спиной, зорко осматривая окрестности, другой – тот, к которому подошёл мальчишка, – сладко спал, хотя мне вдруг почудилось, что при приближении ребёнка мраморные веки чуть дрогнули, а линия рта закруглилась. Вот что значит воображение художника! Дальнейшее поведение мальчишки меня изрядно озадачило. Взобравшись на высокий постамент, он обнял тонкими ручками льва за шею, прижался головой к

каменной гриве и явно зашептал что-то зверю на ухо. Я стояла, затаив дыхание. Случайного зрителя, кажется, ещё не заметили.

Мальчишка оказался немногословен. Спустя минуту он оторвался от льва, скользнул ладошкой по гладкой шерсти и спрыгнул с высоты на землю. И только после этого посмотрел на меня. Взгляд у ребёнка был прямым и бесстрашным.

– Здравствуйте! Вы художница?

– Что??

Впрочем, моё изумление отступило, стоило мне только вспомнить об этюднике, висевшем на моём плече.

– Привет! Да, художница. А ты?

Более глупого вопроса представить было невозможно, однако же странный мальчик ответил, не задумываясь:

– Я смотритель!

– Кто? – ахнула я.

– Я смотрю за своей сестрой. Смотритель! – объяснил недогадливой тёте мальчуган.

– Где же твоя сестра? Это её ты звал из окошка?

– Её. Лежебока сказал, что Польша опять забралась на крышу.

– Как – на крышу? – я невольно дёрнулась к калитке. – Так её теперь спасать надо! А вы что, одни в доме?

– Сударыня! – он остановил меня властным движением руки. – Никого спасать не нужно! Не волнуйтесь!

Сударыня... Я чуть дар речи не потеряла от такого обра-

щения! Впрочем, оправилась быстро. Девочка на крыше, а я тут думаю неизвестно о чём! А вдруг ей захочется полетать, как Карлсону?

– Как тебя зовут, мальчик?

– Лев!

Ещё один лев, не много ли для этого дома?

– А сестрёнка маленькая? Сколько ей?

– Двадцать четыре!

– Как – двадцать четыре? Ты же говорил...

– Двадцать четыре месяца! Это она так свой возраст считает, – он улыбнулся. – А на самом деле ей вчера два года исполнилось. Но иногда мне кажется, Полька старше меня...

– Почему?

– Она очень похожа на маму...

– Понятно... – я прижалась лбом к холодным прутьям решётки. – Лев, ты уверен, что её не нужно снимать с крыши? Там ведь скользко, вдруг она случайно к краю подойдёт...

– Разве она дурочка? – удивился мальчик.

– Она маленькая, а детки не всегда понимают, что можно делать, а что нельзя.

– А у вас есть дети?

– Есть, дочка. Так что я вполне представляю, что может случиться с ребёнком, если вовремя не оказаться рядом.

– С Полькой не случится! – уверенно возвестил он.

– Откуда ты знаешь?

– Лежебока сказал.

В этот момент хлопнула дверь, и на крыльце показалась молодая женщина в длинном платье – слегка полноватая, но такая обаятельная, что глаз не оторвать. Я и не отрывала, всё смотрела на неё, пока она не подошла совсем близко. А подойдя, улыбнулась и стала ещё прекраснее во стократ!

– Сынок! – она положила руку на плечо маленькому зрителю. – Тебе не кажется, что приставать к людям – не самое лучшее занятие для мальчика, который ещё не выучил математику?

– Он не пристаёт!

– Я выучил!

Мы с мальчишкой весело переглянулись.

– Уже спелись! – рассмеялась женщина.

– Извините, а вы знаете, что ваша дочь...

– Мам, Полька опять на крышу забралась!

– Упорная какая, глядите-ка! – удивилась хозяйка дома. –

Лёвушка, ты понимаешь, что она всё за тобой повторяет?

– Может быть, надо её забрать оттуда, пока ничего не случилось? – робко встряла я.

– В нашем доме ничего не может случиться! – уверенно возразили мне. – А вы приезжая, да?

– Как вы догадались??

– Моя мама всё знает! – заявил черноволосый отрок, подхватывая мать под руку. – Хотите, она про ваше будущее расскажет?

– Вы гадалка?

– Лёвушка фантазирует, – улыбнулась женщина. – Сынок, иди всё-таки Польку заberi. Я вспомнила, у папаши Гройса там кое-что припрятано, как бы твоя сестра не добралась...

Папаша Гройс? Где я совсем недавно слышала это имя?

– Извините, папаша Гройс – это ваш муж?

– Нет, что вы! Это друг нашей семьи.

– А мой папа – художник! – гордо произнёс пацан. – Театральный!

– А...

– Нет, не в оперном театре, – перебила меня женщина. – Он в драматическом служит. Вы не удивляйтесь, у меня иногда ответы появляются раньше вопросов...

– Знаете, я в вашем Арбузове скоро совсем перестану удивляться, – пролепетала я растерянно.

Неужели и вправду эта женщина обладает даром предвидения?

– А папаша Гройс говорит, что если человек перестаёт удивляться, значит он стал взрослым!

– Лев Андреевич, ты ещё здесь?!

– Тебе показалось, мам. Это не я, это другой какой-то мальчик!

– Сейчас я этому другому мальчику как всыплю по первое число!

– Первое апреля или первое мая? – хихикнул сорванец, отбегая на безопасное расстояние.

– Лёфка, я нафла-а-а!! – послышалось неожиданно отку-

да-то сверху, и мы все, вздрогнув, запрокинули головы. – Пойка нафла фойку!!

Из круглого чердачного окна, размахивая каким-то блестящим предметом, высунулась детская рука. Самой обладательницы этой руки видно не было – не поместилась, наверное, окошко было совсем крохотное.

– Что она нашла? – недоумённо переспросила я у хозяйки.

– Представления не имею, – весело проговорила та. – Но думаю, что радостный денёк нам теперь обеспечен. В прошлый раз, когда моя дочь добралась до папиных красок, отмывать юную художницу пришлось всем домом. Даже Лежебока...

Она осеклась, видимо вспомнив, что говорит с совершенно незнакомым ей человеком, и махнула рукой.

– Пойду, может быть ещё успею. А с вами, мне кажется, мы ещё увидимся...

– Мне почему-то тоже так кажется, – неожиданно для самой себя выпалила я, чувствуя уверенность, что так оно и будет.

Она кивнула с серьёзным выражением лица и, на секунду прикрыв ладонью висевший у неё на шее золотой кулон, – ещё один лев! – направилась к дому. Я неотрывно смотрела ей вслед. Вот уже дверь захлопнулась, скрыв за собой и черноволосого мальчишку, похожего на маленького индейца, и солнцеликую женщину, а я всё стояла и никак не могла заставить себя сдвинуться с места. Что держало меня тут,

у калитки? Не знаю. Но какое-то щемящее чувство – чувство, похожее на ощущения вернувшегося домой странника, – скреблось и царапалось где-то у меня внутри.

– Надо позвонить домой! – вслух сказала я и, наконец, оторвалась от кружевной решётки.

Ноги повели меня всё дальше и дальше от странного дома и удивительных его обитателей...

А телефон из моего кармана зазвонил сам. И обстоятельство это, признаться, ничуть меня не удивило.

– Изольда, душа моя!

– Матвей!

Очередная стрела настигла меня у лестницы, ведущей к набережной. Странно, но за эти три дня к реке Арбузовка, так захваленную моими попутчиками, я не спускалась ни разу.

Голос Матвея вызвал во мне дрожь, и не только душевную. Кожа моментально покрылась мурашками, а налетевший в этот момент с реки порыв ветра ещё более усилил возникший трепет.

– Изольда, что же вы делаете??

– Что я делаю? – испугалась я, останавливаясь и оглядываясь по сторонам. Может быть, я нарушила чьи-то границы? Хотя откуда Матвею знать, где я сейчас нахожусь?

– И она ещё спрашивает! Я жду вас уже ровно пятьдесят минут!

– Где??

– О, горе мне! Она забыла о нашем свидании!!

– О к-каком свидании? Матвей, вы шутите...

– Я? Как я могу шутить на священную для меня тему?

Изольда, мне кажется, это вы не совсем понимаете серьёзность ситуации! Вот скажите мне, где вы сейчас находитесь?

– Ну... Я точно не могу вам сказать, но ещё минуту назад я собиралась спускаться вниз, к набережной.

– Значит, вы всё-таки не забыли? Ах, душа моя, нехорошо так издеваться над человеком!

– Вы окончательно меня запутали, Матвей!

– А мне кажется, распутал!

Последнюю фразу я услышала уже не только из трубки, но и – очень явственно – позади себя. И резко обернулась.

– Матвей!!

Как, каким образом он так неслышно подобрался ко мне, понять было невозможно. Но и не верить своим глазам я не могла! Он стоял, прислонившись к тополи, – самый лучший на свете мужчина с чудесной улыбкой на лице и хитрющим выражением глаз цвета какао...

– Мне так нравится вас удивлять, хорошая моя!

– Значит, я ещё не совсем повзрослела, если способна на удивление?

– Папаша Гройс будет очень этому рад...

– Матвей! – ахнула я. – Откуда вы знаете, что это его слова??

– О, наш Давид Аронович уже давно разошёлся на цита-

ты! Но, впрочем, не будем сейчас о нём вспоминать, я хочу говорить только о вас, милая Изольда! Расскажите мне, как вы себя чувствуете после ночной прогулки?

– Так она мне всё-таки не приснилась?

– Хорошенькое дело! – он поднял брови. – Перепутать сон с явью... Такого даже со мной не бывало! Вы ещё скажите, что и в театре мы с вами не были!

– Не скажу! Хотя знаете, Матвей, есть в наших встречах что-то такое неуловимое, призрачное, что порой мне кажется, будто я вас себе придумала...

– Вот тут я с вами спорить не буду! – рассмеялся он. – Обычное человеческое занятие – очаровывать себя иллюзиями. Хотя некоторым нравится пугать самих себя страшилками, ими же и выдуманнными. Знаете, есть у меня один знакомый, так он на весь мир смотрит через увеличительное стекло, а при многократном приближении даже самая совершенная вещь покажется чудовищем!

– Знаю и я одного такого человека...

– Вот видите, как много у нас с вами общего! – рассмеялся Матвей и подхватил меня под руку. – Ну что, второе свидание с городом можно считать открытым?

– По моим подсчётам оно уже тридцать второе! У меня такое ощущение, что я здесь родилась...

– Так оно и есть, Изольда. Ваше рождение происходит сейчас, хотите вы этого или нет!

Лицо у него изменилось на миг, на секунду, отразив неви-

данный прежде свет, но через мгновение вновь обрело привычные мне черты.

– Хочу, Матвей. Всем сердцем и со всей страстью!

– Вы необыкновенная женщина! Я понял это ещё до того, как увидел вас... Знайте же, что вашими словами вы сами изменили свой путь, Изольда. Не страшно вам?

– Нет!

– Тогда идёмте, и да поможет нам Мироздание!

Глава 11

Ираклий, сын моей Кетено, в своё время огорошил меня ответом на классический вопрос взрослых «кем ты хочешь стать, когда вырастешь, деточка?»:

– Рыбаком, тётушка Ида.

– Рыбаком? – поразила я тогда, зная, что мальчишка ни разу в жизни даже моря не видел.

– Я буду жить на берегу океана, а товар для продажи станет приплывать ко мне в дом сам! – заявил предприимчивый грузин.

Именно о том разговоре вспомнилось мне сейчас, когда мы с Матвеем проходили мимо цепочки молчаливых мужичков, рассредоточенных вдоль кромки берега с удочками в руках. Лёд речку Арбузовку уже отпустил, только кое-где ещё колыхались подтаявшие снежные островки.

Ни один из рыбаков не то что головой – пальцем не пошевелил при нашем приближении! Будто мумии египетские застыли, в той же неподвижности и с тем же устремлением в вечность. Я даже позавидовала им – вот у кого со смыслом жизни никаких проблем не возникает...

– Вы знаете, Изольда, – прошептал Матвей, – поймать форель на удочку считается невиданной удачей!

– Хотите предложить немного порыбачить? – тоже шёпотом ответила я.

– Не знаю, как вас, а меня удача уже посетила! Но впрочем, если вы желаете острых ощущений...

– А я, кстати, давно мечтала съездить на рыбалку, окунуться в умиротворение, никуда не торопясь и не нервничая...

– Для этого вовсе не обязательно сидеть с удочкой на берегу! Могу предложить вам уйму других способов остановить время...

– Например?

– Например... Скажите, Изольда, вы можете довериться мне? Полностью, без сомнений и колебаний?

– Могу! – ни секунды не раздумывая, воскликнула я.

– Тогда закройте глаза и не подсматривайте!

– Не подсматривать? Плохо вы знаете женщин, Матвей! Лучше завяжите мне глаза чем-нибудь плотным, чтобы даже соблазна не возникало!

– Уверены?

– Да!!

– Ах, какая женщина!

Полосатый шарф, окутывавший его шею, обвился вокруг моей головы прежде, чем я успела испугаться.

– Не туго?

– Нет-нет!

– Вы готовы?

– Всегда!!

– Голубка моя...

В тот же миг мои ноги оторвались от земли, и невероятных усилий мне потребовалось, чтобы не вскрикнуть и не сорвать с себя шарф. Но – я же обещала!

Не знаю, куда нёс меня мой странный спутник. Шум реки вскоре затих, и возник другой, совсем уж непонятный мне, гул. Мне казалось, что город остался позади, а вокруг – только поля и травы, леса и холмы... Я плыла по безбрежным просторам на крепких руках, горячее сердце билось совсем рядом со мной, а страх неизведанного превратился в страх потери – я отчаянно боялась окончания безоблачного полёта...

Оно наступило, когда я уже всем сердцем поверила, что смогла его избежать!

Земля под ногами вновь появилась, а ладони Матвея охватили мою голову.

– Изольда, мы на месте. Я могу снимать повязку?

– С одним условием, Матвей!

– Можете не говорить. Я догадался...

Его дыхание приблизилось ко мне, став ещё слаще и горячее, и отстраняться я не стала...

Это был не поцелуй – это было касание ветра... и лёгкий привкус черёмухи на губах... и липовый цвет, сжатый в ладошке... и корица в хрустящих кофейных зёрнах... и капли дождя на листьях смородины... Я пила, и вдыхала, и потягивала тягучую сладость – и вязла, вязла, вязла...

А когда я снова смогла дышать и открылись освобождённые

ные глаза, я чуть не задохнулась вновь.

– Матвей!

– Да, радость моя!

– Это невозможно!

– В нашем городе всё возможно. Разве вы этого ещё не осознали?

– Как это всё называется?

– То, что у нас за спиной?

– Да!

– Параплан, душа моя.

– А впереди? Что там, впереди?

– Там наш с вами город, Изольда.

– И мы сейчас полетим?

– А вы испугались, девочка моя?

– Немножко. Но это ничего, пройдёт... Матвей!

– Да, Изольда!

– Я... опьянена вами!

– Желаю вам никогда не трезветь! А теперь – в путь?

– Да!!!

Всего несколько шагов отделяли нас от пропасти – и я сделала их, замирая от восторга и совершенно ничего не боясь. Но этот восторг обрушился под натиском другого, настоящего, сбивающего с ног и заставляющего открыть рот в неистовом крике:

– А-а-а-а!!! Я лечу!!!

– Ура-а-а!!! – вторил мне Матвей из-за спины. – Мы ле-

ти-и-им!!!

– Да-а-а!!!

– Не страшно вам, звезда моя?

– Разве красота может пугать? Матвей, посмотрите, что это там?

– Открытая танцплощадка, Изольда. Арбузовцы любят веселиться! Кажется, это танго?

– Да! Ой, а там? Что это так сверкает до слепоты в глазах?

– Золотой купол, милая! Это Храм Архангела Михаила, самое высокое место в городе. А посмотрите налево!

– Знаю-знаю! Этот чудный зверь гуляет по крыше посольства! Матвей, я вижу наш театр! Сверху он ещё красивей, чем вблизи!

– А вон там, чуть дальше, городской парк...

– Это самый лучший парк на свете! Матвей, а вот и он...

– Последний переулок?

– Да... Смотрите, там какая-то парочка гуляет... Странно...

– Вам тоже показалось, что они на нас похожи?

– Боюсь, что да... Как такое может быть, Матвей?

– А вы уверены, что настоящие – это мы с вами, а не те чудесные люди?

– Вы смеётесь, Матвей!

– Видели бы вы сейчас своё лицо, Изольда!

– Ой, гляньте, нам кто-то машет из окна! Я знаю, знаю, кто это! Это девочка Поля, которая любит забираться на крышу!

– Какая смешная девчушка!

– Мы, наверное, кажемся ей птицами?

– Или двумя толстыми человечками с пропеллерами! Э-ге-гей, Полина! Мы ещё к тебе вернёмся!

– А представляете, Матвей, она теперь каждый день будет высматривать в небе двух то ли птиц, то ли людей...

– Придётся нам её не разочаровывать, Изольда! Вы согласны совершать полёты по утрам? Вместе со мной? Каждый день?

– Пока девочка Поля не вырастет?

– Пока девочка Иза не повзрослеет!

– Я постараюсь никогда не взростеть, Матвей!!

– Договорились! А теперь держитесь за меня крепче, девочка моя, мы возвращаемся домой!

– Я держусь, Матвей! Я держусь изо всех сил...

Глава 12

И конечно, меня всё-таки угораздило её опрокинуть! Свет в прихожей был потушен, и я, удивляясь такому обстоятельству, на секунду потеряла бдительность. Этажерка упала на паркетный пол с громким звоном, что-то мелкое посыпалось, покатилося в разные стороны, и в тот же миг распахнулась кухонная дверь.

– Ида, ты не ушиблась?

– Это не я, Вася... – глупо пробормотала я.

– А кто? – поразился он.

– Ах, это я выключила свет в коридоре, вот растяпа! А ведь Васенька меня просил... Изольда, с вами всё в порядке? В освещённом проёме появилась полная женская фигура.

– Я этажерку уронила... Здравствуйте, Светлана!

– Шут с ней, с этажеркой, главное, что ты цела!

Он поспешно включил свет и всмотрелся в меня внимательным взглядом. Не знаю, что такого он во мне увидел, но глаза его вдруг потемнели, а переносицу прорезала глубокая морщинка.

– Вы чудесно выглядите, Изольда! – воскликнула Светлана. – Арбузов на вас повлиял сказочным образом! Ну, идёмте же скорей, я такой ужин сварганила – пальчики оближешь! Вася, что ты стоишь, как засватанный, приберись тут скорее и к нам присоединяйся!

– Да-да, – Вася вздрогнул и отвёл от меня тревожный взгляд.

Я поддалась властной энергии женщины. Мыслями я была ещё там, с Матвеем, поэтому воспринимала происходящее сквозь лёгкую дымку грёз.

– Изольда, мне кажется, вы даже скинули десяток лет! А я говорила, что наш город благотворно влияет на своих жителей! По себе сужу – мой насморк в этот раз прошёл с удивительной быстротой!

– Да, Светлана, как вы себя чувствуете? – спохватилась я.

– Я же говорю – просто прекрасно! Садитесь, моя дорогая, я буду вас сейчас кормить! Знаете, обожаю угощать людей, мне это доставляет прямо эстетическое удовольствие!

– Вася говорил, что вы маг и волшебник кулинарии.

– О, мой брат обманывать не умеет! Итак, прошу за стол.

– Ой, а я руки помыть забыла! Я быстро!

– Жду вас, дорогая моя. А я пока чайник поставлю...

В коридоре я столкнулась с Василием, который сидел на корточках перед всё ещё опрокинутой этажеркой, с задумчивым видом рассматривая какой-то листок.

– Вася, что случилось?

– Ничего!

Он поспешно вскочил, пряча руку за спиной.

– Точно?

– Конечно!

– Твоя сестра только что сказала, что ты не умеешь обма-

нывать. Она права, Вася...

– Ида... – глаза у него были несчастные.

– Да?

– Всё хорошо, не волнуйся. Всё просто чудесно.

– Да, я так и подумала... Но если ты захочешь мне что-нибудь рассказать, помни, что моя комната дальше по коридору!

– Я запомню! – он улыбнулся. – Возвращайся скорей, Ида, иначе Светка меня сожрёт вместо ужина!

– Обещаю! – я с улыбкой направилась в ванную.

– Он улетел, но обещал вернуться... – донеслось мне вслед.

Весь вечер Вася держался молодцом, хотя я чувствовала, что на душе у бедняги кошки скребут. А Светлана ничего не замечала. Она болтала без умолку обо всём подряд, и нам с её братом даже особо напрягаться не приходилось для поддержания разговора – каким-то образом Света умудрялась отвечать на собственные вопросы сама.

– Васенька, а ты семейные фотографии гостье показывал? Ну что же ты, голубчик! Ну-ка, тащи наши альбомы!

– Свет, Изольде, наверное, это не очень интересно...

– Ну как история может быть не интересна, а? Ведь правда, Изольда? Можете не отвечать, я и так знаю. Вася, ну что ты застыл, неси, говорю!

И мы разглядывали фотографии, и по пятому разу пили чай, и слушали рассказы Светланы о босоногом детстве –

семейный вечер длился и длился, а мне безумно хотелось остаться одной, закрыться в своей комнате и вспоминать... Лицо Матвея отражалось в бликах люстры, аромат его дыхания до сих пор ощущался на моих губах, а руки по-прежнему хранили его тепло...

– Светик, у тебя телефон звонит!

– Подожди, Вась, я ещё не закончила. Так вот, Изольда...

– Это Шурка!

– Шурочка?? – тут же встрепенулась Светлана и выхватила трубку из рук брата. Мы с ним понимающе переглянулись. – Доченька, что случилось? Ничего? А почему у тебя голос такой вялый? Устала? Да-да, я уже собираюсь! Нет, как я могу надоесть родному брату? Вася, тебе привет от племяшки. Ага, Изольда, и вам! Не переживай, Шурочка, я вызову такси!

Она собралась в две минуты и даже не стала дожидаться звонка от оператора такси.

– Внизу подожду! Нет, Васенька, провожать меня не нужно! Изольда, деточка, как же я рада, что мой брат теперь не один... Ну, дорогие мои, до встречи! Дайте я вас расцелую и побегу!

Когда за энергичной женщиной захлопнулась дверь, мы с Васей, не сговариваясь, рухнули на кухонные табуретки и в изнеможении посмотрели друг на друга.

– Тайфун! – сказала я.

– Землетрясение и переезд.

– Как ты все эти годы справлялся, бедняга?

– У неё после Москвы всегда так. Действует на неё столица, сам не знаю, почему.

– Вась, а ты в Москве бывал?

– Конечно. У нас же там тётя Паша живёт, мамина сестра. Мы со Светкой поочередно у неё бываем, она одинокая совсем.

– Значит, у вас в Москве, можно сказать, жильё своё есть?

– Ну вроде того, – он почему-то напрягся.

– А ты никогда не думал туда перебраться? – я спросила это спокойно, без каких-либо намёков.

– В Москву? А... почему ты спрашиваешь, Ида?

– Ну так... просто. Многие стремятся уехать из провинции, особенно если есть квартира, тем более в Москве... Что ты на меня так смотришь, Вася? – не выдержала я его странного взгляда. – Разве я истину для тебя открываю?

– Я не пойму, зачем ты... – он помолчал. – Знаешь что, давай спать! Я устал, у меня разболелась голова, и вообще...

– Я обидела тебя, Васенька? – растерялась я.

– Не называй меня так! – он вскочил. – Слышишь? Не называй меня так никогда!!

– Хорошо, – оторопела я. – Извини, пожалуйста... Я не знала, что тебе это неприятно. Спокойной ночи, Василий!

– Спокойной ночи, Изольда!

Выходя из кухни, я постаралась не сильно хлопнуть дверь. И ещё долго, пока сон не закрыл мои веки, мне вспомина-

лось Васино лицо, а в ушах продолжал звучать отчаянный
возглас:

– Не называй меня так никогда!!

Глава 13

Следующее утро началось с невероятного запаха, который проник, кажется, в каждую щёлочку моей комнаты. Что это? Отдалённо похоже на кофе, но в нём я чувствовала и жар прерий, и свежесть зимнего утра... Голова кружилась и безумно тянуло туда, к источнику блаженного аромата...

Ну да, как я и думала, – хозяин квартиры стоял возле плиты, босой, в ярко-зелёных шортах и, помешивая что-то на плите, напевал себе под нос весёлую мелодию.

– Шаманишь?

– Ида! – из руки его выскользнула ложка и, разбрызгивая запах по всей кухне, замерла на полу.

– Приворотное зелье, небось? Считай, что тебе удалось. Я уже приворотилась! А если ты дашь мне попробовать малю-ю-сенькую капельку – буду вечно твоя!

– Ида, прости меня! – мне показалось, что он хотел упасть на колени. Ну и фантазии у вас, госпожа художница!

– Что, не дашь? – расстроилась я.

– Я всю ночь не спал, Ида! Переживал, что обидел тебя... Прости!

– Да ладно, я уже забыла! Нашёл из-за чего волноваться!

– Правда?

– Совершеннейшая правда! А мне за искренность воздастся, а?

– Ещё как! Садись за стол!

Он засуетился, поднял с пола ложку, бросил её в раковину, схватил другую, чистую, тоже уронил...

– Василий Баткович, расслабьтесь уже. Я здесь и больше ничего плохого не случится. Кстати, я ведь тебе своё мнение о Лике не сказала! Ты знаешь, она мне понравилась, вот честное слово! Деловая, заботливая, не глупая, и, кажется, любит тебя!

– Значит, можно делать предложение? – его неуклюжие движения разом сошли, как ненужная шелуха, и передо мной вдруг предстал собранный и весьма суровый мужчина. – Ты разрешаешь?

– Я, кажется, опять что-то не то сказала?

– Ну почему же...

Он снял с плиты турку, не спеша разлил по чашечкам густой напиток, подвинул ко мне плетёную корзинку с хлебом, вытащил из холодильника сыр – и всё это совершал так спокойно, так размеренно и мрачно, что я даже испугалась. Это был не Вася, а «другой какой-то мальчик» – сказал бы сейчас маленький индеец Лев, и оказался бы прав.

– Василий, что происходит?

– Позволь мне не отвечать на твой вопрос. Ида, и вот ещё что – мы больше не будем говорить о Лидии. Никогда.

– Никогда? – эхом отозвалась я.

– Никогда. Как тебе кофе?

– Божественно.

– Я рад.

Весь день, пока я перебегала из одного дворика в другой, ожесточённо грея собственным дыханием озябшие пальцы – с утра на Арбузов обрушился снегопад, – я вспоминала о Васе. Мне отчего-то страшно было за него, и никак от этого страха я не могла отделаться. Даже частые звонки Матвея, который с утра опять куда-то уехал, не могли унять сосущую тревогу. Я выводила линии на листе, а сама анализировала вчерашний вечер и в который уже раз пыталась понять причину Васиного мрачного настроения. Что было в той записке, которую он держал в руке и которую так неуклюже пытался спрятать? Да и в ней ли дело? Я понимала, отчего так волнуюсь за парня, – за эти несколько дней, проведённых под одной крышей, во мне родилось нежное, похожее на сестринское, чувство, и это чувство накладывало на меня ответственность, хотела я этого или нет. Наверное, мы со Светланой чем-то схожи, если так одинаково и так неистово желаем счастья чудесному, но чересчур мягкому человеку.

Но как бы вывести его на разговор? Я помнила его фразу о вмешательстве в дела постороннего человека, но разве можно меня теперь назвать посторонней?

– Извините, вы не видели, автобус давно ушёл?

– Н-нет...

Я оглянулась, с удивлением обнаружив себя стоящей около остановки – как я тут очутилась? – но ещё большее изум-

ление у меня вызвал тот факт, что вопрос задавала та самая девушка, о которой я только что вспоминала! Девушка, поссорившаяся со своим парнем в автобусе!

– Вы знаете, я сама недавно подошла...

– А-а-а! – протянула она. – Ну ладно. Простите за беспокойство!

– Разве ж это беспокойство? – улыбнулась я. – Вот если бы вы меня попросили в чулане разобратся...

– В чулане? – её лицо вытянулось. – Я... не понимаю.

– Ну и хорошо, что не понимаете! А то я несу всякий вздор...

– Нет, подождите, почему вы так сказали? Вы... что-то про Андрюшу знаете?

– Ни про какого Андрея я ничего не знаю! Честное слово!

– А мне показалось... – она сникла. – Извините меня...

Она сделала шаг в сторону. А мне стало совестно. Ну вот, ляпнула глупость неизвестно зачем, а человек теперь мучается!

– Простите, как вас зовут?

– Меня? – она обернулась. – Лиза. А что?

– Лиза, извините меня ещё за один нетактичный вопрос, но... вы ушли от него, правда?

– От кого? – она вздёрнула брови.

– От человека, с которым вы поссорились в автобусе. По телефону, помните?

– Ах, так это были вы! А я думаю, где я видела ваше ли-

цо? – девушка улыбнулась. – Вы с мужем *так* на меня смотрели!

– Как? – я не стала поправлять её реплику о муже.

– Как будто решили, что я сейчас побегу топиться, вот как!

– А вы, судя по всему, не побежали? – усмехнулась я.

– Жизнь слишком драгоценна, чтобы вот так ею распоряжаться. А с Мишей мы в тот же день помирились. Он вспыльчивый, знаете, и не всегда бывает справедлив, но жить без меня не может. Как и я без него.

Она произнесла это так просто, так обыденно, но такая светлая истина была в её словах!

– Вам только позавидовать можно, Лиза! Не каждому выпадает шанс встретиться с Единственным.

– Каждому! – твёрдо произнесла она. – Но только не все умеют этим шансом правильно распоряжаться. Или не хотят. Но вам-то завидовать нечему, вы свой шанс уже поймали, правда? А вот и мой автобус!

– Да-да... – пробормотала я, оглядываясь.

К остановке не спеша приближался ярко-красный весёлый автобус.

– До свидания!

– Всего вам доброго, милая Лиза!

Я смотрела, как она поднимается на подножку, как заходит в салон, и вдруг вспомнила, а вспомнив – закричала:

– Лиза, а кто такой Андрюша??

Но двери захлопнулись, и девушка Лиза так ничего и не успела ответить. Или не захотела...

Я побрела дальше по улице. Снегопад, утихший было днём, опять разошёлся не на шутку. Пора возвращаться домой.

...А где ваш дом, моя голубка, вы мне расскажете потом, когда сами это поймёте...

Мой дом далеко отсюда, рыцарь мой! Так далеко, что одна только мысль об этом заставляет страдать и мучиться. Что ждёт меня, когда подойдёт к концу эта безумно красивая сказка, и Золушке придётся вновь натягивать на себя привычные одежды и брать в руки метлу? Нет, лучше пока об этом не думать...

Я свернула за угол и остановилась, поражённая. Танцплощадка под открытым небом, та самая, увиденная мной с парашюта! Вот уж не чаяла её встретить! Но если вчера она была заполнена кружащимися под музыку парами, то сегодня от бывшего веселья не осталось и следа. Огни потушены, магнитофон молчит, только бабуля в толстой дублёнке угрюмо и размашисто метёт запылённый асфальт. Хотела Золушку – получай!

– Извините, вы не подскажете?

– Ась?

Она повернула голову, но тяжёлые руки по-прежнему продолжали делать свою работу, не останавливаясь.

– Скажите, а занятия уже закончились?

– Закончились, – буркнула тётка себе под нос и повернулась ко мне спиной.

– А они каждый день бывают, не знаете? – я проявила настойчивость.

Широкая спина что-то мне ответила, но я не разобрала, что.

– Простите, я не расслышала! – я сделала пару шагов вперёд.

– Ну что вы всё ходите и ходите, покоя от вас нет! Летом приходи, ле-том, слышала?

– Почему летом?

– Потому что зимой снеговиков лепят, а не на танцульки бегают! Ишь, плясать удумала – они пляшут, а я потом убирай... Тьфу!

Она сплюнула, окончательно развернулась и, с утроенной силой размахивая метлой, двинулась к противоположному углу площадки.

– Так вчера были танцы или нет? – крикнула я вдогонку, но больше ни одного ответного движения не получила.

Может быть, самой Матвею позвонить? Но я только представила, как задаю ему тот же вопрос, и мне стало не по себе. Как будто что-то холодное на грудь легло, а затылок жаром опалило. Нет, не буду спрашивать. Нельзя. Нельзя...

Глава 14

Чем больше сокращалось расстояние до моего нынешнего дома, тем активнее меня захватывали мысли о его хозяине. Вспомнились Лизины слова. Значит, она решила, что Вася – мой муж. Как странно. Мне казалось, с первого взгляда можно понять, в каких отношениях находятся он и она, даже если ничего ты о них не знаешь. Я, например, редко когда в таких делах ошибаюсь. Но у меня, как говорит бабушка Тоня, ум, не замутнённый эмоциями, а значит, выводы получаются более-менее приближёнными к истине. Хотя видела бы меня бабуля сейчас... Ох, нет, не дай боже ей появиться рядом! О свиданиях с Матвеем придётся тогда позабыть навсегда!

Ещё только сворачивая во двор, я услышала громкий гогот и эмоциональные выкрики, особенно ясно слышные в морозном воздухе. И мысленно напряглась. Всегда опасалась пьяных компаний, особенно после одного случая, когда однажды в собственном дворе у меня чуть не вырвали из рук сумочку. Спасибо моему соседу, а точнее его овчарке Джеку, совершавших в тот момент вечернюю прогулку, иначе точно пришлось бы моим пугливым родственницам менять все дверные замки!

– А я тебе говорю – ты врешь! Не могла Катька, сука такая, меня подставить!

– Ты zenки-то свои разуй, рыжая твоя морда! Уже все па-

цаны в курсах, а он, блин, цацу из себя строит! А ты думаешь, чего твоя шалава уже неделю из хаты нос не высовывает? Затаилась и в тряпочку дышит!

– Ты, Гусь, за шалаву ща по хлебалу получишь!

– От тебя?? Ой-ой, у меня даже шнурки затряслись от страха! Пацаны, держите этого Рэмбо, он меня сейчас убьёт! Ха-ха!

– Ах ты гад...

Ну и конечно, потасовка покатила в мою сторону, кто бы сомневался! Не зря говорят – чего боишься, то и случится! Я прижалась к стене, надеясь, что в темноте останусь незамеченной. Надежда приказала долго жить в ту же секунду, когда, практически задев меня своим телом, мимо пронёсся долговязый парень. Бежавший следом за ним светил фонариком...

– Опля! Легка на помине! Катька, ты? А мы только что о тебе вспоминали. Куда, думаем, наша красавица пропала? А она и не пропала вовсе...

– Извините, вы ошиблись, молодой человек! – с достоинством сказала я и отлепилась от стены.

– Ёк макарёк! – присвистнул говоривший. – Девушка, что же вы по ночам одна гуляете? Тут хулиганья развелось, на раз-два обидеть могут. Правильно говорю, пацаны?

– А то! – загоготали в темноте.

Ну всё, попала. В чужом городе, в чужом дворе... В глаза ударил резкий свет, я взмахнула рукой, закрываясь.

– Слушай, Вован, а девица-то ничего, на Катьку похожа.

– Гусь, ты бы поосторожней с ней. Не русская она вроде.

Ща её братья набегут, мало не покажется!

– Да не... – с сомнением протянул человек с фонариком. –

Не похоже вроде. Ты ведь наша, краля?

– Я чеченка!

– А я что говорил? Гусь, неприятностей хочешь?

– Да что ты заладил, Шурик! Это наша территория, блин, никому не позволено чужими чувяками её топтать! Правда, красотка? Слушай, а реально говорят, будто все ваши девки до замужества ни-ни, а?

– Проверить хочешь, Гусь? – забулькала темнота весело.

– А чем я хуже чернобровых?

– Не хуже, Гусь! Фору дашь! А слабо? – раздалось со всех сторон.

Я выпрямила спину. Жаль, этюдник тяжёлый, мешает. Хотя, если потихоньку освободить одну из металлических ножек...

– Ой, а что это у нас?

Я еле устояла на месте, когда почувствовала сильный и резкий рывок – деревянный ящичек с грохотом перекатывающихся внутри красок и кистей оказался в руках врага. Чтоб вам всем пусто стало, негодяи!

– Глянь-ка, Шурик, нам малярша попалась! Ой-ой-ой, как неловко-то, а?

Тюбики, один за другим, посыпались в снег, а маслѐнка,

которая прошла со мной огонь и воду, оказалась под башмаком одного из хулиганов. Я дёрнулась вперёд, но меня очень жёстко и умело остановили, скрутив руки за спиной. От боли и унижения защипало в глазах. Ну вот, только расплакаться не хватало в присутствии этих нелюдей! Дыши, Ида, дыши!

– Сакварлис саплавс ведзебди³! – отчаянно выкрикнула я, вложив в слова всю силу своей злости. – Вер внахе⁴!

– Чё-чё?

– Кажется, Гусь, она нас сейчас послала!

– Послала? – рябое лицо приблизилось ко мне вплотную. – Нас? А с виду такая интеллигентная девушка! Ай-яй-яй, нехорошо! Некультурно даже, я бы сказал. Мы к ней, понимаешь, со всей душой, а она брхгц...

Я не поняла, что помешало договорить парню фразу. Он как-то странно дёрнулся, захрипел и вдруг повалился на бок, хватаясь руками за меня. Мне хватило сил и ловкости отскочить назад, но удача сегодня была явно не на моей стороне. Со всего размаха я ударилась головой обо что-то твёрдое сзади и, перед тем как потерять сознание, с изумлением и восторгом успела разглядеть в темноте любимое лицо Матвея. Свет померк, а с ним и все несчастья сегодняшнего дня...

– Ида! Родная моя!

– Матвей...

³ Любимой(ого) могилу искал (груз., из песни «Сулико»)

⁴ Не смог найти (груз.)

Зрение прояснялось, и в тумане проявляющегося мира я увидела желанные черты самого дорогого для меня человека. Матвей, он здесь, он пришёл, чтобы спасти меня...

– Ида, ты не узнаёшь меня?

– Как я могу не узнать, любимый...

– Ида, это я, Василий!

– Василий?

Произнесённое имя отозвалось во мне острым разочарованием. Я поморгала. Вася?! Да, никаких сомнений, именно он сидел возле меня на корточках! Как я могла так ошибиться?

– Узнала? Господи, как же ты меня напугала! Я боялся, что опоздал... Как только разглядел тебя в подворотне в окружении этих упырей, голову потерял! Разозлился так, что чуть вожака их не убил... Ида, голова болит? Тошнит?

– Болит, Васенька... И подташнивает.

– Похоже на сотрясение. Доберёмся до квартиры, вызову врача!

– Не хочу врача!

– Нужно, Ида!

Он бережно и очень осторожно поднял меня и медленно понёс к подъезду. Холодные снежинки щекотали мне лицо. И было так хорошо, так спокойно, как будто я вновь очутилась в воздухе с парашютом за спиной. Я закрыла глаза, всем существом своим подчиняясь плавному движению. По волнам, по морям...

– Покой, покой и ещё раз покой. А если головокружение не пройдёт, милости прошу к нам, сделаем рентген...

– Спасибо, доктор!

Василий закрыл дверь за человеком в синем халате и вернулся ко мне.

– Мне надо было с самого начала это делать!

– Что, Вася?

– Встречать тебя! Темнеет поздно, отморозков всяких в городе полно, а я – дурак несообразительный...

– Вася, скажи мне, пожалуйста, а ты больше во дворе никого не заметил? Ну, кроме хулиганов этих?

– Вроде нет... Разве что только бабу Люсю – она из магазина возвращалась. Но соседка наша туговата на ухо...

– Значит, никого...

– А почему ты спрашиваешь?

Он уселся рядом со мной, на краешек дивана, и приложил ладонь к моему лбу.

– Перед тем как я отключилась, мне померещился ещё один человек...

– Из тех, кто нападал на тебя?

– Нет! Наоборот! Мне показалось, что это он сбил жоака с ног...

– Он? – его рука отдёрнулась от моего лица, как от кипятка. – Ида, ты думаешь, что это не я, а кто-то другой тебя спас? Ты решила, что я лжец? Я??

Он побледнел, потом покраснел, а потом вскочил и выбежал вон из комнаты.

– Вася! Ты неправильно меня понял! Ну что же это такое, в конце концов?!

– Я очень хорошо тебя понял, Изольда!

Он ворвался обратно – растрёпанный, злой и... несчастный. Сердце моё оборвалось.

– Я завтра же сделаю предложение Лике! И гори всё синим пламенем!

– При чём тут Лика, Вася... – пролепетала я.

– Вот именно! Вот именно, Ида! Лика тут совершенно ни при чём! Ох, я идиот!!

Дверь захлопнулась с оглушительным грохотом. С потолка тонкой струйкой просыпалась извёстка. Я закрыла глаза. Кажется, главный идиот в этой квартире – я.

Глава 15

Следующие несколько дней мы существовали с Васей, как мирные, но безразличные друг к другу соседи. Я уходила утром на пленэр – он ещё спал, вечером меня поджидал на столе ужин, а рабочее место хозяина переместилось к нему в спальню. Нет, мы разговаривали друг с другом, иногда улыбались даже, но той откровенности, того трепетного внимания между нами, так радовавшего когда-то обоих, уже не было. Наверное, мне следовало съехать – в гостиницу, например, – но обрывать отношения вот так, нелепо и даже подло, мне совсем не хотелось, я и так чувствовала себя гнусной предательницей. Но только поделаться ничего могла – от разговора Вася очень ловко и твёрдо уходил, а других путей для примирения придумать не получалось.

Но личная жизнь моя тем временем не топталась на месте. Свидания с Матвеем, день ото дня наполнявшиеся силой и нежностью, придавали смысл моему нынешнему бытию. Но не только тяга к этому человеку влекла меня. Мне показывали, крутя со всех сторон, как шарик, Город, демонстрируя каждую из сверкающих граней, и ещё вопрос, в кого я влюблялась больше – в Матвея или в Арбузов. Иногда они сливались в одно, и тогда я совсем переставала что-либо понимать, просто вдыхала и наслаждалась этим воздухом, необычайным ароматом старинных улочек и переулков, пылью мо-

стовых и широтой Арбузовки. Даже снег, так отчаянно надоевший в Москве, здесь приобретал совсем особый смысл, и я тонула в ледяных его объёмах, тонула, погружаясь всё глубже и глубже, и безумно своему погружению радовалась!

Не бойтесь очарования!

А на лестницу молчания дорожка нас с Матвеем всё не выводила. Хотя где-то в глубине моей распахнутой души плескалось желание пройти ступеньку за ступенькой с человеком, который так прирос к моему сердцу, молча и не спеша пройти – и увидеть... Но нет, подталкивать судьбу в таких делах мне казалось невозможным. Пусть будет так, как должно быть...

– Ида, что у тебя с голосом? Ты что, влюбилась?

– Обычный голос, с чего ты взяла, Кето?

– Ой, мне только не говори! Я же тебя насквозь вижу, подружка! Ну-ка, быстро рассказывай, кто он? Местный товарищ или командировошной?

Она так и произнесла – командировошной, и ещё протянула буквы специально. Я рассмеялась.

– Кето, ну что ты такое говоришь!

– Значит, местный! – заключила она. – Кто его родители?

Кето всегда трепетно относилась к корням и семейным традициям. Грузинка, одним словом.

– Я и о нём толком ничего не знаю...

Сказала – и сама поразилась правде, заключённой в моих

словах. А что я знаю о Матвее? Я даже дома у него никогда не была, все наши свидания проходили на улицах...

– Значит, он водит тебя за нос! Ида, ты заставляешь меня нервничать!

– Кето, я взрослая женщина!

– Вот то-то и оно! У тебя с ним уже что-то было?

– Кетено, я не хочу это обсуждать, слышишь?

– Идка... – прошептала она. – Так ты на самом деле влюбилась...

– Слава богу, дошло!

– Я завтра же вылетаю к тебе!

– С ума сошла? Не смей!

– Это ты с ума сошла! – закричала она. – Ты о дочке подумала? А о тётушках своих несчастных? На кого ты их оставить хочешь, на меня?

– Кето, что ты несёшь? Кто кого оставляет?

– Да я же по голосу твоему слышу! Ты уже всё решила, да? Ребёнка на мужика променяла, о матери забыла, подруга вообще побоку... Проклянута, если не вернёшься! На порог не пущу! Смолой вымажу и в перья обмакну!

– Ты противоречишь сама себе...

– Чтоб я всю жизнь одни овощи ела!

– О, это суровая клятва! Ты же говорила, что без мяса и дня не проживёшь?!

– Вот и сдохну, как дура! Идка, убью тебя на фиг, слышишь?

Телефон отключился, я выдохнула. Интересно, на сколько её хватит на этот раз?

Перезвонила Кето ровно через минуту. Молодец, реакция убыстряется...

– Идочка, прости меня, идиотку! Прости, Идка!

– Кетоша, мне так нравится твоя горячность, что иногда я готова сама тебя придушить!

– О, нет мне прощения! – простонала Кето в трубку и продолжила уже совсем другим тоном, – Идка, я так рада за тебя, честное слово!

– Ну наконец-то!

– А ты его уже уговорила в Москву перебраться? Я знаю, если тебе что-нибудь приспичит, ты горы своротишь, а своего добьёшься!

– Мы ещё не обсуждали эту тему...

– Но ведь можно и так, на расстоянии жить! Помнишь, как Высоцкий с Влади? Те вообще в разных странах и ничего... А, Идка?

– Кетоша, давай пока не будем, пожалуйста. Мне и так... непросто.

– Я понимаю, понимаю! – горячо зашептала в трубку Кетено. – Господи, но вот же зигзаги судьбы, а? Кто бы мог подумать, что своего Единственного ты найдёшь далеко за МКАДом!

– Ох и дурында ты, Кетено Ревазовна!

– А можно я подружкой невесты буду? Представляешь,

Идка, ты – вся в белом, и я возле тебя. Краси-и-вая!!

– Кто из нас, глупенькая?

– Обе! А Элли будет твою фату нести. Так и вижу её... ангелочек просто!

– Ты что там, ревёшь, что ли?

– Ага! – всхлипнула она. – Я на своей свадьбе так не радовалась, как на твоей буду!

– Ну всё, Кето, а то я сейчас тоже разрыдаюсь! Ираклия с бабулей обними за меня!

– Обниму, подружка, – мечтательно вздохнула она. – А свадебное платье я сама тебе сошью...

– Договорились!

Глава 16

Когда в доме зазвучал женский голос, я находилась в ванной. Странно, кто бы это мог быть? Светлана? Или Лидия? Но впрочем, какая тебе разница, Изольда? Васина жизнь тебя теперь никак не должна интересовать!

Вышла из ванной я степенно, не торопясь, будто ничего из происходящего в этой квартире меня не касается, что, конечно, не совсем соответствовало действительности, но кому об этом нужно знать? Проходя мимо гостиной, я не удержалась и всё-таки быстрым взглядом пробежала внутрь. На диване, рядком друг к другу, сидели Василий с Ликой. Лица у обоих были мрачные. Заметив в коридоре тень, девушка встрепенулась.

– Изольда!

– Добрый вечер, Лика. Извините, что помешала, я уже ухожу.

– Нет-нет, зайдите, пожалуйста!

– Зачем? У вас свои разговоры...

– Я прошу вас!

– Ну хорошо.

Я остановилась на проходе, сделав всего один шаг за порог. Вроде бы и внутри, но всё же не совсем.

– Изольда, Василий сделал мне предложение! – совсем не радостным тоном произнесла Лидия, смотря куда-то мимо

меня.

– Поздравляю!

Значит, он всё-таки исполнил своё обещание. Или угрозу...

– Спасибо...

– И когда свадьба?

На Васю я старалась не смотреть. Не знаю, почему, но видеть сейчас его глаза я не могла.

– Мы решили не затягивать. Изольда, первой из официально приглашённых можете считать себя.

– Но... я скоро уезжаю!

– Когда? Вы уже взяли билет?

– Ещё нет, но...

– Вот и не берите. У меня подруга работает в ЗАГСе, она поможет.

– Взять билет?

– Ускорить регистрацию!

– Но к чему вам так спешить? – не выдержала я, тут же обругав себя за бестактность. Какое моё дело, куда я лезу?

– Когда люди любят друг друга, время не имеет значения, – в голосе Лики явно слышалась затаённая боль.

– Вы правы, Лица, – не вкладывая в свои слова никаких эмоций, кивнула я. – Ещё раз поздравляю вас обоих, я очень рада. Вы меня извините, но у меня голова разболелась, мне нужно прилечь.

Губы Василия дрогнули, будто он собирался что-то ска-

зять. Не собрался. Только помрачнел ещё больше.

– Конечно, Изольда! Нам важно было поделиться с вами нашей... радостью, и мы это сделали. Отдыхайте, мы не будем вам больше мешать. Тем более что мне тоже пора...

– До свидания, Лика. Спокойной ночи, Василий.

Выходя из гостиной, я плотно прикрыла за собой дверь.

Глава 17

И ещё три дня прошли в том же ритме, что и предыдущие. Будто и не было ничего, будто предложение, о котором с такой обречённостью поведала Лика, мне приснилось. Да, я как-то иначе представляла себе подготовку к свадьбе!

Впрочем, с регистрацией обстояло всё не так гладко, как хотелось. Видимо, полномочий Ликиной подруги не хватило на то, чтобы её ускорить, поэтому препятствий моему отъезду больше никто не чинил. А я и сама понимала, что нужно уезжать, все сроки вышли, никогда ещё так надолго не затягивались мои творческие поездки. И я каждый день собиралась поговорить об этом с Матвеем и каждый раз откладывала трудный разговор. А на все вопросы своей Элли, скучающей по матери, придумывала разные отговорки: то у меня этюд оказывался не подсохнувшим, то состояние после падения слабым (я рассказала ей о неприятности во дворе и славном спасении Василием), то я вдруг находила ещё один объект для рисования, и как я могла его не запечатлеть на холсте? А потом и вовсе в Арбузов нагрянула весна, самая настоящая, с капелью и весёлым щебетаньем птиц, и такие изменения совсем уж требовали неусыпного внимания, острого глаза и твёрдой руки художника!

– Мама, наши тётушки потирают руки!

– Ты о чём, солнышко?

– Я случайно услышала разговор... Честное слово, я не хотела подслушивать, так получилось!

– Какой разговор, Элли? – я заволновалась.

– Агнесса шепталась с Брониславой, пока Тони не было поблизости...

– Не тяни!

– В общем, они решили, что ты больше не вернёшься, мам, и очень этому радовались. Агнешка сказала: вот и хорошо, что ты нашла себе мужика, зато ребёнок теперь останется нам! То есть им! А ребёнок, мам, это я!

– Глупости какие! – фыркнула я. – Я даже комментировать этот бред не стану!

– Мам, ты решила меня бросить??

– Элли, девочка моя!!

Этот разговор, взволновавший меня до глубины души, послужил отправной точкой для другого, не менее эмоционального и болезненного. Элли позвонила как раз в тот момент, когда мы с Матвеем сидели за столиком одного из заведений папаши Гройса, ресторана с дивным названием «Летучий голландец». Располагалось сие заведение на открытой воде, в настоящем корабле, медленно курсирующем вдоль берега. Отсюда, с нашего столика, сейчас открывался просто сказочный вид на широкую реку и белеющую на том берегу длинную крепостную стену, за которой сверкал куполом Храм Архангела Михаила...

– Что случилось, звезда моя? – Матвей охватил ладонью

мою руку. – Ваша дочь звонила?

Неотрывным, по-прежнему зачарованным взглядом я смотрела в его лицо и ясно понимала, что время пришло. Нужно решаться.

– Матвей, я долго страшилась и откладывала этот разговор, но тянуть дальше невозможно...

– Я понимаю, о чём вы... – он тоже пристально вглядывался в моё лицо. – Время пришло.

– Да, время пришло. Мне нужно... – я сделала паузу, после которой сказала совсем не то, что собиралась, – уезжать.

– Почему вы решили, что именно *это* вам нужно?

– Потому что мой дом в Москве, и там меня ждёт дочь.

– Ваш дом в Москве? – он задал вопрос резко, даже жёстко.

Мне показалось, что не эмоции им сейчас руководили, а что-то иное. Таким тоном спрашивает не человек, а... жизнь.

– Вы помните, Матвей, когда-то мы говорили об этом...

– Я помню. И вы готовы мне сейчас дать ответ? Теперь вы знаете?

– Да.

– Я слушаю вас.

– Я полюбила этот город, Матвей. Всем сердцем, всей душой. Но мой дом в Москве, и никуда мне от него не сбежать.

– Даже если я попрошу вас остаться?

– А вы просите?

– Разве вы сомневались в этом? – он сжал мои пальцы. –

Моё сердце давно принадлежит вам, с первой секунды нашей встречи. Ведь я столько раз твердил вам об этом!

– Матвей! – я второй рукой накрыла его ладонь. – Послушайте меня, послушайте то, что я вам сейчас скажу. Я никогда никому такого не говорила, потому что никогда ещё не испытывала того, что чувствую сейчас и о чём болит моя душа! А она болит, она страдает и, в то же время, готова взлетать от счастья. Страдает – потому что ей кажется, что сказка окончилась, часы пробили двенадцать раз и карета скоро превратится в тыкву. Матвей, я не могу остаться, но я прошу, я умоляю вас – поехали со мной!

– Изольда, хорошая моя, но вы ведь знаете, что я вам отвечаю, правда?

– Нет! – я неистово помотала головой.

– Лгать самому себе человеку удаётся гораздо убедительнее, чем обманывать другого... – медленно произнёс он. – Разве это не ваши слова?

– О, Матвей!

– Я не смогу отсюда уехать, и вам это известно не хуже, чем мне. Это мой город, это моя жизнь, другой у меня нет и не может быть во веки веков. Есть только одно место, где нам возможно быть вместе. Здесь, Изольда. И только вы способны принять решение, заглянув в самую сердцевину своей души: годится ли вам такой путь? Вы понимаете меня, Изольда?

– Я понимаю, но боже мой, как мне не хочется это решать!

Я отвела отчаянный взгляд от его лица. Оно мешало мне, мешало сосредоточиться, справиться с эмоциями, которые бушевали внутри и готовы были подтолкнуть к безрассудному решению. Дыши, Ида, дыши. Ты не имеешь права на ошибку!

Мимо окон проплыл лёгкий парходик. Радостные люди праздновали весну... Я отвернулась. Тянуть больше нельзя.

– Матвей, я люблю вас. Но я возвращаюсь домой.

И небо не рухнуло, земля не разверзлась под ногами, только глаза человека напротив, сверкнув, потускнели, а с ними утихло и всё вокруг. Музыка стихла. Впрочем, в ресторане на самом деле стало тише – песня, которая ненавязчиво наполняла собой пространство зала, закончилась, а новую ставить никто не спешил.

– Извините, можно вас попросить?

Вздрогнув, я обратила взгляд на человека, который подскочил вдруг к нашему столику, чуть не сбив с ног официанта.

– О чём?

– Вы наверняка знаете эту песню, а у меня жизнь рушится!

– Что вы такое говорите?

Матвей молчал, просто смотрел на меня, а я не отвечать на вопросы незнакомца не могла.

– Понимаете, если вы сейчас откажетесь, то моя девушка не выйдет за меня замуж!

– Что откажусь? – удивилась я.

– Спеть эту песню. Она пообещала согласиться только в том случае, если кто-нибудь споёт «Сулико» на грузинском языке, но у них тут в караоке только на русском! А я не только слов не знаю, но и с музыкальным слухом не дружу. А вы сможете, я уверен! Вы ведь грузинка?

– Я...

Я перевела взгляд на соседний столик, на ожидающие глаза белокурой девицы, и решилась.

– Хорошо, я спою.

– О-о-о! – простонал парень. – Я обожаю вас! Идёмте же скорей, микрофон там!

– В микрофон? – испугалась я. – На весь зал? Вы с ума сошли! Нет-нет...

– Не губите!!

Кажется, он готов был упасть на колени, но я вовремя его остановила.

– Ладно, что с вами делать! Матвей, я пойду, хорошо? Это ненадолго...

Он только кивнул с лёгкой улыбкой на губах. Быстро поцеловав эти губы и еле устояв на ногах от нахлынувшего предчувствия чего-то страшного и непоправимого, я направилась в глубь зала, к сцене. Матвей смотрел мне вслед, я чувствовала это всем существом своим.

Сакварлис саплавс ведзедди
Вер внахе дакаргулико

Гуламосквнили втироди
Сада хар чемо Сулико?..

Я пела любимую песню своей Кетено, которую за столько лет уже выучила и сама, а глаза мои, с отчаянием и надеждой, были направлены на него, Матвея. Мягкий свет струился над сценой, почти скрывая остальное пространство зала.

Он смотрел на меня. Долго смотрел. Неотрывно. Я видела его губы, подпевающие мне или шепчущие что-то другое, я видела глаза, изменчивые, мерцающие, то синими они становились, как небо, то белыми, как снег. Я видела реку за его плечами и город, проплывающий мимо нас. А я пела и прощалась – с Городом, с рекой, с мостами и мастером этих мостов. И с Сулико... Где же ты, моя Сулико...

А когда зажётся в зале свет и отзвучали аплодисменты певице, Матвея за столом уже не было. Только белел на столе лист, вырванный из блокнота.

«Я буду ждать!» – было выведено на нём.

Я буду ждать...

Часть 2

Глава 1

– Мам, а ты у меня просто нарасхват! Твой телефон разрывался весь день!

– И как я его дома забыла, растяпа!

– Ты после своего Арбузова совсем рассеянной стала! – рассмеялась Элли. – Одно слово – художница!

– Да какая там художница, солнышко! Что-то ничего у меня не получается...

– Муки творчества? – хмыкнула понятливая дочь. – А я яичницу пожарила...

– Да ты крута! Как ты себя чувствуешь?

– Температуры нет! – отрапортовала Элли. – Слабость только, но это скоро пройдёт, сама знаешь. Только в школу я пока не хочу, мам! Давай мы ещё всех за нос поводим?

– А с Тоней как быть? – усмехнулась я.

– Справлюсь! – она махнула рукой. – Тем более что бабуле сейчас не до нас...

– А до кого?

– А к ней подруга какая-то приехала, из Америки.

– К ней? То есть она у нас остановится??

– Не, она в гостинице поселилась, и Тоня к ней побежала.

Ещё утром. А ты сама понимаешь, мам, человеку, который сто лет не был в Москве, есть куда сходить и что посмотреть. Так что бабушка наша как минимум на неделю для нас потеряна!

– Ты собираешься неделю дома продержаться?

– А я пока не решила, мам, – Элли хитро прищурилась. – Как пойдёт!

– И в кого ты такая продуманная, а, дочь моя?

– Ты сама ответила на свой вопрос, мама! Ну что, жажнем по тарелке яичницы?

– Жахнем! Сейчас только руки помою и звонки проверю, может быть, что-то срочное...

– Жду!

Так, что у нас тут? Несколько звонков от заказчиков, два от Кето, но ей я уже звонила из редакции, один от Артёма – а этому что нужно? – и один незнакомый. Кажется даже, не московский.

Вообще-то обычно на иногородние номера я не перезваниваю. А тут перезвонила. Сама не знаю, почему. Будто изнутри что-то торкнуло, я и не устояла.

– Здравствуйте, вы мне звонили...

– Изольда! Голубушка моя!

– Извините, я не совсем...

– Это же я, Светлана! Из Арбузова!

– Из Арбузова? – чуть не задохнулась я.

– Да! Вспомнили? Вы у нас останавливались, точнее, у мо-

его брата Васеньки...

– У Васеньки... Да-да, конечно, помню! Как вы живёте, Светлана?

– Мы хорошо, отлично живём! Свадьбу сыграли...

– Поздравляю... – в сердце у меня будто один сосуд разорвался. – И как молодые? Счастливы?

– А то! – она радостно рассмеялась. – Ходят, как голубки, за руки держатся. И я рада. Зять у меня что надо оказался!

– Зять? – оторопела я. – Почему зять?

– А как же ещё называется муж дочери? – удивилась она. – Зять, конечно.

– Так вы дочь замуж выдали??

– А я вам о чём толкую? Сашеньку свою, солнышко ясное! Думать не думала, что так рано выскочит, а вот поди ж ты... Ну да что теперь говорить... А вы-то как, голубушка? Вспоминаете нас или нет?

– Вспоминаю, Света. Ещё как вспоминаю, – выдохнула я. – Дня не проходит, чтобы не думала...

– Правда? – она, кажется, обрадовалась. – Так приезжайте! У нас сирень цвести начала, весь Арбузов разукрасила. Благодать!

– Сирень? – ахнула я. – Это мои любимые цветы...

– Вот и приезжайте, Изольда!

– Светлана, а как ваш брат поживает? – после паузы всё-таки спросила я. – Он... у него всё хорошо?

Про Лику я спрашивать не могла. А вдруг он её ещё с сест-

рой не знакомил? Кто его знает, как у них там сложилось...

– Извините, Изольда, меня зовут... Так вы приезжайте, приезжайте!

Она отключилась, оставив меня в некотором недоумении. Зачем, спрашивается, звонила? Странно...

– Мам, ну ты там чего застряла?

– Иду, доченька, иду...

– ...Представляешь, каково мне это было выслушивать? И от кого? От Лильки! Мам, да ты меня не слушаешь совсем!

– Почему? Слушаю...

– Откуда я знаю, почему? – Элли озадаченно смотрела на меня. – Да что с тобой, мамуль? О чём ты думаешь?

– Элли, слушай, а ты не хочешь со мной поехать?

– Куда? – она даже испугалась. Моего взбудораженного тона, наверное.

– В Арбузов! Завтра!

– Завтра? Я? С тобой? Ой, мамочки...

– Ну, если ты не хочешь...

– Хочу! Мечтаю просто! Мама!!!

Она бросилась мне на шею, смахнув со стола чашку, и замерла.

– Ну что ты молчишь, дурочка? – я погладила её по пушистым волосам.

– Боюсь счастье спугнуть! Ты правда меня возьмёшь?

– Разве я тебя когда-нибудь обманывала?

– А помнишь, с котёнком?

– Ну, нашла что вспомнить! Да вовсе и не я его брать не захотела, а Тоня.

– Ага, а ты даже словечка в защиту бедняжки не произнесла! Хотя обещала, что купишь мне кота!

– Но потом-то мы тебе купили! Породистого!

– Потом...

– Так я не поняла, ты едешь со мной или ещё какие-нибудь грешки вспоминать будем?

– Еду! – она отстранилась и посмотрела на меня серьёзными глазами. – Я так мечтала, что ты когда-нибудь меня с собой возьмёшь!

– А почему не говорила, глупенькая? – мой голос дрогнул.

– Ну так... – она пожала плечами и улыбнулась. – А что мы родственницам соврём?

– Что тебе нужно тепло и фрукты! – быстро выпалила я. – А то сколько можно, третий раз за год ангина?!

– Гениально, маман! Так я пойду собираться?

– Валяй, Элли-путешественница!

– Идём дорогой трудной мы в город Изумрудный!

Подпрыгивая и громко выкрикивая слова песни, она помчалась в спальню. Кажется, у девочки совсем нет слуха...

Как я прожила этот год, не знаю. Вроде бы что-то делала, куда-то ходила, Элкой занималась, книжку дорисовала для Тани, но внутри будто пружина сжалась, которая не давала

ни дышать, ни думать. Даже во сне не приходило облегчение. А сны такие снились, что просыпалась я порой в слезах и долго потом в себя не могла прийти. Арбузов виделся мне в грёзах, и ночью и днём, и никак его черты забываться не желали. А там, где Арбузов, – там и Матвей. Его лицо, его аромат преследовал меня постоянно, даже время не способно было разрушить это очарование.

Не бойтесь очарования... Врал старик, оказывается. Надо бояться, ещё как надо! Иначе жизнь потом мучением и бесконечным страданием покажется!

Глава 2

– Темните вы что-то, девки!

– Ты о чём, ба? – Элли посмотрела на Тоню таким взглядом, что даже я засомневалась в её неискренности. Вот это актриса!

– Жаль, спешу я, меня Сонька ждёт, а то разобралась бы с вами!

– Куда вы с ней сегодня, бабуль?

– Она требует отвести её в нашу чебуречную, а как я ей объясню, что *той* чебуречной на свете уже нет?

– Как будешь выкручиваться, ба? – деловым тоном спросила Элли.

– Это вам бы всё выкручиваться, молодым! – повысила тон Тоня. – А у нас правильные понятия о жизни. Придумаю что-нибудь по дороге, хе-хе.

– Ну, ба, у тебя только поучиться можно! – расхохоталась Элли. – Тогда приветы своей Соньке, пардон – Софье Юрьевне, и до встречи в эфире!

– Слушайся свою мать, детка! Но не забывай, что она тоже может быть не права!

– Ба! – ахнула девочка. – От тебя ли я это слышу! А как же родительский авторитет и всё такое?

– Старею, наверное, – кокетливо поморгала ресницами бабуля и повернулась к двери.

Осанке нашей восьмидесятилетней старушки могла позавидовать любая девчонка!

Мама с тёткой Агнешкой медленно выплыли из спальни. Опять всю ночь кроссворды разгадывали, небось!

– А вот и наши умницы и умники пожаловали! Хорошо, хоть успела поглядеть на собственных дочерей! Кто рано встаёт, тому Бог даёт, слышали такую поговорку, клуши?

– Ну, мам!

– Вот потому добра и не нажили, что спите всё время! Ладно, вечером с вами разберусь! Защитница ваша уезжает, так что у меня теперь руки развязаны! Ну, всем оревуар и за работу, девочки, за работу!

Она выскочила за дверь, и по квартире пронёсся дружный вздох.

– Нам тоже скоро на вокзал! Мам, Бронь, вы не помните, где моя сумка, которую я в прошлый раз брала? Для продуктов...

– Ты ещё не собралась? – ахнули они в один голос.

– Собралась! Только сумку не могу найти...

Из дома мы с Элли выскочили, сломя голову. Хорошо, что билеты были у нас уже на руках, – впервые за годы моих поездок билет я приобрела заранее, через сайт, и теперь чувствовала некий из-за этого дискомфорт. И вообще – мне было страшно! Ночь прошла в раздумьях, сон пришёл только под утро, нервный, скомканный, а утром я стала придумывать причины, по которым нам никак нельзя было уезжать.

Но стоило только мне бросить короткий взгляд на радостную дочь, причины эти так и застревали в моём горле. А сейчас, с двумя чемоданчиками в руках и этюдником на плече, меня кидало то в холод, то в жар, хотя на улице стояла просто чудесная весенняя погода. Господи, ну куда я еду, зачем?!

– Мам, мы не опоздаем? – Элли нервничала, кажется, даже больше, чем я.

– Не должны!

В вагон мы заскочили за пять минут до отхода поезда. И кого же я увидела сидящим в нашем с Элли купе? Того мужичка, ярославца, с которым судьба столкнула меня в первый раз! Он опять дремал, сидя у окна, и при нашем появлении даже глаз не открыл. Но стоило только поезду тронуться с места, как тут же подскочил, стал озираться по сторонам растерянно, хотел даже, кажется, из купе выбежать, но тут его взгляд упал на меня...

– Изольда! Это вы?

Он так обрадовался, как будто родственницу свою увидел!

– Здравствуйте, Прохор! Вот так встреча!

– И не говорите! А вы никак опять в Арбузов?

– Да! А вы?

– И я! – он перевёл взгляд на моего ребёнка. – Элли, правильно?

– Да!

– Тоже рисовать едешь?

– Ну уж нет! – рассмеялась Элли. – На семью одного ху-

дожника достаточно! Я отдыхать еду!

– Правильно, когда же отдыхать, как не в конце учебного года! – поддакнул весело Прохор. – Ну до чего же я рад вас видеть, барышни, вы не представляете! Спросите меня – почему? Сам не знаю, но вот рад и всё тут! Жаль, остальных наших нету...

Это «наших» весьма меня позабавило, как будто существовала сложившаяся группа, из года в год собирающаяся в одном и том же вагоне поезда Москва – Арбузов...

Слова Прохора невольно подтолкнули мои мысли к интересной идее – а что, если собрать увлечённых людей, не обязательно художников, а просто любителей новых мест, и путешествовать по России? Детей с собой брать, чтобы на родительском примере, так сказать, в красоту вовлекались... Представила я эту картинку в ярких красках и улыбнулась. И на душе даже легче стало, отпустило немного.

– Мам, а чай тут носят или самим наливать можно? Ой, мамуль, а ты кроссворды не забыла? А можно я наверх заберусь и там немножечко полежу, можно? А-а-а, посмотри, посмотри, красота какая!

Глазёнки у моего ребёнка горели, лицо восторженно пылало. Стыдись, мамаша, и ты хотела этой радости свою дочь лишить? Да если даже все надежды твои бессмысленными окажутся, разве увидеть вот эти сияющие глаза – уже не счастье?

– Элли, может быть перекусим немного?

– Да-а-а!..

Глава 3

Не знаю, спала ли моя дочь ночью, сама я уснуть так и не смогла. Ворочалась, с боку на бок поворачивалась. Вспоминала. О будущем старалась не думать. Всё равно смысла в этом не было, жизнь сама развернёт его перед моими глазами, когда время придёт...

А первое же своё ошеломление я получила в ту секунду, когда на стремительно приближающемся перроне вокзала увидела скульптуру. Нет, не парящую девушку с раскинутыми руками, а совершенно другую! Хотя связь между ними чувствовалась, это я ясно видела. Будто рукой одного мастера созданы...

– Мам, она на тебя похожа, честное слово!

– Кто, Элли?

– Эта мадам! Глянь, даже рубашка точь-в-точь как у тебя! Помнишь, которую мы с тобой покупали? Ну надо же!

– Фантазёрка...

– А чего ж ты тогда сама застыла, как будто инопланетян увидела? Интересно, а кто это с ней рядом стоит? Не знаешь?

– Если исходить из твоих выводов...

– Да ну, мам, я знаю, что ты сейчас скажешь! Вот ещё! – она фыркнула и, приложив ладонь к козырьку своей кепки, обошла скульптурную композицию со всех сторон. – Разве у меня такой курносый нос? А эти джинсы – фи, у меня нико-

гда таких старомодных не было!

– Он же тебя ни разу не видел, вот и перепутал...

– Кто – он?

– Ну... – я смешалась под её взглядом. – Слушай, пошутили, и хватит! Идём, нам с тобой ещё гостиницу найти надо!

– Разве мы не у твоего Васи остановимся? – удивилась она.

– Во-первых, он тебе не Вася, а Василий не знаю как его по отчеству, а во-вторых, зачем нам опять хорошего человека напрягать? А так – и волки сыты, и овцы целы!

– Мам, а мы с тобой волки или овцы? – хихикнула дочь. – Овечка Элли! Смешно, правда? Бе-е-е!

– Глупенькая! А я тогда, по-твоему, кто?

– Да, с тобой получается не очень... Ну, пусть тогда ты будешь волчица! А что, очень даже прелестно звучит! Волчица Изольда и её овечка Элли прибыли в город Арбузов! Добро пожаловать, гости дорогие, жители столичные! Заходите, не стесняйтесь! Чувствуйте себя как дома! Мама, ты чувствуешь себя как дома?

– Ох, и болтушка ты! – рассмеялась я.

Но я чувствовала, чувствовала! И смехом своим хотела поскорее скрыть замешательство, растерянность и острое ощущение счастья при взгляде на знакомые черты, не утраченные за время разлуки своего очарования. Я так боялась, что краски поблёкнут, пленительность свою растеряют, покажутся серыми, чужими! Не поблёкли, не потускнели...

– Мам, ты говорила, здесь речка есть. А купаться уже можно, как думаешь?

– Девочке, которая только что ангину перенесла? Ни в каком случае!

– Мам, смотри, какой автобус солнечный! Как будто его малыши разрисовали, да? Ой, кажется, так и есть. Разрисовали... И ни одной рекламы, вот чудно, да?

– Бежим, это наш номер!

Мне кажется, даже кондукторша меня вспомнила, а уж я-то её точно не забывала. Очень колоритная дама – дородная, ярко покрашенная, с изумрудным тюрбаном на голове, делающим свою обладательницу похожей на восточную царицу.

– Скажите, до гостиницы «Оазис» мы ведь доедем?

Я протянула тётушке мелочь, а Элли тем временем выбирала местечко, перескакивая с одного сиденья на другое, – автобус, как и прежде, был почти пустой.

– А зачем вам гостиница? – кондукторша, не спуская с меня оливковых глаз, быстро отсчитала сдачу и оторвала два билетика.

– По назначению, – улыбнулась я. – Остановиться там хотим с дочерью.

– Да что вы там не видали, в гостинице этой? Полотенца казённые или кровати скрипучие? Давайте я вас в другом месте устрою – сказка, а не жильё!

– В каком... месте? – растерялась я.

– А у меня, чего далеко ходить? Живу я одна, дома почти

не бываю, комнатки чистые. Да вы не бойтесь, меня ж все тут знают!

– А я и не боюсь. Просто неожиданно это как-то. Мы в гостиницу планировали, чтобы никого не стеснять...

– Да если вы даже захотите меня стеснить, всё равно не получится! – рассмеялась дама. – Ну, согласны?

– Соглашайся, мам! – я и не заметила, как Элли оказалась рядом. – Ну что мы в этих гостиницах не видали?

– А я что говорю! – поддакнула женщина.

– А у вас домашние животные есть? – не теряя времени даром, деловито поинтересовалась моя дочь. – Ну или тараканы на крайняк?

– Господь с тобой, дитя, какие тараканы! – замахала руками тётка. – Отродясь не было. А кот в количестве одна штука имеется, правда. Но он смирный, чужих не трогает!

– Кот? – Глаза Элли загорелись. – Мам, я согласна!

– А ты, наверное, ветеринаром мечтаешь стать, девочка? – улыбнулась кондукторша.

– Неа! Дрессировщицей тигров! Так что ваш кот мне как раз подойдёт!

– О, он у меня самый умный в Арбузове! – ничуть не испугалась женщина. – Ну что, мамочка, заселяемся?

– Ну... В принципе, посмотреть можно, и если квартира нам понравится...

– Ура-а-а!

Дом восточной царицы приглянулся мне с первого взгля-

да, но высказывать сразу свою радость я, конечно, не стала. Пока Элли бегала по двору, изучая местное население – кота в количестве одна штука и целый выводок котят, о которых женщина лукаво умолчала, – я разглядывала домик изнутри. Да, это оказался настоящий дом-особняк, не квартира. Пусть и не большой, зато весьма удобно устроенный. Три комнаты, в одной из которых обитала сама хозяйка, светлая кухня, в которой нашлось место и для современной техники в виде кофе-машины и мультиварки, и огромная ванная комната, мечта любой женщины.

– Обе комнаты в вашем распоряжении!

– Но это, наверное, нам не по карману будет...

– Ерунда, договоримся! Зато у каждой из вас будет свой уголок, где вы ещё такие условия найдёте? Уж не в гостинице, это точно!

– У меня будет своя комната? – ахнула всеслышащая Элли. – Отдельная, моя, прекрасная комната? О-о-о! О-о-о!

И как после таких слов я могла устоять?

– Ладно, уговорили!

Цену за аренду хозяйка назначила приемлемую, даже более чем, так что на сэкономленные деньги можно было побаловать себя чем-нибудь интересным.

– Элли, для начала – водные процедуры, а после предлагаю хорошенько пошататься по городу с посещением всяких значных мест!

– Кафешки и зоопарк?

– Не знаю, есть ли у нас зоопарк, но приличное заведение с потрясающей кухней я тебе гарантирую!

– Мам, ты сказала – у нас!

– А у кого же? Раз мы сейчас здесь, значит, всё вокруг – наше! Не так, скажешь?

– Неа, не скажу! Чур, в наш душ я первая!

Она с визгом и гиканьем понеслась в ванную. А я и не возражала...

Глава 4

Васе я звонить не стала, хотя очень хотела это сделать. А Матвею... Его телефона у меня не было, но во мне остались воспоминания о всех дорожках и тропинках, которыми мы с ним бродили и по которым сейчас я водила свою дочь. Светлана не обманула – город окунулся в сиреневый аромат, пропитался им, всюду плавали то бледно-розовые, то лиловые, то жгуче-фиолетовые облака цветов. Запах кружил голову, поднимал ввысь, и мы с Элли парили над городом и смеялись, смеялись... Словно навёрстывали за весь год!

– Ой, мам, а давай сюда заглянем? Смотри, какой дворик! Я не успела её остановить, взять за руку, увести...

– А-а-а, я его узнала! Ты рисовала здесь, да? Точно-точно! Вон окошко, и крыша, и даже бельё висит на том же месте! И котяра тот же самый, обалдеть!

Я опустила на лавочку, на *нашу* лавочку. Ноги меня не держали.

– Мам, ты порисовать хочешь?

– Нет, Элли, сегодня мы только любимся...

– Ты всегда так делаешь, я помню! Мам, а почему ты в этом году никуда не ездила? Как вернулась из Арбузова и больше никуда...

– Так ты же болела, Элли! Забыла? Три ангины и простуд не счесть...

– Ах, ну да! Мам, а можно мне туда подняться? На лестницу?

– На лестницу?

– Мне кажется, там живёт кто-то очень странный. Видишь, какие ступеньки узкие? Может быть, это домик для гномиков?

– Выдумщица ты моя! Знаешь что, давай оставим посещение волшебных человечков до следующего раза, а сейчас поищем какое-нибудь приличное кафе. Я жутко проголодалась...

– Хорошо! – подозрительно быстро согласилась Элли. – Я бы тоже сейчас слона съела!

– Вряд ли папаша Гройс нам предложит столь изысканное кушанье, но пара ломтиков куриного рулета у него, я думаю, найдётся!

– Куриного? А ты уверена, что точно не слоновьего? – прищурилась дочь.

– На все сто!

– Ну, раз выбора у нас нет... Тогда в путь! И пусть Полярная звезда освещает нам дорогу!

– Какая Полярная звезда, чудачка! Где ты видишь хоть одну звезду?

– У меня в сердце. И у тебя, мам. Ты просто не хочешь как следует взглянуть!

Это кафе мы облюбовали из-за прелестных беседок, утопающих в сиреневых облаках. Как мы с Матвеем обошли его

своим вниманием? Уж я бы точно завела его в столь уютное местечко. Хотя... – я озадаченно покрутила головой, – улицу эту помню, а кафе на ней – нет. Точно, не было его тут раньше, так что никак мы его посетить в прошлом году не могли. Тем лучше! Значит, ни одно из воспоминаний не потревожит меня во время еды!

– Нам, пожалуйста, два запечённых слона и бочку тархуна!

– Моя дочь шутит! – улыбнулась я официанту. – Хотя некоторая доля правды в её словах есть. Будьте добры, стакан тархуна для ребёнка, только не холодный, а к нему...

Ещё даже не фокусируя взгляд, я уже точно знала, кого увижу сейчас в соседней беседке! Перед тем, как усесться за столик, он чуть не упал, зацепившись ногой за кресло и, смущённо извиняясь за что-то перед официанткой, вдруг скосил взгляд в нашу сторону и замер...

– Вася... – прошептала я.

– Мам, ты чего? – Элли озадаченно обернулась. – Кого ты там увидела, пришельца?

– Пришельца, ага...

– Вот этот дядечка в клетчатой кепке? Скорей уж он на человека рассеянного похож, с улицы Бассейной. Только взгляд у него такой...

– Какой, доченька?

– Как будто он проснулся только что. Мам, это твой Вася, что ли?

– Что ли...

– А почему же ты сидишь? – она подскочила с места. –
Вася, Вася, идите к нам!! Это мы!! Мы вернулись!!

– Эльвира!!

– Заметь, ма, ни одного слова неправды!

– Боже, кого я воспитала! А если он совершенно не желает
нас видеть?

– И поэтому так сюда несётся? – хмыкнул ребёнок. – Зачёт
по физре я бы поставила ему не раздумывая...

При приближении Василия я поднялась. Пусть даже ноги
мои меня не держали, зачем кому-то об этом знать?

– Изольда, это вы!

– Здравствуйте, Василий...

– Мам, да что вы, как не родные! Привет, дядь Вась! Мама
столько о вас рассказывала!

– Правда?

Он беспомощно смотрел на мою девочку, а у меня сердце
заходило от непонятого мне чувства, названия которому
я дать сейчас не могла.

– Вась, ну что мы, в самом деле... Садись! Что тебе зака-
зать?

– Я сам, что ты, Ида...

– Познакомься, это моя дочь Элли.

– Я так и понял. Здравствуйте, Элли...

– Здравствуйте, Василий...

Голос моей дочери почему-то дрогнул, и вся она насто-

рожилась вдруг, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

– Что случилось, Элли?

– Мне показалось, что... Но нет. Всё хорошо, мамуль. Вася, обращайтесь ко мне на «ты», к чему лишние церемонии?

– Элли!

– Хорошо! – Вася развеселился. – Привет, Элли! Как поживаешь?

– Чудесно! Прекрасно! Великолепно! Ослепительно! – бойко затараторила она. – А вы, Василий?

– Да ну их, эти церемонии! Обращайся ко мне на «ты»!

– Легко!

Весь ужин они общались между собой так, как будто знали друг друга всю жизнь! Я и удивлялась, и радовалась этому, и веселилась вместе с ними, хотя в глубине своего существа всё ещё чувствовала что-то недосказанное, что-то не сделанное. Тянущую тоску... Я понимала, в чём дело. Одна встреча состоялась, но другая, к которой я стремилась всем сердцем, – есть ли надежда, что она тоже случится?

– Ида, я прошу вас, переезжайте ко мне. Ну что вы у чужих людей будете ютиться?

– К тебе? Нет-нет, что ты, Вася! – я только представила себе, что каждый день буду встречаться там с Ликой, и мне тут же стало не по себе. – Да нам удобно в нашем новом домике, правда, Элли?

– Вась, прикинь, у меня там целых семь котят!

Против такого аргумента Василий возразить не смог.

– Но если хочешь, мы можем завтра опять встретиться, правда, доченька? Днём я порисую, а вечером...

– А барышня чем будет заниматься весь день?

– Барышня будет бегать за мамой, как хвостик! – выпалила догадливая Элли. – Вася, ты можешь предложить мне другие варианты досуга?

– Элли! Твоё бестактное поведение меня убивает!

– Ида, я с удовольствием проведу завтрашний день с твоей дочерью! – воскликнул Вася. – Тем более, у меня выходной...

– А ты свой заказ, кстати, закончил? Помнишь, тот...

– Я разорвал договор... Ну так что, Элли, готова ли ты встретить завтрашнее утро в самом красивом месте нашего города?

– Где? – детские глаза вспыхнули огнём любопытства и неутолимой тягой к приключениям.

– А об этом ты узнаешь завтра! Слабо проснуться в шесть часов утра?

– Легко, Вась! Я могу и в пять, если надо! Надо?

– В пять не проснусь я, – улыбнулся он. – Тогда договорились, ровно в пятнадцать минут седьмого встречаемся... Где бы нам с тобой встретиться... А давай прямо здесь, вот у этой беседки!

– Давай! Что с собой брать?

– Просто оденься потеплее, с утра ещё довольно свежо.

– Вот и прекрасно! – бодрым голосом заявила я. – Я очень рада вашим планам, тем более, что они и мне на руку – я, наконец, смогу вволю порисовать! Ну а вечером, если останутся силы, можно будет поужинать тут же, в этом кафе! Договорились?

– Мамочка, а ты точно рада?

– А разве не похоже? – я все силы потратила на то, чтобы соорудить на своём лице самую счастливую улыбку из всех возможных.

– Очень, – кивнула она, не дрогнув. – Прямо Алиса из страны Чудес после поедания пирожка роста. Та же самая радость на лице!

– Ну вот видишь! Ладно, раз мы обо всём договорились, – быстренько засобиралась я, – значит можно расходиться по домам! Я так устала, как будто не меня сегодня поезд вёз, а наоборот...

– Да, вы же с дороги! – опомнился Василий. – Вот я дурак! Ну что, Элли, до завтра? Не забудь про одежду! Ида, убери кошелёк, я сам заплачу.

– Опять ты начинаешь, Вася...

– Так будет всегда!

И он, кажется впервые за вечер, посмотрел мне прямо в глаза – долгим глубоким взглядом. Странно, а глаза-то у Васи синие, как небо после дождя. Почему я раньше этого не замечала?

– До завтра, Вася! Смотри не опаздывай!

– Обижаеть, Элли! Доброй ночи, Ида...

– И тебе...

Наша хозяйка оказалась уже дома. Шумная, говорливая, она заполнила собой всё пространство небольшого дома, и мне сразу стало понятно, отчего с таким жаром нас зазывали на постой. Просто некому больше было выслушивать занимательные истории из жизни арбузовчан – и не только! – подсмотренных из окна автобуса номер тринадцать. Царице Тамаре удалось заговорить даже мою дочку, а это уж вовсе непосильное дело! Но нашлась и на нас сила...

Впрочем, Элли не жаловалась. С удовольствием она выслушала сказки Шахерезады на ночь и уснула прямо на месте, сидя за столом, чего никогда в жизни не делала. Непростой выдался денёк, насыщенный...

– Давайте помогу перенести, Изочка!

– Нет-нет, Тамара, я сама...

Я несла свою дочь в её прекрасную отдельную комнатку, вспоминая по пути сегодняшний день. Как странно, как непонятно всё! Ещё позавчера я и предположить не могла, что вновь пройду по улицам города, из которого сбежала сломя голову год назад. Какое невероятное расположение звёзд заставило Светлану совершить тот звонок, отозвавшийся в моей душе таким восторгом, такой страстной жаждой? За утолением этой жажды, вспыхнувшей с новой силой, я и примчалась сюда, и вот, в первый же день приезда, встречаю Василия... Ну не чудесное ли это совпадение?

О том, какая самая главная встреча меня влечёт, я старалась не думать. Ведь если она не состоится, если за все дни, проведённые в поисках, мне не удастся его найти, душа Снегурочки заледенеет вновь, теперь уже навсегда. И такого исхода для себя я страшилась. Поэтому – доброй ночи, Арбузов и арбузовчане, увидимся с вами завтра! А уж завтра...

Глава 5

...А завтра я долго и с удовольствием радовалась счастливым глазам Василия, который вместо одной девчужки увидел двоих.

– Ида!

– Ну что, где твой восход, Вася?

– Сначала нужно завязать вам глаза!

– Хочу, хочу завязать нам глаза! Чур, мне первой! – Элли доверчиво подскочила к Васе.

– Ида, что с тобой, тебе не нравится моя идея? Ну хочешь, ты так иди...

– Ну что ты, Вася! – я заставила себя улыбнуться. – Какой же это сюрприз – с открытыми глазами, а? Главное, я очень удачно их не накрasila сегодня. А то бы, как пить дать, всё размазалось.

– Тебе вообще не нужно краситься, Ида! Вот я, к примеру, не заметил, что ты без косметики...

– Потому что мужчины вообще редко такие вещи замечают, правда, мамочка?

– Ты-то откуда знаешь, горе моё?

– А мне Олежка рассказывал.

– Какой ещё Олежка? – удивилась я.

– Ох, мама! – она отмахнулась. – Вася, завязывай же скорей, а то солнце пропустим!

– Да-да!

Он быстро и ловко обвязал вокруг головы моей дочери какую-то ткань и повернулся ко мне.

– Я не думал, что ты с нами пойдёшь, Ида... Могу предложить только свой шарф, если не возражаешь...

– Не возражаю, Вася.

Его пальцы дрожали, а сердце билось в три раза быстрее, чем обычно.

– Не туго, Ида?

– В самый раз. Надеюсь, ты нас не на руках понесёшь?

– Почему на руках?

– Не обращай внимания, Вась, это я пошутила. Неудачно.

Ну что, в путь?

– Мам, а у тебя тоже снежинки в глазах летают? Или только у меня?

Не могу сказать, сколько мы шли. Я немного волновалась, поэтому через шаг вопрошала у дочери, не тяжело ли ей, не давит ли повязка, на что сначала слышала весёлые ответы, а потом только – угу да угу...

– Мам, я и не знала, что ты у меня такая болтушка! – наконец не выдержала она.

– Элли, разве так можно родной матери говорить?

– Вот мы и пришли! – весело прервал нашу перепалку Вася и остановился. Остановились и мы, каждая из которых держала в своей руке крепкую мужскую ладонь.

– Можно снимать повязку? – голос Элли звенел от пред-

вкушения.

– Ещё минутку... – он сжал наши пальцы, или только мои? – Всё, теперь можно!

Вскрикнули с дочерью мы одновременно. И одновременно вцепились в руку нашего спутника, я – в левую, Элка в правую.

Мы парили над рекой. Нет, конечно, не буквально, но всё же как назвать это положение, когда под ногами был только прозрачный пол, за нашими спинами – стеклянные перила моста, а впереди, внизу и везде, куда дотягивался глаз, блестя и переливалась глубокая вода Арбузовки?

– Это что такое, что?! – кричала Элли, задыхаясь от счастья.

– Ох, Вася... – шептала я.

А над рекой, разбрызгивая во все стороны слепящие лучи, зарождалось солнце. Жизнь зарождалась. Она касалась всего вокруг – и этой глади речной, и полукружья мостов, виднеющихся вдали, и нас, застывших в немом изумлении – и пробуждала, и радость дарила, и восторг...

– Мне даже говорить не хочется, мам...

– Ты меня проняла!

Впрочем, надолго моего ребёнка не хватило.

– Вася, а как это устроено? Это что, хрусталь? Хрустальный пол – умереть не встать!

– Не хрусталь, конечно, хотя твоя версия мне понравилась. Это стекло особого вида, очень прочное. Такого моста

нет больше нигде, только у нас в Арбузове. У нас вообще много чудес по городу разбросано, правда, Ида?

– Вась, а кто этот мост проектировал, знаешь? – я даже дышать перестала от волнения.

– Проектировал? – он задумчиво смотрел на меня. – Тебе это так важно знать?

– А тебе разве не интересно, кто придумал такое чудо?

– Я думаю, что тут не один человек работал, а целая команда... – он помолчал, а потом сжалился надо мной. – Ида, если нужно, я найду его имя. Ты ведь об этом хотела меня попросить?

– Ты всё понимаешь, Вася...

– Да, Ида. Я всё понимаю, – с тихой горечью отозвался он.

– Васенька, а другие ваши мосты тоже необычные? Мам, а помнишь, ты мне рассказывала о лестнице... Ну, Вась, давай ещё чуточку постоим, а?

– Идём, Элли, твоя мама замёрзла...

– Мам, возьми мою кофту, а я Васиным шарфом накроюсь, хорошо? Ну пожалуйста, взрослые, ну что вам, жалко?

– Ладно, только недолго. Ты забыла, что совсем недавно переболела? А тут ветер холодный... Вася, не нужно, зачем?

Но он уже накинул снятую куртку на плечи ребёнка и улыбнулся мягко. Ох, Вася, Вася, добрая ты душа!

Я встала рядом с ним и вгляделась в сияющую даль. Солнце поднялось ещё выше, тени стали резче и явственнее, и мосты, анфиладой высаящиеся над рекой, из акварельно-раз-

мытых в чёткую графику обозначились.

Как же мне найти тебя, мастер мостов...

Глава 6

А вечером, как и уговаривались, мы вновь очутились в том же самом кафе, решив не искать больше ничего другого.

– А давайте теперь каждый вечер сюда приходить! – Элли смачно откусила кусок пирога. – Бде тут по бубе!

– Что? – рассмеялись мы с Васей.

– Мне тут по душе! – прожевав, подхватила она наше веселье. – А вам?

– И нам, – согласились мы в один голос.

И посмотрели друг на друга. От Васиного бывшего уныния не осталось и следа. Он, кажется, счастлив был в нашей компании и своим настроением заражал и меня. Что уж говорить о ребёнке, который готов веселиться без усталости днями напролёт!

– Вася, а что ты нам завтра покажешь?

– Элли, это уже чересчур! У человека наверняка свои планы...

– Есть у меня одна идейка... – Вася задумчиво смотрел на Элли.

– Ура! Мам, а ты зато сможешь пойти на свой пленэр, правда, Вася? Мы не будем возражать!

– Не будем, – неуверенно поддакнул он.

Я улыбнулась.

– Ладно, завтра разберёмся!

Он довёл нас прямо до дома, как мы ни отнекивались от провожания. Но я уже поняла, что в некоторых вопросах Василий бывает очень упрям.

– Мам, я побегу котят своих проверю, как они без меня день провели?

– И как они до встречи с тобой жили, непонятно...

– Страдали, бедняжки, – хихикнула она. – До завтра, Вася!

Она поцеловала смутившегося Василия в щёку, сама смутилась ещё больше и помчалась во двор, с грохотом захлопнув за собой калитку.

– Ну что ж... – пробормотала я. – И я пойду. Спасибо тебе, Вася, день получился необыкновенный!

– Я рад, что ты вернулась, Ида.

– Ты знаешь, я ведь впервые в одно и то же место дважды приезжаю, раньше такого не случалось.

– Значит, что-то тебя тянуло сюда? – он спросил это без тени улыбки на лице.

– Тянуло, – я вскинула на него глаза. – Тянуло, Вася. Но я не могу сейчас...

Я схватила его за руку так внезапно, что он даже отшатнулся. Господи, что за человек бредёт по дорожке там, вдали? Откуда он вдруг взялся? И почему так похож на...

– Матв...

Слова застряли у меня в горле, когда незнакомец обернулся и мазнул по нашим фигурам рассеянным взглядом. Не он,

не он!

– Ида, что случилось? На тебе лица нет.

– Ничего, Вася. Мне показалось. Ничего...

– Ида, посмотри на меня! – он положил руку на моё плечо и долго всматривался мне в глаза. О чём думал он в этот момент? Я не знаю. – Ида, я найду его, слышишь? Я обещаю. А теперь иди домой, Элли там одна...

– Не одна, а ещё семеро под лавкой...

– Тем более! – он улыбнулся. – До завтра, Ида! И... ничего не бойся...

– Я постараюсь! До завтра, Вася!

Я пожалала ему руку, но поцеловать, как Элли, не решилась. Калитка хлопнула мягко и почти неслышно. Задерживаться у неё я не стала, прямиком направившись по плиточной дорожке к дому...

Глава 7

Весь следующий день я провела во дворе, где неслышными шагами бродили гномики. Они стояли у меня за спиной, сопя сосредоточенно и важно, они шептались в ветках клёна, они раскачивались на бельевых верёвках. Волшебные человечки не мешали мне – рисовать, вспоминать, надеяться.

Он не пришёл.

– Мам, ты знаешь, оказывается в нашем Арбузове есть зоопарк! Маленький, не такой, как в Москве, конечно, но мне он понравился больше!

– Чем же, Элли?

Я с улыбкой переводила взгляд то на свою девочку, то на Васю, сидящего напротив за столом. Они прибежали весёлые, энергичные, даже будто похожие чем-то – то ли солнцем, запутавшимся в их кучерявых волосах, то ли этой яркой радостью...

– Понимаешь, его жители чувствуют себя там, как дома. Как *у себя* дома, понимаешь? Хотя всё равно это неправильно!

– Что неправильно?

– Что у них нет выбора, где жить. Вот как у людей!

– А у нас такой выбор есть, солнышко?

– Конечно! – уверенно воскликнула она. – Мы же люди!

Мы же знаем, чего мы хотим! Вот ты, Вася, знаешь, что ты хочешь жить в Арбузове, и живёшь, правда? А если захочешь жить в Москве или в Африке, к примеру, то поедешь и будешь там жить, потому что ты так захотел!

– Не, в Африке, пожалуй, я жить не захочу...

– А я ещё не знаю, – задумчиво произнесла она. – Там, конечно, тигры и львы всякие, но зато есть людоеды. А я не хочу, чтобы меня ели на завтрак!

– А на обед? – улыбнулись мы.

– Вот вам смешно, а нам Агнесса Аркадьевна рассказывает, что африканцы лопают человеческие сердца, чтобы победить в бою!

– Агнесса Аркадьевна – это их учитель по географии, – пояснила я Васе. – Хорошая женщина...

– Мам, а как ты провела день?

– С гномиками общалась!

– Мама! Без меня?!

– Не переживай, солнышко, повеселиться со мной у них всё равно не получилось. Ты же знаешь, когда я рисую, то никого вокруг не замечаю. Так что у тебя будет шанс изменить их мнение о чужестранках...

– Вы говорите о тех гномиках, которые в усадьбе Назаровых живут?

– Нет, Вася, с теми мы ещё не познакомились... Подожди, ты что, ещё каких-то гномов знаешь? – ахнула Элли. – Усадьбных?

– Усадебных, – кивнул он с самым серьёзным видом. – Их там много!

– Вася!!

– Завтра! – коротко сказал он. – Хотя... я совсем забыл, Элли, они же только ночью оживают!

– А днём?

– А днём притворяются, что искусственные. Сама понимаешь, кому охота, чтобы к нему каждую минуту приставали с глупыми вопросами? В усадьбе-то ого-го сколько любопытных бродит!

– Я не буду задавать им глупые вопросы, честное слово! – она умоляюще посмотрела сначала на меня, потом на Васю. – Ни ночью, ни днём! Ну, что вы молчите?

– Ида, как думаешь, можно верить этим словам?

– Я думаю, можно. Хоть мой ребёнок и фантазёр, но не обманщик! Вот только...

– Что, мамочка?

– Ночью я вас двоих не отпущу!

– Но почему??

– Потому что... потому что... я тоже хочу познакомиться с маленькими жителями усадьбы! И вообще, я забыла, мне велено передать им привет, а как же я это сделаю, если всю ночь продрыхну дома?

– Значит, сегодня ночью...

– Не сегодня, доченька. Завтра! Нам ведь нужно заранее подготовиться...

– Мама права, Элли! Ведь сначала надо колокольчики приобрести!

– Какие колокольчики? – Элли даже рот раскрыла от удивления.

При кажущейся взрослости моя одиннадцатилетняя дочь по-прежнему удивляет меня верой в чудо, не совсем обычной для такого возраста. А может быть, я забыла, как это бывает? Но нет, в деда Мороза я перестала верить ещё в детском саду, но вовсе не потому, что однажды застала папу одноплемянника, одетого в красный костюм, жующим колбасу на детсадовской кухне, – без шапки и со спущенной бородой на грудь. Просто меня всегда было очень трудно обмануть.

– Как – какие? – удивился Вася. – Разве ты не знаешь, что без колокольчиков в гости к гномам ходить никак нельзя?

– Вася, ты шутишь? Мам!

– Вообще-то я тоже слышала об этой традиции... – я посмотрела на Васю. – Ты ведь имеешь в виду отпугиватель злых духов?

– Конечно! – не моргнув глазом, подтвердил он. – А иначе как им выжить в нашем мире? Вот откуда бы ты, Элли, брала колокольчик, будь на месте гнома? Не в магазине же покупала, правда?

– Кто же их туда пустит, в магазин!

– Вот и я говорю! Поэтому гномы завели правило: все, кто ищет с ними встречи, должны переступать порог их дома с колокольчиком в руке! А лучше даже с двумя, по одному в

каждой руке, они возражать не станут!

– Мам, и ты ещё говорила, зачем мне в дороге моя копилка? Вот зачем – чтобы купить целую кучу хорошеньких звонких колокольчиков! Вася, где у нас в Арбузове их продают?

– Я тебе завтра покажу! – пообещал Василий, смотря в этот момент почему-то на меня. – А сейчас, Элли, нужно хорошенько выспаться, чтобы продержаться следующую ночь!

– Я понимаю, Вася!

Она поцеловала его на прощание, пожелав доброй ночи, и уже не было никакого смущения у неё на лице, как будто этот ритуал повторялся из года в год, и убежала во двор, оставив нас с Васей вдвоём.

– Ты знаешь, иногда мне кажется, не слишком ли я потворствую Элли в её фантазиях? Может быть, это задерживает её развитие?

– Она ещё успеет повзрослеть, не переживай об этом, Ида! А беззаветная вера в чудо дарит человеку воображение и душевную глубину. А какие поэты получают из мечтателей! Или художники... Ида, кому, как не тебе, этого не знать?!

– Я – плохой пример, Вася, – улыбнулась я. – О том, что дед Мороз не существует, я поняла ещё в далёком детстве!

– А разве ты это поняла? – он склонил голову набок, внимательно меня разглядывая. – Ида, зачем ты всё время себя обманываешь?

– Я?!

– Тебе кажется, что ты хладнокровный, лишённый эмоций человек, но я ведь видел твои иллюстрации! Такие рисунки не может создать девушка без воображения и без веры в возможное невозможное! Помнишь, как у Блока: «и невозможное возможно, дорога долгая легка...»

– Вася, ты видел мои работы??

– Ну, видел, а что такого? Я вообще... интересуюсь искусством! – его взгляд посветлел. – Что ты на меня так смотришь, Ида? Разве ты ещё не поняла...

– Не надо, Вася...

– Не надо... Да, конечно, что это я... – он помолчал. – Ида, я нашёл адрес.

– Нашёл?! – ахнула я. – Адрес Матвея?

– Я не знаю, о ком ты говоришь, – резко произнёс он, – но адрес архитектурного бюро, которое разрабатывало проект нашего моста, мне известен.

– Они находятся здесь, в Арбузове? Вася, ну что же ты молчишь??

– Вот!

Он протянул мне сложенный лист бумаги, вытасченный из нагрудного кармана. Он был ещё тёплый... Я лихорадочно развернула листок.

– Улица Весенняя, дом пять. Архитектурно-строительная компания «Мечты сбываются». Вася, где эта улица?

– Ты хочешь прямо сейчас туда бежать? Боюсь, что это не самая удачная идея!

– Да, конечно, рабочий день ведь давно закончился, – опомнилась я. – Но может быть там есть какой-нибудь сто-рож... Вася, прошу тебя, не смотри на меня с таким... с та-ким осуждением!

– Плохой из тебя физиономист, Ида! – мрачно прогово-рил он. – Иди-ка ты спать, всё равно сейчас сделать уже ни-чего нельзя. За ночь эта контора не исчезнет, я тебе обещаю. А завтра утром, пока Элли будет досматривать сны, ты сбе-гаешь туда и всё узнаешь. Тем более, что улица Весенняя на-ходится всего в нескольких остановках отсюда.

– Вася, спасибо тебе! – я порывисто обняла его и поцело-вала в щёку. – Ты самый лучший друг! А завтра... но нет, не буду сейчас думать об этом. До завтра, Вася! Доброй ночи тебе!

– Доброй ночи, Ида... – эхом отозвался он.

Глава 8

Хорошо, что Тамара сегодня оказалась выходная! Иначе на кого бы я оставила Элку?

– Конечно, конечно, Изочка, пригляжу за вашей дочуркой, не беспокойтесь! А пока она спит, приготовлю-ка я пирог с вишней! Как Элли относится к выпечке?

– Смотрите, поосторожнее...

– А что такое? Неужели аллергия? – огорчилась хозяйка.

– Она может слопать весь и сразу, если вовремя её не остановить!

– А! Так в этом мы с ней ещё посоревнуемся! Ну, идите, не задерживайтесь, а я пока тесто поставлю.

Дождаться автобуса я не стала. Несколько остановок для человека, который ног под собой не чует от страшного волнения, – ерунда, пустяк! А я волновалась, да ещё как! Всю ночь проворочалась, глаз не сомкнула, всё представляла, какими глазами он на меня посмотрит, что скажет, удивится ли? Почему я так уверена была, что стеклянный мост Арбузова – его рук дело? Это даже не уверенность была, а внутреннее знание, вот только Вася начал рассказывать об умельцах, создавших чудный мост, и я сразу же всё поняла. Почувствовала. Вспомнила. Бедный Вася... Но у него есть Лика, о чём я переживаю?

Дом, в котором размещалось архитектурное бюро, оказал-

ся именно таким, каким я его и представляла. Старинный особняк девятнадцатого века с колоннами у входа, круглой лужайкой перед крыльцом и чудесной витой решёткой во-круг. Калитка была закрыта на замок, но разве меня могло это сейчас остановить? Я решительно нажала кнопку звонка.

– Вы к кому?

– Мне нужно воплотить мечту!

– Не понял...

– Архитектурно-строительная компания «Мечты сбываются»!

– А-а-а! – лязгнул металлом голос по ту сторону домофона. – Вы записаны?

– Нет!

– Сожалею, но без записи мы пустить вас не можем. Телефон, по которому вы сможете записаться, есть на сайте или...

– Это невозможно! Понимаете, я из Москвы, я приехала всего на несколько дней и ждать никак нельзя!

– Из Москвы-ы-ы... – протянул голос задумчиво. – А по какому делу вы хотите пройти?

– По очень важному и очень... личному. Я скажу об этом только руководству компании и никому другому!

Из металлической коробочки послышался треск, визг, как будто автомобиль занесло на повороте. Я терпеливо ждала.

– Ладно, проходите! Но помните – мы будем бдительны!

Раздался щелчок. Я потянула за кругляшок ручки – ка-

литка открылась беззвучно и легко, а закрылась за моей спиной в ту же секунду, как я переступила порог.

Дверь в здание оказалась тяжёлой и тугой, но и она была преодолена.

– Здравствуйте!

На проходной восседал мальчишка лет девятнадцати, безусый, краснощёкий, с прелестными девичьими глазами и суровой полуулыбкой на лице. Он старался быть серьёзным изо всех сил.

– Паспорт, пожалуйста!

– Пожалуйста, – я протянула книжицу.

– Действительно из Москвы... – он внимательно изучил адрес прописки, несколько раз перебежал глазами с фотографии на моё лицо и, наконец, вздохнул. – Пропуск на Бахметьеву Изольду Игоревну действителен до пятнадцати ноль-ноль. Не задерживайтесь, иначе могут возникнуть сложности с вашим выходом!

– Оставьте тут навсегда? – улыбнулась я.

– Посмотрим! – брови юноши дёрнулись, но официальная улыбка на лице шире не стала. – Проходите. Третий этаж, направо, кабинет номер триста десятый.

– Благодарю! А паспорт вы мне отдадите?

– Ой, – он покраснел в момент и быстро протянул мне документ. – Извините!

– Ничего страшного! Ещё увидимся, молодой человек!

– Вряд ли – моя смена заканчивается через пятнадцать

минут! – звонко воскликнул он и выпрямился.

– Жаль, – рассмеялась я и, больше не задерживаясь, побежала к лестнице, чувствуя на своей спине внимательный взгляд охранника. Мы будем бдительны...

Длинный коридор третьего этажа казался мне бесконечным. Я бежала, водя глазами направо-налево, повторяя вслух номера кабинетов, а нужный всё никак не попадался. И конечно, он оказался в самом конце, перед огромным, во всю ширь стены, окном, выходящим на улицу Весеннюю.

Остановившись перед дверью с номером триста десять, заключённым в изящную окантовку, я перевела дыхание. Ида, сейчас может решиться твоя судьба, соберись!

Звук, который извлёк мой кулачок из деревянной двери, показался мне оглушающим. Но, видимо, только мне – с той стороны отвечать не спешили, будто не слышали. А есть ли там вообще кто-нибудь? Долго раздумывать я не стала – резко толкнула дверь от себя и ввалилась внутрь.

Ну конечно, могла бы догадаться сразу! Находящиеся в светлом помещении люди были в наушниках, все, как один! Но на моё внезапное появление они отреагировали моментально.

– Здравствуйте! Добро пожаловать! Проходите, пожалуйста! –

Друг за другом наушники повылетали из ушей, а рты растянулись в сияющие улыбки.

А я уже и прошла...

– Здравствуйте!

В самом центре кабинета, по кругу, стояли столы с компьютерами, за которыми восседали пятеро юношей и две девушки, все юные и удивительно красивые. Их по внешним данным сюда отбирают, что ли? Или по возрасту? Восьмое место пустовало – то ли хозяин его вышел, то ли заболел...

– Присаживайтесь, пожалуйста! – один из парней вскочил и быстро подкатил свободное кресло ко мне. – Чай, кофе?

– Потанцуем! – от накала бушевавших во мне чувств я начала нести чепуху.

– Тогда это к Вадику, он у нас танцор международного класса! – взмах руки дал мне понять, где сидит этот Вадик.

Все заулыбались, и сам Вадик радостнее всех.

– Вы хотите заказать проект? – бодро спросил он. – Квартира, дом, офис, ландшафтный дизайн?

– А что, ландшафтом вы тоже занимаетесь? – я тянула время, давая себе возможность чуточку успокоиться.

– Конечно! – откликнулась девица в стильных очках и с ультракороткой стрижкой на голове. – Вам для загородного дома нужно? В Золотом Бору?

– Нет-нет!

Я уже знала, что Золотой Бор – местная «Рублёвка», где проживают состоятельные люди или просто везунчики.

– Тогда квартира? Или деловой офис?

– Мост!

– Мост?? – они переглянулись.

– Стекланный мост, если точнее.

– Ах, мост! Тогда это к Павлу. Паш, к тебе...

Паша, единственный, кто так и не оторвался от своего компьютера во время разговора, широкоплечий парень с могучей шеей, повернул голову ко мне.

– А?

– Вы специалист по мостам, Павел?

– И по мостам тоже. А вам что, нужно выстроить мост?

– Да, между двумя людьми!

– Как??

Все опять повернулись ко мне, уже совсем по-другому меня рассматривая.

– Я сейчас объясню! – заторопилась я, пока меня не сочли сумасшедшей. – Ребята, мне нужен человек, который участвовал в проекте вашего, арбузовского, стекланныго моста! Я не знаю, руководитель он или инженер, а может быть и обычный исполнитель, но мне необходимо его найти!

– Вам нужен конкретный человек?

– Ну да! – кивнула я быстро. – Я знаю только его имя и... и то, что он специалист по мостам!

– И как же его зовут?

– Матвей.

– Матве-е-ей?

Они опять переглянулись.

– Нет, у нас такой не работает, – ответил за всех танцор Вадим. – Точно! Хотя мост проектировала наша контора,

но... Вы, наверное, напутали что-то.

– Нет, я уверена в этом! Ребята, умоляю вас, помогите мне!

– Может быть, он один из строителей? – предположила девушка в очках. – Мы со строителями дела не имеем, понимаете? С прорабами ещё куда ни шло... Но даже среди прорабов ни одного человека с таким именем нет, это я вам точно говорю!

– Что же мне теперь делать...

Наверное, моё лицо изменилось так явно, что они засуетились.

– А давайте, мы вам кофе сварим, а сами подумаем, хорошо? – вторая девушка, красотка в юбке до пят, похожая на индианку, вскочила. – Ребята, ну что вы сидите, звоните, узнавайте где-нибудь! Паш, у тебя же дядька в той бригаде работал, помнишь?

– Точно!

– А материалы мы у Олега Петровича заказывали! Вдруг и он что-то знает? Шевелитесь, шевелитесь, вы же видите – вопрос серьёзный!

Пока варился кофе, распространяя по всему офису дивный аромат, вокруг разворачивалась активная деятельность – кто-то куда-то звонил, кто-то выбегал, громко хлопая дверью, потом возвращался и опять убегал куда-то. Я сидела, удивляясь и радуясь такому человеческому отношению к постороннему, в сущности, человеку. К тому же москвич-

ке – хотя о моём месте жительства они, кажется, не знали, это ведь известно только тому строгому юнцу в форменной одежде!

Уже была выпита третья чашка густого напитка, а обнадеживающих сведений никак не поступало. Состояние моё менялось со скоростью проглоченного кофе. Мне казалось, что не ароматной жидкостью я наполняюсь, а чем-то чёрным, страшным, источающим тьму и безнадёжность.

Ребята приуныли, затихли. Кажется, сделано было всё, что могло быть сделано...

– Может быть, у Оли спросить, – встрепенулась было Рузанна, обладательница длинной юбки, но потом сникла. – Нет, её ведь в тот год на стажировку отправляли...

– Изольда, вы не расстраивайтесь, мы ещё что-нибудь придумаем, правда, ребята?

– Конечно! Не переживайте, Изольда! Вы нам свой телефон оставьте, и мы вам сразу же сообщим, если появятся новости!

– Спасибо вам!

– Да пока не за что! Не расстраивайтесь, найдётся ваш Матвей – если он наш, арбузовский, то точно найдётся! Может, вам ещё кофе сварить?

– Нет, ребята, свою норму я на сегодня выпила, спасибо! – я поднялась.

– Мы вам позвоним, обязательно! – донеслось мне вслед, пока я медленно брела по коридору. – Всё будет хорошо!

Глава 9

Я шла по улице, глотая слёзы. Тоска съедала меня, отчаяние вгрызалось в сердце, и ничто, ничто не могло успокоить! Даже яркое небо над головой и проплывающие мимо сиреневые облачка не радовали душу.

Что мне теперь делать, что делать??

– Прежде всего – не унывать! – подсказало что-то внутри меня. – Ты ещё только начала поиски и сразу результата хочешь? Думаешь, только поманила, и он тут как тут окажется, как Сивка-Бурка? А платить кто будет – за малодушие, за трусость, за предательство своих чувств?

– Разве мало я мучилась этот год? – возразила я своему внутреннему голосу.

– Значит, мало. Недостаточно. Потерпи, Ида, найдётся Матвей, не может не найтись! Вспомни, что он тебе написал перед исчезновением – он будет ждать. Он дождётся, слышишь? Сколько бы времени у тебя ни ушло на поиски. Дождётся!

К дому я подходила уже бодрее, а в калитку и вовсе зашла с лёгкой улыбкой на устах. И кого же я первым увидела, лишь обратила свой взор во двор?

– Вася? А ты что здесь делаешь?

– Параплан, – невозмутимо ответил Василий, поднимаясь с корточек и отряхиваясь. – Привет, Ида!

– Какой ещё пароплан? – обомлела я.

– Для гномов. Мы с Элли решили, что ночные хозяева усадьбы никогда не летали на пароплане, а ты можешь представить, насколько это для них обидно?

– Могу... – я стойко выдержала пристальный взгляд Василия и повернулась к Элли. – Солнышко, не верю своим глазам! Ты в платье? Что случилось? Мир сошёл с ума или только я?

– Мам, а ты как думаешь, в гости разве в простых джинсах приличные люди ходят? – она подняла на меня глаза, но вставать с коленок не спешила. – Ну, поняла?

– Я поняла, что до вечера платье не продержится... Ну зачем надо было его с утра надевать, если в гости мы собрались только ночью?

– А привыкнуть?? Я же его в первый раз надела!

– Ты не только *его* в первый раз надела...

– Мам, у тебя плохие новости?

– Что ты имеешь в виду? – я посмотрела на Васю. Он покачал головой.

– Обычно, когда у людей что-то случается, они начинают ворчать и ругать других людей!

– Какая тонкая наблюдательность! – я отвела от Василия взгляд. – А где наша хозяйка? Она дома?

– На кухне! Но туда сейчас лучше не входить, ма.

– Почему?

– Ураган и тайфун!

– Кухню снесло ураганом?

– Нас снесло, мам, когда мы попробовали туда войти! Даже присутствие Васи не помогло!

– Мне кажется, наоборот – я послужил красной тряпкой! – они с Элли весело переглянулись.

– Загадками говорите, дорогие мои!

– А ведь я всего-навсего предложил свою помощь! Ты ведь помнишь, что готовить я люблю...

– Помню...

– А тётя Тамара как выскочит, как выпрыгнет! Мы с Васей и дали дёру, да, Вась?

– И я её понимаю – кому понравится присутствие посторонних в такой ответственный момент? – Вася усмехнулся.

– Значит, вы у меня голодные??

– Да, мамуль, мы у тебя голодные! Что будем с этим делать? Может в нашу кафешку рванём, не дожидаясь вечера?

– Какую ещё кафешку? – загрохотало с веранды. – А пирог с вишней для кого соком изошёлся? А? Ну-ка, ноги в руки и марш в столовую!

Шамаханская царица во всей своей красе появилась на пороге – в прекрасном расписном халате, с неизменным тюрбаном на голове и босая. Мы встали по стойке смирно, даже Элли подскочила. Ну да, попробуй такую послушаться!

– Уже испёкся, тётя Тамара? – робко спросила Элли.

– Дело мастера боится! Ну, кто первый в очередь за наслаждением?

– Я! – пискнула моя дочь и юркнула в дом.

– Кажется, я на вас пошумела немного, – сбавила тон женщина, обратившись к Васе. – Вы уж простите, голубчик, я не со зла!

– Ну что вы, я даже внимания не обратил! – Вася был само смирение и угодливость.

– Вот и славно! Изольда, а почему у вас глаза красные? Плохие новости?

Сговорились они всё, что ли?!

– Аллергия, Тамара. На... на пух!

– А, тогда ладно! Ну, милости просим к столу!

Она зашла обратно в дом, а мы с Васей потопали следом...

– Ида, какой пух в начале мая, а? – прошептал он, пропуская меня вперёд к раковине.

– Вась! – я обернулась к нему. – Ну хоть ты не начинай!

– Что, всё плохо?

– Всё будет хорошо! Мне пообещали, и я верю! Дай мне полотенце, вон там висит...

Глава 10

Кухня, она же столовая, сегодня была украшена целой охапкой нежно-сиреневых цветов. Сорванные, видимо, ещё утром, они пропитали всё помещение терпким ароматом и в смешении с ванилью и вишней создавали странное, но весьма притягательное сочетание. Букеты сирени располагались в трёхлитровых банках, на подоконнике, и я в который уже раз за эти дни пообещала себе написать натюрморт. Завтра, я сделаю это завтра!

– Мамуля, передай мне, пожалуйста, ещё кусочек! Можно, тётя Тамарочка?

– Нужно! Особенно таким заморышам, как ты, детка! – она окинула жалостливым взглядом мою далеко не худенькую дочь. – Вы в своей Москве совсем с ума посходили с диетами всякими! Мяса не едите, тесто для вас вред, сахар вообще смерть! А чем питаться тогда? Травкой из супермаркета? Так там сплошная химия, едали, знаем!

– Я мясо люблю! – Элли помотала головой и нацелилась на пирог. – И сладкое тоже!

Полкуска, не меньше, угодило сразу в её рот, и громкое счастливое чавканье разнеслось по всему дому.

– Вот и умница! – Тамара довольно откинулась на спинку стула. – А вы почему не торопитесь, родители? Остывает же, а холодный пирог – совсем не то, что горячий, правду вам

говорю!

– Эммм... – поперхнулась я. – Вообще-то мы не... то есть я-то да, а Вася...

– Тётя Тамара, вы решили, что Вася – мой папа? – радостно взвизгнула Элли и даже в ладоши хлопнула, настолько поразило её сделанное заключение.

– А разве нет? – царица обернулась почему-то к Васе.

Он чуть чашку на себя не опрокинул.

– Да нет же! Мой биологический папа живёт в Москве!

– Биологический, слово-то какое! – фыркнула Тамара. – Главное, деточка, не кто родил, а кто воспитал! А Василий, как я вижу, любому биологическому папаше фору даст! Так я говорю, мамочка?

– Ну... – в замешательстве протянула я.

– Конечно, так! – подхватила Элли хитро. – Вот и я маме говорю, какая разница, что Вася мне не родной по крови, если он лучше всех пап на свете?

– Эльвира!

– Мама всегда меня так называет, когда нервничает, тётя Тамара!

Ну, Элка, ну задам я тебе, когда наедине останемся!

– Пирог ваш – просто объедение! – опомнился Василий и потянулся ещё за одним куском. – Вы настоящая волшебница, Тамара! Идочка, дорогая, а ты почему не ешь? Остывает же!

И ты, Брут! Я с негодованием уставилась в его довольное

лицо.

– Не переживай, твоей фигуре это нисколько не повредит, я тебя даже пышку буду любить по-прежнему!

– Да, мамочка, не переживай! Мы с Васей тебя не бросим, даже если ты в слона превратишься! – Элли обратила на меня свои невинные глаза. И ни тени улыбки на лице, вот зараза!

– Ах, какие вы у меня милые! – скрипнула я зубами и схватила с блюда огромный кусок.

В слона, значит? Ну, смотрите! Назло вам из-за стола не выйду, пока весь пирог не съем!..

Из-за стола меня выносили на руках... Ну, не совсем на руках, конечно, но кое-кому попотеть пришлось изрядно!

– Ида, тебе плохо? – в глазах Василия плавала тревога.

– Нет, хорошо! А будет ещё лучше, когда я до дивана доберусь!

– А кто заставлял тебя столько есть?! Мы же пошутили!

Тамара припевала уже во дворе и слышать нас не могла. Элли суетилась с ней рядом – они поливали грядки. Представляю, во что превратится новое платье...

– Ну и шуточки у вас! Как мне теперь с Тамарой себя вести, вот скажи? И Элли тоже хороша, предательница! Никаких гномиков сегодня, поняли?

– Так нельзя с ребёнком, Ида!

– А со мной – можно? Уйди, Вася, видеть тебя не хочу! И так день с утра ни к чёрту, а тут ещё вы со своими шутками!

– Ида, прости меня, только не плачь, пожалуйста! Я ведь думал, тебе тоже весело...

– Уйди, Вася, прошу тебя, пока я ещё что-нибудь не ляпнула! Не попадайся под руку!

– Я только пледом тебя накрою...

У него стало такое несчастное лицо, что я залилась слезами пуще прежнего, но только теперь – от совершенно иных чувств.

– Вася! – я уткнулась ему в плечо. – Вася, ну что мне теперь делать, Васенька?

– Ида, Идочка... – он гладил мою голову дрожащими руками. – Я найду его, слышишь? Весь Арбузов на ноги поставлю, но найду!

– Найди, Вася, найди, я жить без него не могу!

– Успокойся, родная, я всё понимаю и обещаю тебе... Только не плачь...

Когда мы вышли во двор, мои глаза были сухи, а в душе расцветала надежда.

– Боже мой, Элли, что у тебя с платьем?!

– Мамочка, а ну его, в самом деле! Приличные хозяева и человека в джинсах из дома не выгонят, правда же?

– Если и выгонят, значит придётся уйти всем троим, – рассмеялся Вася. – Я вроде бы тоже не при костюме, да и наша мама...

– Ну вот! – довольная мордашка дочери осветилась. – Ой,

нам же ещё за колокольчиками бежать! Мама, где моя копилка?

Глава 11

Об усадьбе Назаровых я слышала ещё от Светланы, но, занятая в прошлый приезд совсем другими заботами, так в неё и не попала. А жаль, представляю, какая аура тут днём, если даже в темноте млеет от удовольствия душа! Ничего, ещё будет время вернуться...

– Прямо перед нами – главное здание усадьбы, хозяйский дом, в котором жило семейство Назаровых вплоть до начала двадцатого века.

Вася рассказывал, словно опытный экскурсовод, с теми же интонациями и серьёзным выражением лица. Мы с Элли слушали внимательно, хотя я и чувствовала, что моей дочери всё равно, кто в каком веке здесь жил, её интересовали совсем другие сведения – когда, наконец, её отведут к гномам? Но Васю она не перебивала, умничка.

– По правую и левую руки от основного дома, как вы можете увидеть, располагаются, по очереди, дом прислуги, личная часовня Назаровых, конюшня...

– Конюшня? – не выдержала всё-таки Элли. – А лошадки там есть?

– Боюсь, что я тебя огорчу, дитя моё, – мягко произнёс Вася. – Последняя лошадь была вывезена отсюда в одна тысяча девятьсот семнадцатом году, и с тех пор...

– Ну-у-у... – протянула Элли. – Я так не играю! Ладно,

Вася, рассказывай дальше. Но не забывай, что ночь скоро закончится, а у нас ещё конь не валялся – в буквальном смысле, хи-хи.

– Не слушай её, Вася. Мне интересно! А пруд? Я слышала, тут где-то есть пруд с лебедями!

– Есть, но нам его отсюда не увидеть. Он находится гораздо ниже самой усадьбы, за главным домом. Лебеди там действительно имеются, их как раз по весне выпускают на волю. Но сейчас, я думаю, они спят – есть небольшой остров в центре пруда, так вот там птицам и устроили жильё...

– Лебеди – это прекрасно! – скучным голосом заявила Элли. – Но мои гномики...

– Ах да, гномики! – Вася усмехнулся. – С гномиками история такая: в одна тысяча восемьсот семьдесят четвёртом году тогдашнему хозяину поместья Эдуарду Александровичу Назарову привезли в подарок несколько интересных вещей откуда-то с Востока. Не буду останавливаться на описании каждой...

– Да уж пожалуйста, – пробурчала Элли.

– Но среди них оказалась фигура, созданная то ли из камня, то ли из гипса, похожая на изображение какого-то буддийского божества. Эдуард Александрович, далёкий от религии и искусства вообще – он был увлечён в основном сельским хозяйством, – особого внимания на эту фигуру не обратил. Ну, скульптура и скульптура, у него в саду таких скульптур на каждом шагу. Но потом...

– Что потом? – у Элли загорелись глаза.

– После того, как гостя разместили, в знак уважения к дарителю, в самом центральном месте усадьбы, вокруг неё начали происходить странные события. И даже тогда никто бы не догадался, кто был источником этих происшествий, если бы не одна девочка...

– Девочка?? – ахнул впечатлительный ребёнок.

– Девочка. Кухаркина дочь. Однажды в зимнюю ночь, когда на улицу мог рискнуть выйти только самый смелый из смельчаков, эта девочка, укутавшись с ног до головы маминной норковой шубой...

– Вася!

– Ну хорошо, хорошо! – Вася улыбнулся, лукаво посмотрев на меня. В глазах его плясали чёртики. – Не шубой, а пуховым платком. Так вот, девчужка эта в самый разгар лютых сорокаградусных морозов выбежала во двор. Зачем, спросите меня вы?

– Зачем, Вася? – послушно спросили мы.

– А кто ж её знает, зачем? Главное не в этом, а в том, что пробегала наша героиня мимо того самого божка, привезённого с загадочного Востока.

– И он с ней заговорил, да, Вася?

– А ты откуда знаешь? – удивился Василий вполне естественно.

– Догадалась! – довольно протянула Элли. – А что он ей сказал?

– Этого никто никогда не узнал, потому что девчушка с той поры онемела.

– Бедняжка! От испуга, наверное, да, Вася?

– Вероятно.

– А что за странные события, которые происходили в усадьбе, ты так и не сказал!

– Разве не сказал? – он озадаченно почесал макушку. – А ведь действительно, упустил! Так вот, каждую ночь, едва только на старинных, стоящих в главном зале, часах маленькая стрелка ударялась о цифру двенадцать, на главной аллее главного здания усадьбы...

– Ах!

– Что такое, Элли?

– Страшно!

– Дальше рассказывать?

– Интересно, мне мерещится, или вы тоже это слышите? – прервала я разговор, делая шаг по направлению к белеющему за высокой изгородью дому.

– Что, мамочка? – Элли схватила за мою руку.

– Этот звук. Не пойму, шепчется там кто-то, что ли?

– Гномики?

– Кто знает...

– Ч-ш-ш-ш! – она приложила палец к губам и взялась за прутья решётки, подойдя к ней совсем вплотную.

Я оглянулась на Васю. Но что это с моими глазами? Васино лицо, видимо из-за разлитой вокруг темноты, вдруг из-

менилось, новые черты приобрело. Как будто совсем другой человек стоял передо мной сейчас, другой, похожий на...

– Почему ты на меня так смотришь, Ида?

– Вася... – я сглотнула нервно. – Вася, это невозможно...

– Вот он! – взвизгнула вдруг Элли.

– Кто?

Мы в одну секунду оказались рядом с ней.

– Гномик! – зашептала она. – Видите, видите? Во-о-он там, прямо на дорожке! Ну??

– Точно! – Вася сжал мои пальцы, неизвестно как очутившиеся у него в руке. – Колпак, короткие штанишки – всё сходится!

– Вася, идём же скорее к нему, ты видишь, он нас ждёт? Доставай колокольчики!

– Не спеши, солнышко, иначе мы его спугнём!

– Он же убежит сейчас! – она не отрывала отчаянного взгляда от незнакомца по ту сторону ограды. – Мама! Ну сделайте что-нибудь!

– Если ты будешь так кричать, он точно убежит!

– Я не кричу! – громко зашептала она. – Смотрите, он прямо на меня смотрит, как будто что-то сказать хочет! Вася, как нам туда войти? Тут есть лаз?

– Я, честно говоря, не уверен... В прошлом году, после того, как поместье ограбили, всюду понаставили камер и укрепили ограждение. Так просто теперь не зайти.

– Вася!! Что же нам делать? Он ведь уйдёт, а мы коло-

кольчики не успеем отдать!

– А я ещё одного вижу! – вскрикнула я. – На лужайке.

– Да! А вон ещё один, по лестнице бежит! И ещё! Ох!

– Смешные какие, правда?

– Наверное, у них совещание, – предположил Вася, положив руку мне на плечо. – Решают, что с нами делать.

– А может, позвоним колокольчиками? А? Они услышат, поймут, что мы с подарками, и впустят нас к себе!

– Боюсь, что не только они услышат...

– А кто ещё?

– Сторож. И тогда уж нам точно мало не покажется. Загребут в отделение, как нарушителей границ.

– Разве тут есть сторож? – недоверчиво оглянулась на Васю Элли. – А почему тогда гномики от него не прячутся?

– Так он для них свой. Небось, вместе по ночам куролесят.

– А ты его знаешь, что ли?

– Видел. Ильичом зовут. У него и ружьё имеется.

– Ружьё? – ахнула Элли.

– Ну, не то чтобы ружьё, так, ружьишко!

– Вася!

– Я пошутил, девочка моя! Кто ж Ильичу оружие в руки даст?!

– А зовут его не Володя, случайно? – хмыкнула я.

– Не знаю, – тихо рассмеялся Вася. – Ильич и Ильич, других обращений я никогда не слышал!

– Ну взрослые!! – взвыла Элли. – Пока вы тут глупости

говорите, мои гномики испугаться могут и тогда уж точно мы их больше никогда не увидим!

– Ладно! – Вася решительно схватился за прутья решётки. – Будем брать штурмом!

– Ура! Все на абордаж!

– А может быть, лучше лаз поищем? – робко произнесла я. – Знаете, в каждом заборе бывают дыры, нужно просто их хорошенько поискать...

– Пока мы будем искать, мама, мои гномики разбегутся!

– Элли, я тебя огорчу, но наверх мы подняться тоже не сможем, – уныло произнёс Вася, задирая голову вверх. – Видишь, там проволока протянута? Это сигнализация!

– Сигнализация?

– Увы. Стоит нам только до проводка дотронуться, и пиши пропало – завоюет-заорёт так, что не только твои гномики разбегутся, но и нам придётся ноги уносить. И ещё вопрос, унесём ли – Ильич знаешь какой быстрый! В прошлом году он марафон местный выиграл, первым к финишу пришёл!

– Ох!

– Да, согласен с тобой, – вздохнул Вася. – Нам с ним тягаться не стоит. Но как же быть?

Мы призадумались. Элли не отрывала огорчённый взгляд от человечков, которые сгрудились на площадке и о чём-то потихоньку шептались, прижавшись колпаками друг к другу. А я... я смотрела на Васю, пытаюсь вновь увидеть в нём то, что померещилось мне минутой назад. Но, видно, и вправду

померещилось...

Думаю, что именно мой смятенный взгляд натолкнул Васю на прекрасную идею.

– Я придумал! – воскликнул он радостно. – А давайте им наши колокольчики через решётку перекидывать, а?

– Через решётку? – вскрикнула Элли – Колокольчики? Вася, ты гений! Мама, доставай!

– А мы их не покалечим? – опасливо спросила я. – Всё-таки они такие маленькие, а колокольчики тяжёлые...

– А мы рядом будем бросать! И потом – они же не дураки, чтобы подставляться. Схватят и убегут, правда, Вася?

– Правда! Ну что, начинаем?

– Да! На старт, внимание, пли!

Маленькие сверкающие стрелы, одна за другой, полетели, рассекая со свистом тьму. Они кувыркались в воздухе, звеня и переливаясь, и всё летели и летели, а Эллин голосок звенел им вслед.

– Ловите, гномики, ловите, это вам!

И они ловили! Подпрыгивали, натыкались друг на друга, толкались и звонко при этом хохотали тоненькими голосками. И Элли заливалась вместе с ними.

– Это вам, вам!

Веселье затихло лишь тогда, когда, запустив в очередной раз руку в рюкзак, я обнаружила, что снарядов больше нет.

– Кончились, Элли!

– Ах!

– Посмотри, они радуются!

И правда, гномики пустились в пляс, размахивая колокольчиками. Сколько же их там было? Я сбивалась со счёта. Пять, шесть, а может быть восемь?

– Элли! – вдруг закричали они в один голос, а наша девочка, раскрыв широко глаза, вцепилась в решётку. – Элли, спасибо!

– Вы меня знаете??

– Да! Да! Спасибо, Элли!

– О-о-о! – она ещё сильнее вцепилась в прутья. – Я к вам ещё приду! Слышите? Приду!

– Элли! Мы будем ждать!

И они, всё так же размахивая звенящими штучками, вприпрыжку, покачивая весело колпаками, понеслись куда-то по дорожке.

– Мы будем ждать!..

Уже аллея перед лужайкой опустела, а Элли всё ещё стояла, обняв решётку, и глядела им вслед.

– Ушли, доченька...

– Ушли, – выдохнула она.

– И нам нужно уходить.

– Да-да, сейчас...

Вася взял меня за руку. Я с благодарностью сжала его пальцы. Сказки сами не приходят. Их нужно приглашать...

– А мы ещё когда-нибудь вернёмся к ним, правда, Вася?

– Вернёмся, девочка моя. Обязательно. Ты спи, Элли, спи...

– Я сплю, Вася...

Она так и не выпустила его руку, пока не погрузилась в крепкий, глубокий, спокойный сон. Умаялась за такой долгий день, бедняжка!

– Вася, может быть, всё-таки останешься на ночь? Я с Элкой лягу, а ты в моей комнате. Тамара поймёт...

– Нет, Ида. Это неправильно. Я пойду. Ты не волнуйся, мне недалеко.

– Я знаю. Но всё равно волноваться буду.

– Да что со мной случится в родном городе!

Он встал. Я поднялась тоже.

– Я провожу тебя!

– Зачем? Ложись, Ида, сама еле на ногах держишься!

– Ничего, продержусь ещё.

На улице как будто посветлело немного. Или просто глаза привыкли к темноте?

– Не холодно, Ида?

– Ну что ты! Тепло... – я помолчала. – Вася, спасибо тебе!

Ты... ты не представляешь, что ты для нас сделал! Для Элки сделал...

– Да я-то тут при чём? – он улыбнулся.

– Ты знаешь, Вася... Там, в усадьбе, мне показалось вдруг... – я подняла на него глаза.

И больше ни слова произнести не смогла. Онемела. Как

та девчушка из усадьбы.

– Что, Ида?

Его глаза, и этот голос... Кажется, я схожу с ума.

– Ничего, – очнулась я. – Ничего. Мне показалось. Конечно, показалось.

– Ида, Идочка...

– Нет, Вася... Ты... иди. Иди, пожалуйста.

– Хорошо.

– И не оглядывайся, ладно? Обещаешь?

– Не буду.

– Доброй ночи, Вася!

– До завтра, душа моя...

Но он всё-таки оглянулся. Один раз. Или два. А может быть, больше...

Запирая калитку, я смахнула с щеки влагу. Бойтесь очарования...

Глава 12

Даже не знаю, почему ноги повели меня в эту сторону. Вроде бы нам и не надо было сюда, вроде бы мы совсем в другой переулок собирались, но я свернула за угол, а моя дочка потянулась следом, не обращая никакого внимания на изменение маршрута.

– Мам, смотри, какие квадратики под ногами! Давай, кто на них наступит, тот проиграл? Нет, лучше наоборот!

– Ага, хитренькая! Они такие малюсенькие, что только твоя лапка туда и поместится! Лучше посмотри, куда мы пришли!

– А куда?

Она подняла голову и взвизгнула радостно:

– Львы!

– Кто больше насчитает львов, тот выиграл! Время пошло!

– Раз, два, три... семь!

– Где ты семь увидела? У меня получилось шесть!

– Ага, значит, я выиграла!

– Ты смухлевала! Откуда ты ещё одного взяла, вот скажи?

– Давай считать! Два больших, ещё два на балконах – это четыре, так?

– Так.

– Один в калитке живёт – это уже пять. Ещё один под самой крышей, вон там, видишь?

– И он же последний! Ну, смухлевала?

– Мама! А в окне?

– Где в окне, в каком?

– Да вон же, на подоконнике!

– Так это игрушка детская! Это не считается!

– Как же не считается, когда ты сказала – львы. А игрушка разве не лев?

– Точно лев, отвечаю... – произнёс кто-то за нашими спинами.

Мы с Элли быстро обернулись.

– Это вы! – ахнула я.

– А я говорила, что мы ещё встретимся! – молодая женщина, мама маленького индейца, улыбалась нам, как родным. – Вот вы и вернулись...

– Вернулась...

– Здравствуй, а ты, наверное, Элли!

– Откуда вы знаете? – ахнула я.

– Элли, – не ответив на вопрос, женщина с любопытством взгляделась в девочку. – Скажи мне, твоё желание исполнилось?

– Желание? – повторила Элли, вздрогнув. И зачем-то посмотрела на меня.

– Ты ведь не просто так пришла в город Изумрудный?

– Я... нет, не просто так. Просто так ничего не бывает.

– Я тоже так думаю.

– Тётя, а можно я поглажу ваших львов? Хоть одного, вон

того лежебоку?

– Лежебоку? – она приподняла брови и задумалась. – А ты очень огорчишься, если я тебе откажу?

– Я огорчусь, но... наверное, не очень.

– Тогда не будем гладить, ладно? Понимаешь, Элли, это совсем другая сказка...

– Я понимаю, – кивнула моя дочь. – Сказки смешивать нельзя, иначе возникнет путаница.

– Ты всё правильно говоришь, девочка Элли! Скажи мне, а тебе наш город пришёлся по душе? Впрочем, не отвечай, я уже сама всё увидела.

Солнцеликая, не торопясь, открыла калитку и ещё раз обернулась к нам.

– Когда придёт время – идите до конца! И ничего не бойтесь...

Мне показалось, или Лежебока махнул хвостом, когда она проходила мимо?

– Мам, какая она красивая, правда?

– Идём, доченька!

– До конца?

– Я с тобой ничего не боюсь!

Она позвонила, когда мы все находились на кухне. Тамара стояла у плиты, Вася крутился за её спиной, Элли гоняла разноцветные шарики в моём телефоне, а я двигала туда-сюда предметы моего будущего натюрморта, выбирая са-

мое лучшее положение. Неожиданный звонок застал меня с трёхлитровым баллоном в руках, доверху наполненным водой. Я как раз увидела пятёрку в соцветиях сирени и собиралась схватить её губами.

– Мам, тебе какая-то Рузанна звонит!

Бамц!

– Ой, мамулечка...

– Ничего, я потом соберу!

Перепрыгнув через стеклянные осколки и стараясь не наступать на цветы, я бросилась к телефону. Вася замер.

– Изольда, мы нашли его, нашли! Вы слышите меня? Ваш Матвей нашёлся!

– Вася!!

Глава 13

– Далеко ещё, Вась?

– Не нервничай, скоро придём.

– Я не могу не нервничать...

– Ида, ты помнишь, мы как-то говорили с тобой о лестнице молчания?

– О лестнице молчания? – я слегка замедлила шаг. – Помню, конечно. Ты ещё тогда как-то странно себя повёл, отказался отвечать почему-то.

– Я там был, Ида.

– Не один?

– Не один.

– И что случилось с тобой наверху, Вася? Что с вами случилось?

– Мы не дошли.

– Как – не дошли?!

– Вот так. Она отказалась со мной идти до конца.

– До конца? Отказалась? – я остановилась даже. – Вася, это была Лика?

– Лика.

– А где она сейчас?

– Н-н-е знаю.

– Как – не знаешь? Я думала, вы с ней... Ведь вы же...

– Ты помнишь ту записку, которая из этажерки выпала?

Ты этажерку уронила, а из неё...

– Я помню, помню! Ты его ещё за спиной спрятал, этот листок! А что там было, Вася?

– Письмо. Ликино письмо. Не мне.

– А кому?

– Это неважно, Ида. Важно другое – мне пришлось сделать ей предложение, потому что иначе в тот момент я не мог поступить.

– Она была беременна? Не от тебя?

Он промолчал. Правильно, я бы тоже не хотела отвечать на этот вопрос.

– Но вы всё равно не поженились...

– Были обстоятельства, которые уберегли нас...

– Вася, а почему ты сейчас об этом вспомнил? Ну, о лестнице?

– Мне показалось, что это важно, именно сейчас важно.

Впрочем...

Он отвёл от меня глаза.

– Вася...

– Да, Ида!

– А ты... – я продолжила совсем не так, как хотела. – А как поживает твоя племянница Саша?

– Сашка? – он удивился. – Хорошо поживает. Работает много только, совсем нет времени на личную жизнь.

– И как её муж это терпит?

– Какой муж, Ида?

– А что, у неё их несколько?

– Вообще-то ни одного. С чего ты решила?

– Но мне Света сказала...

– Света? Как – Света? – он побледнел.

– Она мне звонила, ещё когда я в Москве была. Звонила и приглашала в Арбузов. Сирень, говорит, расцвела. Про дочку рассказывала, что замуж её выдала...

– Ида... – он поморгал беспомощно. – Света умерла полгода назад.

– Что???

– У неё сердце больное было. Никто не знал, она не жаловалась никогда.

– Господи, господи! – у меня всё поплыло перед глазами.

– Так что она никак не могла тебе звонить. Ты что-то перепутала, Ида.

– Но как же так, Вася, как же так...

– Мы пришли.

Наверное, именно из-за своего состояния я не сразу его узнала. Этот двор. Наш двор.

– Вася, ты уверен?

– Конечно. Вот смотри, – он кивнул на табличку, прибитую к углу дома. – Последний переулок, дом два.

– Как Последний переулок? Разве Рузанна про него говорила?

– Ну вот, ты же сама записала, глянь!

– Да, вижу. Видимо, я так волновалась тогда, что даже

внимание на это название не обратила.

– Ну что, Ида. Ты иди теперь.

– А ты?

– А я здесь подожду.

– Мне страшно, Вася!

– Я знаю.

– Так мне идти?

– Иди.

Я сделала один шаг.

– Ида!

– А?

– Нет, ничего. Иди. Иди быстрее, не рви мне сердце!

И я побежала.

А ступеньки вовсе не узкие! Вот, моя ступня помещается как раз! Раз – ступенька, два – ступенька...

В дверь я постучала еле слышно, одними ноготочками. Но меня услышали.

– Иду! – глухо донеслось с той стороны.

Дверь распахнулась неожиданно, хотя я ждала этого момента всю жизнь. Или всего год, неважно.

– Это вы??

– Заходите. Я вас ждал.

Он первым сделал шаг в темноту, поворачиваясь ко мне спиной. Немолодой, высокий человек с разноцветными глазами.

– Подождите!

– Что такое? – он обернулся удивлённо.

– Где Матвей? Мне дали этот адрес... Он здесь?

– Матвей? – его молчание мне показалось вечным. – А разве вы ещё не поняли, душа моя?

– Что я должна была понять... – прошептала я растерянно.

Он молчал, просто смотрел на меня. Его лицо менялось, плыло, мерцало, то с этими стенами сливаясь, то вновь приобретая чёткие черты. Чьи? Я не могла понять, не понимала... Не хотела понимать...

– Кто вы такой?

– Знаете, когда я увидел вас в первый раз – там, на перроне, – я влюбился. В вас влюбился, Ида! В душу вашу заплутавшую, запутавшуюся. И мне очень захотелось вас распутать. Или запутать ещё сильнее, связать путами прочнее, чем смерть.

– Какими путами?

– Любовью. Мне удалось?

– И тогда вы придумали Матвея... – наконец, до меня стало доходить. – Наслали на меня, как наваждение, как морок, как сон... Значит, не было ничего? Ни полётов, ни оперы, ни Сулико...

Горькое отчаяние, смешанное с чем-то ещё, с чем-то неуловимым, ускользящим, лёгким, охватило меня.

– Это был красивый сон, не правда ли? – с гордостью ска-

зал он. – Возможно, самый лучший из тех, что мне приходилось выдумывать!

– Кто вы такой? Кто вы такой, чёрт вас возьми?

– Я? – он улыбнулся мечтательно. – Я – это всё, что здесь есть, Ида. В каждом из них есть я. И в вас тоже. Вы ведь это уже поняли...

– Вы – Город?

– Не Город, Ида, но его душа...

Сзади вдруг треск какой-то послышался. Я оглянулась – на мгновение, на миг – а когда повернулась обратно, ни старика, ни двери на месте уже не было. Только дробно и мелко кто-то очень маленький топал за стеной.

Они пыхтели рядом, они раскачивались на бельевых верёвках, они сбегали по узким ступенькам и звали меня за собой.

И я побежала. Побежала, сломя голову, и ничто больше не могло меня остановить.

– Вася!!!

– Ида, хорошая моя, что случилось? На тебе лица нет!

– Наоборот, Вася, наоборот! Оно теперь появилось, моё лицо!

– Ида! – он отстранился. – Ты его нашла?

– Нашла, Васенька. Нашла!

– Зачем же ты тогда вернулась?

– Я к тебе вернулась, Вася!

– Я ничего не понимаю...

– Всё это время я за призраком гонялась, Вася. А настоящий – здесь. Ты настоящий, понимаешь? Он показал мне Город, а прикоснуться к Городу позволил только ты. Я к тебе вернулась, Васенька, потому что всё это время я тебя любила, но узнала об этом только сейчас! Ты простишь меня?

– О, Ида! Звезда моя зачарованная!

– Не бойтесь очарования, оно ведёт к любви...

Глава 14

– Элли, детка, ты сможешь пока Кето? Нам с Васей кое-куда отлучиться нужно.

– Э, зачем мне помогать? – Кето выглянула из-за вороха белых кружев. – У меня что, руки отсохли, да? Пусть лучше с Ираклием столы проверят, боюсь, опять мы что-нибудь забыли!

– Кето, я же говорила, надо было ресторан заказывать! Одна нервотрёпка с этими приготовлениями!

– Ещё и не с таким Кетено справлялась! Помнишь, даико, какие проводы я Терезиному мальчику отгрохала? Небось, до сих пор вспоминает!

– Ну ты сравнила – проводы в армию и свадьбу! – рассмеялась я.

– Да там людей в пять раз больше было! Одних только Гигладзе целое село припёрлось. А у вас? Тьфу, смешно даже.

– Ну извини, что весь город не позвали...

– Кстати, кто утром пойдёт наших тётушек встречать? Тебя, Идка, не пущу, нечего невесте в день свадьбы на вокзале делать!

– Так мы же с Ираклием собирались, тётя Кето! Ты забыла?

– Тётя Кето никогда ничего не забывает! – фыркнула Кетеван. – Ну всё, брысь отсюда, а то из-за твоей болтовни я

иголку потеряла! Подожди, Элико, вот эту миску Тамаре отнеси, она просила. И больше меня не отвлекать! Это и тебя тоже касается, Ида! Иначе не платье получится, а слёзы, причём в прямом смысле, – куда эта чёртова иголка делась?

Мы с Элли со смехом выскочили из комнаты.

– Мам, а вы с Васей туда, да?

– Куда – туда? – усмехнулась я.

– Ну, ты понимаешь...

– Смешная ты, Элка!

– Мам, я всё сказать тебе хотела...

– О чём, девочка моя?

– Помнишь, я про сон свой рассказывала, ну, когда ты в первый раз в Арбузов ехала? Помнишь?

– Припоминаю. Мне тогда тревожно отчего-то стало, после твоих слов.

– Мне снилась ты, мамуль. И...

– И Вася, да?

– Как ты догадалась?

– А помнишь, когда ты в первый раз его в кафе увидела, тебе будто почудилось что-то... А ты просто вспомнила тогда свой сон, да?

– Да...

– И испугалась?

– Немного. Но потом я поняла...

– Что?

– Что девочка Элли не просто так пришла в город Изу-

мрудный. Просто так ничего не бывает!

– Значит, твоё желание сбылось, маленькая путешественница? – я вгляделась в её серьёзное личико с трепетным вниманием.

– Да, мамочка! – она кивнула. – Ты больше никогда от меня не уедешь, потому что разве можно уехать из Изумрудного города?

– Девочки, вы здесь? А я вас ищу, ищу...

– Васенька!

Мы бросились к нему одновременно и чуть с ног не сбили.

– А почему у вас слёзы на глазах? – встревожился он. – Что случилось?

– Какой ты смешной, папа Вася! – Элли шмыгнула носом. – Разве ты не знаешь, что плачут не только от горя, но и от счастья, а?

– А вы уверены, что на ваших лицах именно счастье нарисовано?

– Оно не нарисовано, а написано, Вася! А то, что написано пером, не вырубишь топором! Да, мам?

– Соглашусь с предыдущим оратором, – улыбнулась я. – А теперь марш к Ираклию и чтоб ни одной проказы в наше отсутствие, понятно, Цицерон?

– С одним условием!

– Ну-ка, ну-ка! – Вася обнял меня за плечи, и меня пронзило такое жгучее, такое искрящееся счастье, что я даже глаза закрыла на миг – чтобы запомнить на всю жизнь это ощу-

щение, этот маяк, этот свет.

– Вы мне расскажете, что вы там увидите, в самом конце лестницы!

– Мне кажется, я совсем не буду против, если кто-то пошлит немного, а, звезда моя?

– Шали, ребёнок! – рассмеялась я. – И ни в чём себе не отказывай!

Глава 15

– А началось всё с того, что мне приснился сон...

– Как, и тебе?! – улыбнулась я.

Но впрочем, смешно мне не было. Васины глаза, устремлённые куда-то в далёкую даль, совсем не располагали к веселью. И я, кажется, уже знала, какой ответ сейчас последует. Как та женщина из львиного Дома...

– Мне снилось, что я – это не я, а совсем другой человек. Знаешь, и во сне я был уверен, что так и есть, я – счастливчик, в объятия которого вдруг упала самая прекрасная женщина на свете. Она не оступилась на скользкой дорожке, её бросило мне в руки само провидение! Я осознал это в тот же миг, что услышал за своей спиной лёгкие шаги... – он сжал мои похолодевшие пальцы. – Я водил её по улицам города и сам не мог понять, то ли я его житель, то ли сам Город, его призрачная душа... А потом я проснулся, Ида.

– И увидел меня...

– И увидел тебя. Но тогда я ещё ничего не понял...

– А когда... понял, Вася?

– Я не могу тебе сказать, когда точно ко мне пришло озарение. Может быть, в тот момент, когда ты показывала мне театральную программку, или тогда, когда спрашивала, сон тебе приснился или ты на самом деле где-то гуляла ночью. Ведь и я тоже никак не мог в этом разобраться!

– Но почему, почему ты мне сразу ничего не объяснил, Васенька?!

– Понимаешь, Ида... Я не мог... Я боялся...

– Ты боялся, что я тебе не поверю?

– И это, наверное, тоже, но... нет, не так. Там, во сне, я был всемогущ, Ида, и вовсе не столь неловок, как в жизни. Я был совершенным, таким, каким хотел быть всегда. Я думал, что и тебе нужен только такой мужчина...

– О, Вася! Ты и есть такой, как же ты этого не видишь, не понимаешь?

– Я ведь и твоего Матвея взялся разыскивать именно поэтому – я решил, что найду похожего на него человека, ты влюбишься, позабудешь о странных снах...

– А знаешь, о чём я думала в те минуты, когда бродила по Последнему переулку? – вдруг вспомнилось мне. – Об идеальном мужчине и о том, что отныне настроена на встречу только с самим совершенством!

– И Город тут же предоставил его тебе прямо в руки! Матвея...

– Тебя, Вася! – я прильнула к нему. – Тебя! Потому что только ты и есть моё совершенство, мой идеал, мой маяк и моя Вселенная!

– Выдумщица... – он заглянул мне в лицо. – Пусть же чары эти никогда не спадают с твоих глаз, моя заморожённая странница! А теперь...

– Идём?

– Идём! До конца?

– Не будет никакого конца, Вася! – твёрдо сказала я. – Только бесконечная и светлая сказка! Даже если эти ступеньки приведут нас...

– Куда бы ни привели, Ида. Теперь это совсем не важно. Дай же мне свою руку, о, моя прекрасная дама!

И мы сделали первый шаг.

А потом второй.

И ещё...

Сказки не приходят сами.

Их надо приглашать!

Источники изображений, использованных на обложке: unsplash.com, pixabay.com (бесплатно для коммерческого использования, указание авторства не требуется)